

В. П. НИКОНОВ
Ю. С. ХУДЯКОВ

«СВИСТЯЩИЕ
СТРЕЛЫ»
МАОДУНЯ И
«МАРСОВ МЕЧ»
АТТИЛЫ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ФИЛОМАТИС

**MILITARIA
ANTIQUA**

VI

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2003 ГОДУ

ИДЕЯ СЕРИИ:

О. И. Трофимова, В. П. Никоноров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

**А. Н. Кирпичников, Б. А. Литвинский,
В. П. Никоноров (ответственный редактор),
Ю. С. Худяков**

В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков

**«СВИСТЯЩИЕ СТРЕЛЫ» МАДУНЯ
И «МАРСОВ МЕЧ» АТИЛЫ**

**ВОЕННОЕ ДЕЛО АЗИАТСКИХ ХУННУ
И ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФИЛОМАТИС»
МОСКВА
2004**

УДК 355.48(4/5)

ББК Ц35(5)4+Ц35(4)4

*Издание выпущено при финансовой поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со средствами
массовой информации Санкт-Петербурга*

Ответственный редактор
профессор С. Г. Кляшторный

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; М.: Филомагис, 2004. — 320 с. (Серия «Militaria Antiqua», VI).

ISBN 5-85803-278-6 («Петербургское Востоковедение»)

В книге рассматриваются военное искусство и вооружение Н 62 центральноазиатского кочевого народа хунну (сиюнну), могущественного северного противника Китая, начиная с середины III в. до н. э., а также генетически связанных с хунну европейских гуннов, которые доминировали в степях Юго-Восточной Европы с 370-х до 460-х гг. н. э. Уделяется внимание особенностям военного дела и соседних народов, исторически связанных с хунну и гуннами, — дунху, сяньби, германцев-готов и др. Повествование построено на использовании данных древней письменной традиции и археологии и хорошо проиллюстрировано изображениями находок оружия того времени и графическими реконструкциями облика хуннских и гуннских воинов. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой древних поимдов Евразии.

ISBN 5-85803-278-6

© «Петербургское Востоковедение», 2004

© В. П. Никоноров, Ю. С. Худяков, 2004

Зарегистрированная торговая марка

ОТ АВТОРОВ

В настоящем выпуске серии «*Militaria Antiqua*» читатель ознакомится с военным делом хунну и гуннов — древних народов, сыгравших огромную роль как в истории, так и в развитии вооружения и военного искусства всего евразийского материка. Текст первой части этой книги, а также все (за редким исключением) иллюстрации к ней подготовлены Ю. С. Худяковым. Вторая часть написана В. П. Никоновым, реконструкции и некоторые другие иллюстративные материалы к ней выполнены А. В. Сильновым (он же подготовил несколько реконструкций к Части I). В основе текста книги лежат предыдущие научные публикации авторов по данной тематике¹, переработанные ими с целью ознакомления самой широкой читательской аудитории с результатами их исследований.

¹ См.: Худяков, 1986; Никонов, 2002.

Часть I

«СВИСТЯЩИЕ СТРЕЛЫ» МАОДУНЯ: ВОЙНЫ И ВОЕННОЕ ДЕЛО ХУННУ

В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ: ХУННУ В ОРДОСЕ

Военная история хунну, воинственного и многочисленного кочевого народа, создавшего двадцать два столетия тому назад первую могущественную военную державу в степном поясе Евразии, наводившую страх на Китай и другие страны Центральной Азии, уходит корнями вглубь «седой» бесписьменной древности. Первые сведения о хунну (или сюнну), одном из кочевых объединений среди «северных варваров ху», попали на страницы китайских исторических сочинений в IV—III вв. до н. э. По этим небольшим крупицам, упоминаниям об участии хунну в военных столкновениях с войсками древних китайских царств или других кочевых народов и находкам из раскопок археологических памятников современным ученым удалось определить, что древние хунну жили в степях и горах к северу и северо-западу от китайских земель, в Ордосе и Иншане.

Одно из самых ранних военных нападений хунну на другие племена, отраженное на страницах китайских летописей, произошло в конце IV в. до н. э. В 318 г. до н. э.

хунну в союзе с китайскими княжествами напали на царство Цинь. В 314 г. до н. э. сюнну совершили военный поход на племя лоуфаней, союзников или вассалов древнего китайского царства Янь. Это был стремительный набег, во время которого войска сюнну «мчались во весь опор». Кочевники лоуфани жили в Ордосе на границе с китайскими государствами. Судя по богатству захоронений родовой знати этого кочевого племени, обилию золотых украшений пояса и костюма, выполненных в характерном для скифских номадов «зверином стиле», лоуфани были богатым племенем, извлекавшим немалую выгоду из своего союза с царством Янь. Большая часть этих золотых пряжек, блях, наверший с изображением тигров, терзающих баранов, оленей-грифонов, домашних овец, была изготовлена китайскими ремесленниками специально для продажи знатным лоуфаням с учетом их вкусов и представлений о красоте и силе. Эти золотые украшения могли быть данью кочевникам со стороны правителей царства Янь за охрану его границ. Внезапные набеги хунну не только разоряли лоуфаней, но и ставили под угрозу безопасность жителей самого китайского царства.

Во время одного из таких набегов «люди народа ху» напали на владения лоуфаней, «захватили их быков и лошадей»². В конце III в. до н. э. племя лоуфаней было разгромлено правителем китайского царства Чжао и откочевало в западном направлении на Ордосском плато. Переселение лоуфаней сделало китайцев

² Ковалев, 2002. С. 106.

непосредственными соседями других кочевых племен. В середине III в. до н. э. во время крупномасштабной войны военачальник царства Чжао Ли Му нанес страшное поражение хунну и другим кочевым племенам, совершавшим набеги на китайские владения. Китайский полководец тщательно подготовился к войне с кочевниками. Им был образован пограничный округ Дай, «готовый отразить нападение сюнну». «Вдоль границы были поставлены башни с сигнальными огнями... Когда сюнну вторглись малыми силами, то он отошел... Узнав об этом, сюннуский шаньюй вторгся в чжаоские земли с огромной массой своих воинов. Но Ли Му развернул свои левый и правый фланги и ударил по армии сюнну, нанеся ей крупное поражение. Погибло более 100 тысяч сюннуских конников. Он уничтожил [племена] дунху, принудил сдаться [племена] линьху. Шаньюй спасся бегством. В последующие десять с лишним лет племена сюнну уже не решались приближаться к пограничным городам Чжао»³.

Судя по этим сведениям, у хунну уже в середине III в. до н. э. существовало крупное потестарное объединение, способное мобилизовать значительные силы конницы для крупномасштабных военных действий. Во главе хуннского объединения уже в те далекие времена стоял правитель с титулом шаньюй. Первоначально хунну вторглись на земли царства Чжао «малыми силами». Авангард хуннского войска должен был провести разведку боем. Полководец Ли Му, имевший немалый опыт в войнах с кочевниками, при-

³ Ковалев, 2002. С. 107.

казал отступить и тем самым заманил основное хуннское войско в западню в глубине своей территории. Отборные войска ударили на хунну с флангов, зажали их в клещи. Не ожидавшие фланговых атак кочевники не смогли оказать достойного сопротивления и были разгромлены. Хунну понесли столь большие потери, что в последующее десятилетие не могли или опасались совершать набеги на царство Чжао. Кроме самих хунну, были «уничтожены» племена дунху и покорено племя линьху. Вероятно, они были привлечены для участия в войне на стороне хунну под знаменами шаньюя. Эту же победу китайского полководца Ли Му имеет в виду знаменитый ханьский историк Сыма Цянь, говоря в своих «Исторических записках», что Ли Му «на севере прогнал шаньюя, нанес поражение дунху, уничтожил даньлин»⁴.

Царство Чжао, граничившее с кочевниками, имело боеспособное войско и опытных полководцев, умевших одерживать победы над недостаточно организованными конными отрядами степняков. В составе чжаоского войска были отряды воинов-кочевников ху. Вождь племени линьху преподнес чжаоскому вану У-лину лошадей и признал себя вассалом. Первый советник царства Дай — Чжао Гу «управлял племенами хусцев, собрал их войска».

Хуннское объединение в середине III в. до н. э., видимо, было самым крупным и сильным среди кочевых племен Северного Китая, поскольку вокруг хуннского шаньюя образовался военный союз, в который

⁴ Ковалев, 2002. С. 108.

вошли дунху, линьху и даньлин. Однако даже такое многочисленное после объединения войско не могло справиться с армией одного из китайских царств, поскольку было недостаточно дисциплинированным и организованным. Если в предшествующие годы китайцы предпочитали «отгородиться» от кочевого мира, возводя на своих северных границах «длинные стены», то к середине III в. до н. э. они научились успешно противостоять кочевникам на поле боя.

В 228 г. до н. э., во время войн между китайскими царствами, из государства Цинь во владение Янь бежал мятежный полководец Фань Уци. Это создавало повод для войны. Чтобы избежать угрозы военных действий, сановник Цзюй У посоветовал наследнику престола царства Янь «договориться с шаньюем» и переправить мятежного военачальника «к сюнну». Судя по этим намерениям, хуннский шаньюй в это время был влиятельным, независимым правителем. Он охотно принимал китайских перебежчиков, среди которых были опытные военные специалисты, способные помочь шаньюю в усилении его войска, и мог не опасаться угроз со стороны китайских царств. Ставка шаньюя в этот период находилась к северу от царств Чжао и Янь.

После объединения всех китайских земель императором Цинь Ши-хуанди соотношение сил между кочевниками радикально изменилось. В 215 г. до н. э. император «послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсоттысячной армией для нападения на ху. В результате [войска] захватили земли Хэнани». В следующем, 214 г. до н. э. войска циньского императора

«вытеснили и прогнали» племена сюнну. На завоеванных землях в Ордосе было создано около сорока новых уездов — административных округов Циньской империи. Вдоль северной границы была возведена длинная оборонительная Великая Китайская стена — одно из выдающихся инженерных сооружений древних китайцев, оказавшаяся, однако, совершенно бесполезной в деле обороны от кочевников. Во время нового похода китайское войско перешло Желтую реку и соорудило вдоль нее «заставы и вышки, чтобы отгонять жунов». По представлениям китайцев, в ходе этой войны были «отвоеваны обратно» все земли, лежащие к югу от реки Хуанхэ. Видимо, они считали «своими» районы, населенные вассальными кочевыми племенами, зависевшими от древних китайских царств.

Кровопролитная война и тяжелые поражения значительно ослабили хунну. Их главенствующее положение в кочевом мире изменилось. Набирали силу западные и восточные соседи хунну, племена юэчжей и дунху. Правитель хунну неудачливый шаньюй Тоумань, первый из известных по имени, был вынужден бежать от китайцев и перенести свою ставку на север, подальше от новой китайской границы. «Тоумань, [будучи] не в силах победить Цинь, переселился на север»⁵. Это переселение могло стать началом крушения и исчезновения с политической арены хуннского объединения, как не раз бывало в истории кочевых народов, но неожиданно оно пробудило в хунну волю к возрождению былого величия и возвращению

⁵ Миняев, 1998. С. 80.

утраченных земель. В этом им помогла разразившаяся в Китае «великая смута», подорвавшая изнутри казавшееся незыблемым могущество Цинь и великого «желтого императора» Цинь Ши-хуанди, основателя единой китайской «поднебесной срединной империи». Во времена воцарившейся смуты «сюнну почувствовали свободу», постепенно переправились на южный берег реки Хуанхэ, в Ордос, и вновь «стали граничить с Срединным государством по старой укрепленной линии». Это было первым шагом к восстановлению прежнего авторитета хунну в кочевом мире. Десять долгих лет понадобилось хунну, чтобы утвердиться на своих прежних землях в Ордосе. Испытав горечь поражения, они смогли оценить важность понесенной утраты и были готовы на жертвы. Нужна была только непоколебимая воля и вера в победу, которые им внушил вырвавшийся «удальцом» из юэчжийского плена молодой и честолюбивый наследник и претендент на престол шаньюя — Маодунь (или Модэ).

С каким оружием воевали, побеждали и терпели военные неудачи хунну в древнейший период своей истории, когда они жили на северных окраинах Китая, до образования своей могущественной военной державы? В археологических памятниках древних кочевников, которые считаются хуннскими или принадлежавшими родственным и союзным племенам номадов, обнаружены различные предметы вооружения⁶. Судя по этим находкам, уже в IV—III вв. до н. э. главным оружием хунну были луки и стрелы. В одной из

⁶ Ковалев, 2002. С. 119—121.

могил найдена сохранившаяся целиком деревянная кибить — основа лука. Она склеивалась из трех частей: середины и концов (рис. 1, 1). Частой находкой в памятниках древних хунну являются костяные концевые накладки. Они бывают разной величины: короткие и прямые, длинные и изогнутые. На конце каждой накладки сделан арочный вырез для надевания петли тетивы (рис. 1, 2—6, 11—12). Такие накладки служили для того, чтобы сделать конец лука негнущимся. Они испытывали напряжение на излом при натяжении тетивы лука. Такими же луками воевали и главные противники древних хунну в кочевом мире, древние монгольские племена дунху, объединение которых находилось «в силе» в конце III в. до н. э.

Почему в памятниках этих древних номадов сохранились накладки только на одном конце лука — большая загадка. У самых древних и больших «усиленных» луков из неолитических комплексов Прибайкалья накладки приклеивались по всей длине деревянной основы. Они служили для повышения упругости и рефлекторной силы лука. Такими же луками пользовались древние скотоводы Южной Сибири в эпоху ранней бронзы. В период развитой бронзы в Западной Сибири появились луки с роговым или костяным вкладышем, вставлявшимся в верхний конец деревянной кибити. Вполне возможно, что луки древних номадов были следствием модернизации таких древних луков, известных у кочевников бронзового века. Накладки первоначально приклеивались только к одному, верхнему, концу лука, что придавало ему большую жесткость. Концы луков были разной длины, по-

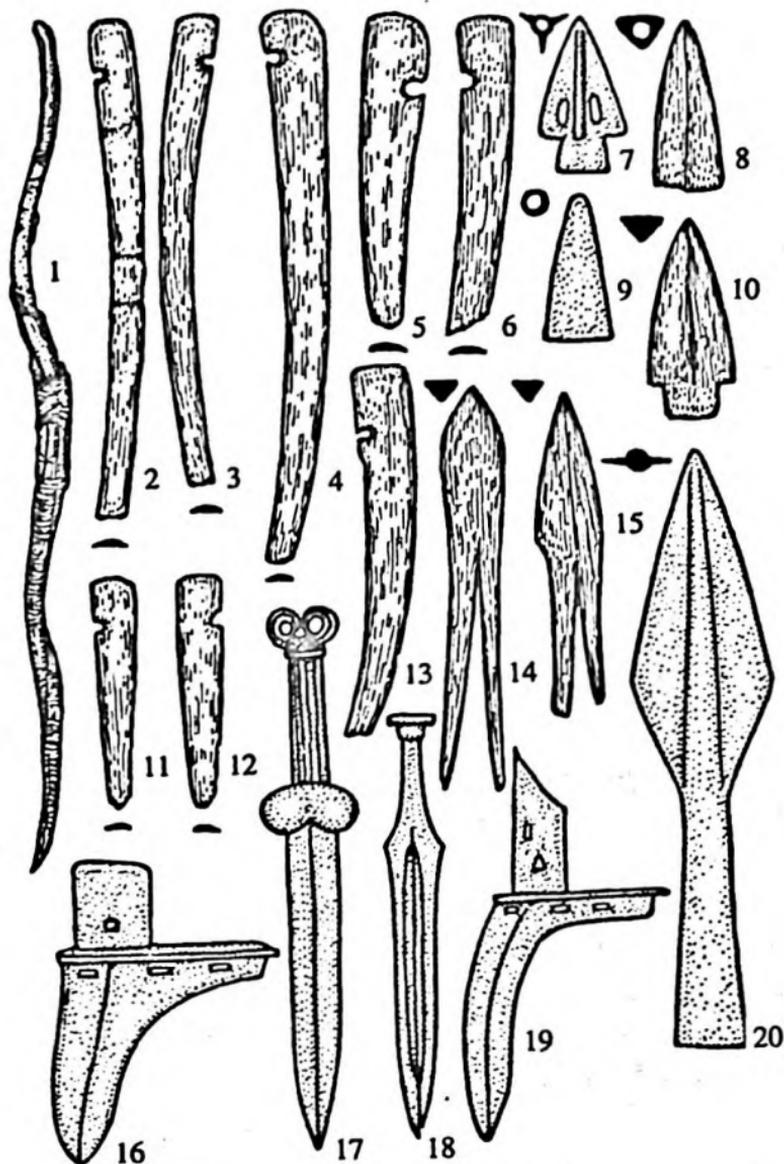

Рис. 1. Оружие ранних хунну:

1 — лук; 2—6, 11—13 — костяные накладки на лук; 7, 9 — бронзовые наконечники стрел; 8, 10, 14, 15 — костяные наконечники стрел; 16, 19 — бронзовые клевцы; 17, 18 — бронзовые кинжалы

скольку всадникам приходилось вести стрельбу, сидя верхом, и скакать при этом во весь опор.

Хуннские всадники метко поражали врага своими стрелами с бронзовыми и костяными наконечниками. Хуннские бронзовые стрелы были литыми, они имели короткую полую втулку, в которую вставлялось деревянное древко и трехлопастное или округлое в сечении перо удлинненно-треугольной формы. На лопастях трехлопастных наконечников были овальные отверстия (рис. 1, 7, 9). Похожие стрелы были широко распространены у древних кочевников всего степного пояса Евразии в скифское время.

Древние хунну стреляли из луков и стрелами с костяными наконечниками. Они имели трехгранное в сечении перо, остроугольное острие и прямые плечики. Наконечники различались по форме насада. Среди них были втульчатые, черешковые и стрелы с раздвоенным насадом (рис. 1, 9, 10, 14, 15). Наконечники, имевшие на насаде глубокий врез, разделявший его на две части, между которыми вставлялось приостренное древко, были характерными именно для хунну. В период возвышения державы хунну они были заимствованы многими кочевыми племенами, стремившимися во всем подражать хунну. У самих хунну они применялись еще в IV—III вв. до н. э. Луки и стрелы — наиболее типичное и характерное оружие древних хуннских воинов. С помощью своих дальнобойных луков и всепроникающих стрел хуннские всадники могли поражать своих врагов на дистанции полета стрелы, оставаясь почти неуязвимыми.

В ближнем бою хуннские всадники наносили удары по противнику копьями с бронзовыми наконечниками, у этих копий была длинная коническая втулка и широкое двухлопастное перо (рис. 1, 20). Такое копьё наносило врагу широкую кровотокающую рваную рану и выводило его из строя. Главным ударным оружием были клевцы с широким уплощенно-ромбическим в сечении бойком и плоским высоким обухом. Такие клевцы были основным оружием воинов-колесничих. Они крепились к длинному древку и могли применяться и в конном бою (рис. 1, 16, 19). Вероятно, бронзовые копья и клевцы, найденные в памятниках древних хунну, были произведены в китайских царствах. К кочевникам это оружие попадало в виде военных трофеев или поставлялось как союзникам.

Древние хуннские воины, подобно скифам, могли сражаться в рукопашном бою в спешенном положении, нанося врагу колющие удары короткими мечами или кинжалами. У них были бронзовые акинаки скифского облика с уплощенным ромбическим в сечении клинком, бабочковидным перекрестьем, ребристой рукоятью и волнитообразным навершием и дальневосточные кинжалы с нервюрой по оси клинка, без перекрестья и с плоским пластинчатым навершием (рис. 1, 17, 18). Набор оружия, которым воевали древние хунну, позволяет охарактеризовать их как легковооруженных всадников, способных эффективно противостоять противнику в дистанционном бою, атакуя и отступая в рассыпном строю и осыпая его тучей стрел.

Вероятно, менее эффективно и устойчиво могла действовать легкая конница древних хунну в ближнем

и рукопашном бою. Хуннские воины не обладали необходимым набором средств ведения ближнего боя и защиты, чтобы успешно противостоять китайской тяжелооруженной коннице и пехоте, и могли рассчитывать на успех, обстреливая врага стрелами с дистанции прицельной стрельбы. В последующий период хунну смогли использовать преимущества своего оружия и тактики боя в полной мере и создать свою могущественную военную державу, объединившую все кочевые народы Центральной Азии.

ПРОБУЖДЕНИЕ ХУННУ. СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЕННОЙ ДЕРЖАВЫ ХУННУ ШАНЬЮЕМ МАОДУНЕМ

После нескольких веков безвестного существования на северных границах Китая, хунну смогли во всеуслышание заявить о своих претензиях на господство над кочевыми народами Центральной Азии. В III в. до н. э. правители хунну, которых китайцы называли *ванами* — 'царями' или 'князьями', приняли новый титул — *шаньюй*. Он означал «обладающий обликом обширного и великого» или «обладающий образом Неба», т. е. «небоподобный» или «божественный» правитель, подобно тому как китайский император именовал себя «сыном Неба»⁷. Принятие такого титула означало претензию на «божественную» инвеституру власти шаньюя, его исключительное положение среди современников, которые одним титу-

⁷ Кычанов, 1997. С. 7.

лом низводились до положения подданных и простых смертных в сравнении с «божественным» властителем. Изменение титула должно было означать реальное усиление власти и могущества главы союза хуннских племен, опиравшегося на авторитет верховного божества Неба. Вполне очевидно, что шаньюй претендовал на «божественную» власть не только над хунну, но и над соседними кочевыми племенами. Однако первые военные столкновения между хунну и китайцами закончились для кочевников жестоким и обидным поражением. В 214 г. до н. э. огромное китайское войско во главе с полководцем Мын Тянем, направленное по приказу императора Цинь Ши-хуанди, разгромило хунну. Правивший хунну шаньюй Тумань, потерпев поражение, был вынужден отступить на север. Хунну потеряли свои земли в Ордосе. Кочевники горестно переживали эту утрату, и возвращение на покинутые земли стало одной из целей их последующих завоеваний.

Поражение хунну произошло в период усиления других кочевых народов, соперников в предстоящей борьбе за господство в Великой степи. Их западные соседи, европеоидные номады — юэчжи, находились «в цветущем состоянии», а восточные племена дунху, предки монгольских кочевых народов, были «в силе»⁸. Лишь спустя десятилетие, воспользовавшись «смятением» в китайской империи Цинь, хунну смогли оправиться от этого горького поражения, перешли реку Хуанхэ и вновь отвоевали свои прежние земли в Ордосе, оттеснив китайцев.

⁸ Бичурин, 1950. С. 46.

В это же время шаньюй Тумань отправил своего старшего сына и наследника Маодуня в качестве аманата — заложника в ставку правителя племен юэчжей. Согласно легенде, сохраненной китайским летописцем Сыма Цянем, престарелый шаньюй поддался интригам своей молодой жены — «любимой яньчжи», которая хотела таким образом устранить Маодуня, чтобы обеспечить престол шаньюя своему сыну, младшему брату законного наследника.

Однако трудно поверить в то, чтобы хуннский шаньюй Тумань, каким бы престарелым и слабовольным, подверженным влиянию жены он ни был, мог добровольно, по своей инициативе, послать своего старшего сына в заложники и тем самым признать себя вассалом правителя юэчжей. Это могло произойти только по требованию царя юэчжей, который в результате стал верховным правителем многих кочевых племен и которому подчинились и хунну.

Судя по этим событиям, у хунну уже существовали наследственная верховная монархическая власть и престолонаследие по праву первородства по мужской линии, а в кочевом мире был распространен институт заложничества как гарантии сохранения вассалитета.

Тумань с войском напал на юэчжей. Они должны были казнить Маодуня, но тот сумел украсть коня, бежал и вернулся к хунну героем-«удальцом». Его отец Тумань был вынужден отдать под его командование десятитысячный отряд конницы. Хуннские племена уже в этот период делились на десятитысячные отряды. Это было началом сложения азиатской десятичной системы деления войска и народа, характерной

для кочевых народов Центральной Азии во все последующие времена, особенно в период военных действий⁹.

Согласно легенде, Маодунь жесточайшими мерами добился от своих воинов беспрекословного подчинения. Для этого он изобрел специальную сигнальную стрелу-свистунку. Такие стрелы с надетым на древко под наконечником костяным шариком с тремя отверстиями издавали в полете пронзительный свист. Подобный свист тысяч стрел угнетающе действовал на противника, находящегося под обстрелом, пугал вражеских лошадей. Сначала Маодунь пустил стрелу-свистунку в своего любимого коня. Некоторые воины подумали, что он ошибся, и не выстрелили вслед за ним, нарушив его приказ. Им тут же отрубили головы. Затем он выстрелил в свою любимую жену. Не все воины осмелились следовать его примеру и тоже лишились головы. Еще раз Маодунь пустил стрелу в своего отца, и все воины выстрелили вслед за ним. Шаньюй Тумань был убит, а Маодунь, таким образом, взошел на престол с помощью военной силы. Он приказал казнить свою мачеху, «любимую яньчжи» прежнего шаньюя, и ее сына, своего младшего брата, а также тех старейшин, кто не пожелал повиноваться узурпатору. В 209 г. до н. э. Маодунь провозгласил себя шаньюем. Иногда высказывались сомнения в достоверности этой легенды. Однако она очень точно передает ситуацию захвата власти военной силой, харак-

⁹ Barfield, 1981. P. 48—49; Крадин, 2002. С. 58—59; см. также: Худяков, 1986. С. 49—50, 225; Кычанов, 1997. С. 28.

терную для времени сложения военной деспотической державы. В это время требование верности военному вождю возобладало над освященными традицией идеалами родовой аристократии. Не случайно Маодунь, захватив власть, принял особый титул — «возведенный на престол Небом великий шаньюй». Тем самым он подчеркнул «божественное» происхождение своей власти. Его преемник, Лаошан-шаньюй, принял еще более пышный титул, чтобы возвысить себя над всеми окружающими народами и их правителями, в том числе над китайским императором.

Конечно, беспрекословный авторитет шаньюя Маодуня покоился не только на этой «небесной» харизме, но и на военной власти, которую он смело пускал в ход для устранения внутренних и внешних врагов. В период правления Маодуня была создана военная организация Хуннской державы. Все хуннское войско и мужское население было поделено на два крыла и центр, или три аймака, состоявшие из десятитысячных отрядов воинов. Всего хуннское войско насчитывало 24 десятитысячных отряда, командиры которых назывались *ваньци*. Из военачальников четверо самых высших чинов, западные и восточные чжуки-князья и лули-князья, составляли «четыре рога». На эти должности назначались ближайшие родственники шаньюя, члены его семьи. Следующие по старшинству «шесть рогов» составляли военачальники, которых назначали из членов правящего шаньюева рода Люаньди. Остальных 14 командиров назначали из членов других четырех хуннских аристократических родов. Шаньюй Маодунь ввел и некоторые другие новшества в хунн-

ском войске. Для четырех конных армий он приказал подобрать лошадей разной масти. По масти лошади можно было безошибочно узнать, из какой армии тот или иной воин.

Создание такой военной организации, наведение суровой дисциплины в войске, применение эффективного оружия дистанционного и ближнего боя и средств защиты стали основой выдающихся военных успехов и обширных завоеваний хунну под предводительством шаньюя Маодуня.

Первый удар хуннской военной мощи обрушился на восточных соседей — кочевые племена дунху. Правитель дунху, узнав о гибели Туманя и казни старейшин, подумал, что в результате этих событий хунну ослабли, и потребовал уступок в свою пользу. Сначала он потребовал прислать ему знаменитого «тысячелийного» коня. Этот конь отличался необычайной выносливостью, мог пробегать без остановки огромное расстояние длиной в тысячу ли. Получив такое вызывающее послание, шаньюй Маодунь созвал хуннских старейшин, чтобы посоветоваться с ними. Узнав о требованиях владетеля дунху, старейшины возмутились: «тысячелийный» конь считался достоянием всего хуннского народа, как можно отдать его. Однако Маодунь неожиданно согласился отправить коня, мотивируя это тем, что негоже жалеть «одного коня», коли живешь «в соседстве с людьми». Правитель дунху направил еще более наглое требование — прислать ему одну из жен хуннского шаньюя. Старейшины хунну возмутились и советовали начать войну, однако Маодунь снова уступил, утверждая, что не следует

жалеть «одной женщины», чтобы сохранить добрые отношения с соседями. В ответ на это владетель дунху «еще более возгордился», приняв эти уступки за проявление слабости. Он направил к Маодуню своего посланца с требованием уступить полосу ничейной и необитаемой земли между владениями хунну и дунху. Шаньюй снова попросил совета у старейшин. Окончательно сбитые с толку, старейшины не знали, что отвечать, и сказали уклончиво: можно отдать, а можно и не отдавать. Маодунь пришел в неопишемую ярость и провозгласил: «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее»¹⁰. Он приказал отрубить головы всем, кто советовал отдать эту полосу земли, внезапно и стремительно напал на дунху. Не ожидавшие нападения восточные кочевники были полностью разгромлены. Маодунь уничтожил всех до последнего человека из правящего рода, к которому принадлежал правитель дунху, остальных подчинил хунну, захватил скот и имущество побежденных.

Прежде чем напасть, он применил военную хитрость. Стремясь усыпить бдительность противника, он дважды соглашался на вызывающие, унижительные требования правителя дунху. Саму тактику ведения дипломатических переговоров он использовал, чтобы неожиданно, без объявления войны напасть на своих восточных соседей. Эти переговоры он использовал также для того, чтобы расправиться и с некоторыми из своих приближенных, советников и старейшин.

¹⁰ Бичурин, 1950. С. 47.

После этого страшного разгрома объединение племен дунху распалось на две орды: ухуаней и сяньби. Вслед за победоносным походом на дунху Маодунь совершил внезапное нападение на юэчжей, у которых когда-то был в заложниках, и разгромил и их. Не желая подчиниться, они бежали на запад, подальше от хунну. В Ордосе Маодунь покорил кочевые племена лоуфаней и байянов. В последующие годы он продолжил завоевания. Хуннские войска дошли до Восточного Тянь-Шаня, где покорили динлинов и древних кыргызов — гяньгуней. На «севере», в Центральной Азии, были подчинены племена хуньюев, кюеше и цайли. В течение восьми лет непрерывных завоеваний хунну под предводительством шаньюя Маодуня подчинили все кочевые племена Центральной Азии, от Ордоса до Восточного Тянь-Шаня, Саяно-Алтая, Забайкалья и Маньчжурии (рис. 2). Была создана силой оружия огромная военная держава, первая в истории Центральной Азии кочевая империя, объединившая различные народы в единый мощный военный организм, образованный для того, чтобы побеждать всевозможных врагов. Военно-дружинная культура хунну, их грозные луки и всепроникающие стрелы, воинские пояса и украшения стали образцами для подражания и заимствования со стороны побежденных. «Будь как хунн и станешь победителем в ожесточенной борьбе за власть над кочевниками» — так считали многие военачальники и воины подвластных племен.

«Возведенный на престол Небом великий шаньюй» Маодунь своей бурной активностью завоевателя и жестокого, неумолимого деспотического правителя

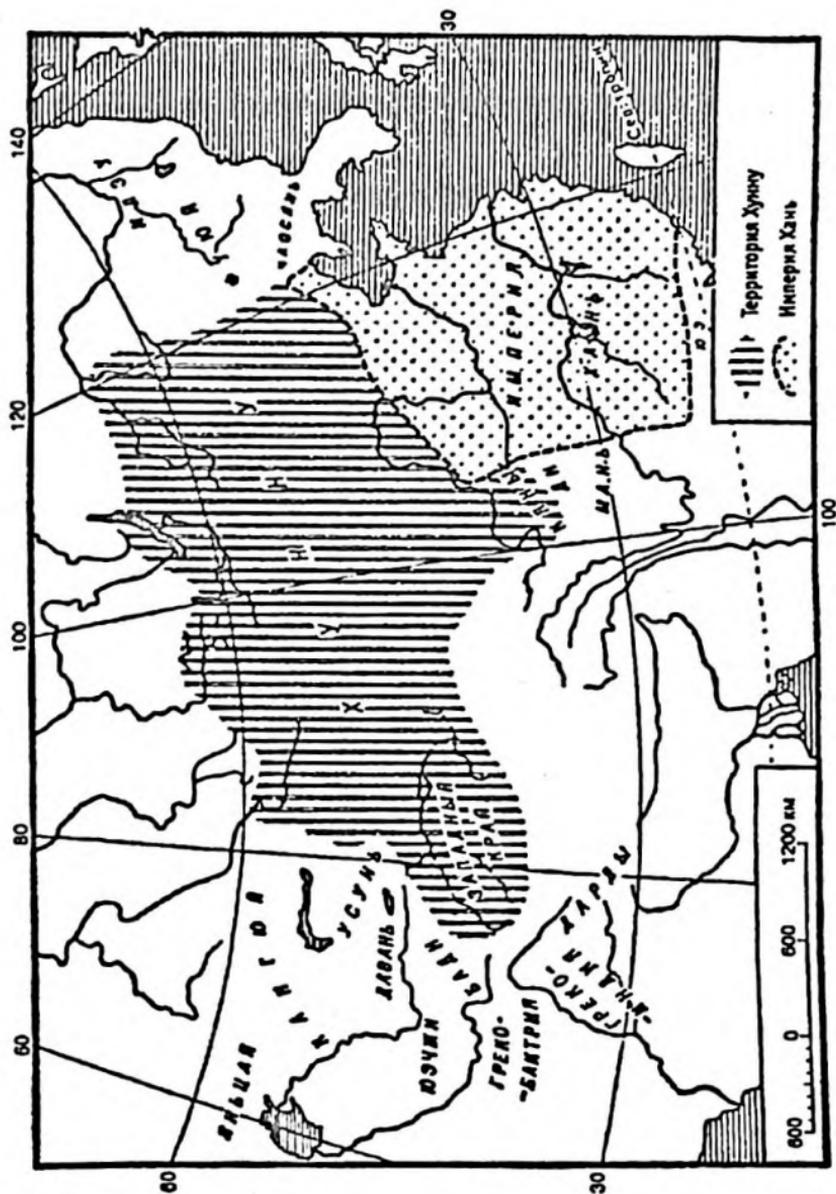

Рис. 2. Держава хунну и ее соседи около 135 г. до н. э. [Гумилев, 1998, кн. 1]

на многие века стал образцом кочевого владыки. Его деятельность заложила основы и направления внешней и внутренней политики властителей кочевых империй на весь последующий ход истории в степных просторах Центральной Азии.

Главной, первоочередной целью кочевых владык было подчинение своей абсолютной власти всех народов, живущих «за войлочными стенами» разборных переносных жилищ — юрт. Покоренный народ, подчинившийся правителю кочевого государства, должен был платить ему «налог кровью» — служить в его войсках, погибать и побеждать во имя своего владыки, покоряя для него все новые и новые народы, расширяя его власть и увеличивая его военную силу до тех пор, пока все номады не станут под его знамена. По отношению к побежденным Маодунь поступал по-разному. Наиболее жестоко он расправился со своими основными соперниками в борьбе за господство над Центральной Азией. У народа дунху он полностью уничтожил весь правящий род «от мала до велика» и «овладел подданными его, скотом и имуществом». Этот кочевой народ после сокрушительного хуннского разгрома перестал существовать как единое целое. Он распался на две орды — ухуаней и сяньби. Юэчжей, кочевой народ, шаньюй Маодунь «прогнал» из Ордо-са. Не желая погибать или покоряться, юэчжи бежали на запад, стремясь уйти от беспощадного врага. Такой способ спасения предпочитали многие побежденные номады. Однако шаньюй не дал им покоя и на отдаленных землях Алашаня и Ганьсу. Он послал вслед за откочевавшими юэчжами хуннское войско во главе с

западным чжуки-князем, который застал их врасплох и нанес жестокое поражение. С этого времени победители стали считать побежденных «своими законными рабами» и преследовали их до окраин Великой степи. Решающий удар по «кровным врагам» хунну — юэчжам нанес шаньюй Лаошан, сын и преемник Маодуня. Он наголову разгромил этот кочевой народ. Их правитель был убит. Ему отрубили голову. По приказу шаньюя из черепа юэчжийского владетеля сделали чашу для вина, чтобы, пируя, шаньюй мог вспомнить о своей победе и припугнуть неверных вассалов. После этого орда юэчжей распалась. Большие юэчжи ушли еще дальше на запад, в земли саков на Тянь-Шане и далее в Бактрию. Малые юэчжи покорились хунну и остались жить в Наньшане. В ходе погони за юэчжами хунну покорили племена, жившие на Тянь-Шане. Жившие в Ордосе племена лоуфаней и байянов покорились хунну, стали их вассалами. В вассальную зависимость от хуннских шаньюев попали динлины, гяньгуни и другие степные кочевые племена. Хунну широко расселились по Монголии и Забайкалью. Многие группы номадов вошли в состав хуннского народа, благодаря чему значительно возросла его численность.

Хуннская держава стала грозным противником самого мощного государства Восточной Азии — китайской империи Хань. Отношения с Китаем стали главным направлением внешней политики Маодуня и всех последующих хуннских шаньюев. При завоевании Ордоса Маодунь-шаньюй «обратно взял все земли», некогда захваченные китайцами. После покорения мно-

гочисленных кочевых степных племен военная мощь и численность хуннской армии значительно возросли. «При Модэ [Маодуне] Дом Хунну чрезвычайно усилился и возвысился; покорив все кочевые племена на севере, на юге он сделался равным Срединному Двору»¹¹. Осознав свою возросшую военную силу, шаньюй Маодунь не преминул использовать ее против империи Хань.

Свой первый военный поход в Китай хунну совершили в том же, 201 г. до н. э., в котором шаньюем Маодунем были покорены все кочевые племена Великой степи. Китайский император Гао-ди воспринял хуннскую опасность всерьез. Он собрал огромное войско и самолично возглавил поход против кочевников, желая уничтожить «варваров» одним мощным ударом, подавить их своей многочисленностью. Шаньюй Маодунь принял вызов. Искусно маневрируя и отступая со своими всадниками на быстроходных конях, он смог заманить китайское войско в западню, в теснину, окруженную горами, где окружил передовой отряд китайского войска во главе с самим императором.

На протяжении семи дней авангард китайской армии не мог вырваться из окружения, и остальная многочисленная китайская рать не смогла прорвать кольцо окружения, спасти императора и доставить голодающим воинам съестные припасы. Положение было критическим, ханьской императорской армии грозила голодная смерть, полный разгром, позорный плен. После такой ошеломляющей победы у ног шаньюя Мао-

¹¹ Бичурин, 1950. С. 48.

дуня лежала бы вся обезглавленная и обезоруженная империя Хань с ее многочисленным населением, городами и возделанными полями.

Однако кочевников погубила алчность. Китайцам каким-то образом удалось пробраться в ставку шаньюя, подкупить яньчжи, супругу Маодуня, чтобы она уговорила ее своенравного мужа и повелителя выпустить императора Гао-ди с войском из окружения. При том что был известен свирепый нрав хуннского владыки, который без малейших колебаний выстрелил в своего отца, казнил мачеху и младшего брата, рубил головы недогадливым старейшинам и воинам, отдал одну из своих «любимых яньчжи» правителю дунху, затея китайцев и самой не в меру алчной супруги может показаться безрассудной. Однако, как ни странно, Маодунь-шаньюй дал себя уговорить и выпустил императора и ханьское войско из окружения. Возможно, яньчжи действовала не самостоятельно, а с негласного согласия шаньюя, которому китайцы обещали заключить мир на самых выгодных для хунну условиях.

Хунну вернулись в свои степи. Император Гао-ди немедленно прекратил войну и отправил в ставку шаньюя Маодуня ханьское посольство, во главе которого стоял князь Лю Гин, для того, чтобы «заключить договор, основанный на мире и родстве». Хотя заключить сам договор во время этого визита не удалось, посол Лю Гин стал после этой поездки во вражеский стан ревностным сторонником «умиротворения» хунну на основе мирного договора. Наверное, на него произвела впечатление многочисленность и выучка хуннских войск. Несколько опустошительных набегов

хунну на пограничные районы империи Хань помогли склонить императора Гао-ди в пользу заключения мира и династийного союза с хуннским шаньюем и правящим родом Силюанди. Лю Гин настаивал и уговаривал императора выдать замуж за Маодуня китайскую принцессу. Он прельщал императора тем, что новым шаньюем, преемником Маодуня, может стать его сын от китайской принцессы, внук ханьского императора. Следовательно, он должен будет вести себя по отношению к императору как младший родственник, относиться к Гао-ди как внук к деду. Императору было жаль отдавать свою дочь в руки «диких и необузданных варваров», но ради спокойствия и безопасности государства он был готов на эту жертву. Однако когда принцесса Люй-хэу узнала, что ее собираются выдать замуж за «кроважного хунна», она категорически отказалась ехать в ставку шаньюя Маодуня, заявив, что покончит с собой, если ее будут принуждать к замужеству. И тогда китайцы совершили настоящий подлог, вместо природной, рожденной в императорской семье, принцессы император Гао-ди отнял у одного из природных вельмож его дочь, специальным указом возвел ее в достоинство принцессы и послал шаньюю. В 198 г. до н. э. ханьское посольство во главе с «главным умиротворителем» хунну Лю Гином препроводило свадебный кортеж приемной «принцессы» в ставку шаньюя. Договор был заключен, все условия соблюдены, между державой Хунну и империей Хань воцарились «мир и родство», а подложная «принцесса» стала женой, одной из «любимых яньчжи» Маодуня-шаньюя. По договору «мира и родства» Хань-

ская империя была обязана ежегодно поставлять своим хуннским «сородичам» немалое количество шелковых и хлопчатобумажных тканей, вина, риса, различных продуктов и ремесленных изделий. В хуннские земли хлынул поток китайских вещей. В хуннских памятниках в Монголии и Забайкалье найдены бронзовые зеркала и монеты, палочки для еды из слоновой кости, лаковая посуда и нефритовые изделия, железные клинки с чеканенными иероглифическими надписями. Но главным, «стратегическим» китайским товаром, которого больше всего домогались кочевники, был шелк. Шелковая материя, из которой кроили и шили одежду, помимо яркой расцветки и вышивки, обладала дезинфицирующими свойствами. Тот, кто носил такую одежду, был избавлен от паразитов. Поэтому шелк стал не только предметом торговли, но и орудием дипломатии.

Фактически договор «мира и родства» узаконил регулярную уплату дани китайской империей своему северному соседу в обмен на прекращение разорительных набегов. Размеры этой дани были столь велики, что многие предметы, изготовленные в Китае, от хунну попадали к другим, вассальным кочевым племенам, жившим в отдаленных землях Южной и Западной Сибири. Поток китайских изделий подавил и вытеснил у хунну некоторые предметы своего, местного ремесла. По договору «мира и родства» ханьский император и хуннский шаньюй считались «братьями», то есть равными друг другу правителями союзных государств.

С помощью демонстрации своей военной мощи шаньюю Маодуню удалось добиться формального равенства с ханьским императором, «сыном Неба», правителем «Поднебесной», а саму империю Хань превратить в своего постоянного данника. Однако этого Маодуню показалось мало. Когда через несколько лет ханьский император Гао-ди умер, хуннский шаньюй направил посланника к его вдове, Гао-хэу, с предложением выйти за него замуж, а в качестве приданого захотел получить все ханьское государство. В своем письме шаньюй уничижительно назвал себя «сырый и дряхлый государь, рожденный посреди болот, возросший в степях между лошадьми и волами». Он словно стремился разжалобить императрицу, взывая к ее снисхождению. Однако Гао-хэу от такого «лестного» предложения пришла в сильный гнев и даже хотела послать свое войско, чтобы отомстить обидчику. С большим трудом советники отговорили ее от этого намерения. Императрица ответила вежливым отказом. Согласно существовавшему в то время дипломатическому этикету, императрице пришлось употребить в ответном письме самоуничижительные высказывания, сослаться на то, что она «состарилась, силы ослабели; волосы линяют, зубы выпадают; в ходу теряет размер в шагах»¹². Наверное, говорить о себе такие слова в дипломатическом послании не очень приятно любой, даже не молодой женщине, тем более императрице. Гао-хэу послала шаньюю две императорские колесницы и две четверки превосходных лошадей. Маодунь-

¹² Бичурин, 1950. С. 53—54.

шаньюй поблагодарил императрицу за вежливость. Инцидент был исчерпан. Императрица Гао-хэу удержалась от соблазна начать войну и подтвердила действие договора «мира и родства». Ее примеру последовал новый император Вын-ди, вступивший на престол в 179 г. до н. э.

Однако договоры не спасали империю Хань от хуннских набегов. Хуннский западный Чжуки-князь, командующий западным крылом хуннского войска, нарушил границу в Ордосе, разорил пограничные районы. Император направил против хунну многотысячную армию конницы и колесниц. Но кочевники отошли в степи без малейших потерь.

Несмотря на этот неприятный инцидент, шаньюй направил императору письмо, в котором фактически оправдывал действия своего подчиненного. В своем письме императору шаньюй заявил, что «китайские пограничные чиновники» оскорбляли Западного Чжуки-князя, который не стерпел этих оскорблений, не уведомив Маодуня, «вступил в ссору» с этими чиновниками и тем самым нарушил договор между державами Хунну и Хань. Шаньюй сообщил, что в наказание он отправил провинившегося князя на войну, подалее от китайских границ, в Западный край. «По милости Неба» хуннское войско вновь разгромило юэчжей, при этом «предало острию меча и покорило» все другие племена и владения этого края. Среди них были усунь и хусе, жители Лоулани. Все покоренные племена поставили свои войска в хуннскую армию, намного увеличив ее численность и ударную мощь. Шаньюй предложил императору «забыть прошедшее

и возобновить прежний договор», а чтобы в будущем избегать конфликтов, предложил создать вдоль границы нейтральную полосу, отселив с нее жителей вглубь своей территории.

Ханьский император Хяо Вынь-ди был вынужден внять настойчивым советам своих высших «государственных чинов» и выбрал «мир и родство». Он отправил к шаньюю Маодуню посланника с письмом, в котором учтиво вопрошал «хуннского Великого шаньюя о здравии» и предлагал «забыть прошедшее и подтвердить прежний договор». В подтверждение своих дружеских намерений император послал в подарок шаньюю Маодуню со своего плеча «вышитый кафтан на подкладке, длинный парчовый кафтан», а также «золотой венчик для волос, пояс, золотом оправленный, и носороговую пряжку», большое количество шелковых вышитых и камчатных тканей темно-малинового и зеленого цветов. Перечень этих подарков содержался в письме. Возможно, иначе не все подарки могли дойти до самого шаньюя. Дружба, «мир и родство» с хунну обходилось для китайцев недешево.

В период своего правления шаньюй Маодунь смог подчинить своей деспотической власти все многочисленные племена номадов, жившие на бескрайних просторах степей Центральной Азии. Он с небывалой жесткостью подавил сопротивление среди самих хунну. Совершая набеги и угрожая всей военной мощью Хуннской державы, он добился договора «мира и родства» и уплаты регулярной дани шелком и другими товарами и продуктами со стороны китайской империи Хань. Китайские императоры, презиравшие кочевников, ко-

торых они считали «варварами», были вынуждены дарить подарки, демонстрировать свое миролюбие. Они утешали себя тем, что «кочевые иноземцы подобны птицам и зверям», что их «добрыми словами не следует восхищаться, а от их обидных слов не следует огорчаться». По мнению некоторых ученых, Маодуньшаньюй остался в памяти тюркских кочевых народов на многие столетия и вошел в легенды под именем Огуз-хана, прародителя тюрков, деяния которого воспеты в эпических поэмах.

После его смерти на престол правителя Хуннской державы вступил его сын Лаошан-Гиуй-шаньюй. Узнав о смене правителя, ханьский император Вынь-ди поспешил направить ему посольство с принцессой из своего рода, которая стала яньчжи, женой шаньюя. Принцессу сопровождал евнух Чжунхин Юе, который не хотел уезжать и затаил обиду на китайские власти. Он быстро вошел в доверие к шаньюю и стал его советником. По совету Чжунхин Юе шаньюй изменил свой титул, сделал его еще более пышным: «Рожденный Небом и землею, поставленный солнцем и луною хуннский Великий шаньюй». При обмене посланиями китайцы писали императорские письма, вырезая на специальных дощечках. Послания шаньюя стали делать на дощечках больших размеров, с более крупной печатью и оболочкой. Тем самым подчеркивалось, что хотя шаньюй и император «братья», но хуннский правитель претендует на первенство. Юе убеждал шаньюя не доверять речам ханьских послов, но строго следить за количеством и качеством поставляемой дани.

В трудный для империи Хань момент Лаошан с огромным войском ворвался в северные провинции Китая, захватил «великое множество народа, скота и имущества». Китайцы собрали армию и двинулись в погоню, но «ни одного хунна убить не могли». Быстроходное конное войско хунну, даже обремененное захваченной добычей и пленными, легко ушло в степи и оказалось неуязвимым для китайцев. Неудивительно, что «хунну день ото дня гордее становились» и ежегодно производили набеги на пограничные провинции Китая. Император был вынужден просить мира. В своем послании он «почтительно вопрошал хуннского великого шаньюя о здравии», сообщал о том, что принял хуннских послов «с глубочайшим почтением», подтвердил соблюдение договора и отправление ежегодных подарков — «известного количества проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и прочих вещей». Император предлагал «забыть прошедшее» и «оставить мелочи», имея в виду хуннские набеги, ради того, чтобы не возмущать «братское согласие». Он не стал требовать возвращения пленных и перебежчиков, но в дальнейшем предлагал их «предать смертной казни». Неудивительно, что от подобной политики «умиротворения» хунну становились «день ото дня гордее», так как чувствовали себя совершенно безнаказанными.

Шаньюй Лаошан нанес сокрушительный удар по юэчжам, жившим в Приалашанье. Он разгромил войско юэчжей и убил их правителя. После этого страшного поражения орда юэчжей распалась. Большая часть народа ушла из обжитых мест далеко на запад, в зем-

ли саков на Тянь-Шане. Большие юэчжи вытеснили саков на юг, завоевали южные районы Средней Азии и создали Кушанскую державу. Малые юэчжи остались жить в Наньшане и подчинились Хуннской державе.

После этой победы у хунну не осталось сколько-нибудь сильных соперников в кочевом мире. Несмотря на предостережения евнуха Чжунхин Юе, советовавшего Лаошан-шаньюю придерживаться кочевых традиций и избегать тлетворных «расслабляющих» китайских обычаев и одеяний, постепенно хунну привыкли к атрибутам власти и управления по ханьскому образцу. Символом власти шаньюя была яшмовая печать. Для приема иноземных послов был особый чиновник — *чжужэ*¹³. На торжественных приемах применялись особые церемонии. Шаньюю сидел в центре своей юрты, приближенные располагались по обе стороны от него. Иноземный посол, перед тем как являться на прием, должен был «разрисовать себе лицо тушью». Вероятно, этот обычай возник в древности, когда кочевые воины наносили на лицо и тело татуировку или боевую раскраску. Перед входом в юрту послы были обязаны сложить оружие и даже оставить свою верительную бирку, поскольку, заходя в жилище шаньюя, они становились его гостями, которых охранял кочевнический закон гостеприимства.

Границы Хуннской державы охраняли специальные пограничные караулы-оуто. Воины из оуто должны были предупреждать ставку шаньюя о надвигающейся опасности, вступать в бой, чтобы задержать врага.

¹³ Кычанов, 1997. С. 19.

Отношения «мира и родства» между державой Хунну и империей Хань продолжались семь десятилетий. Императоры подтверждали договор при своем восшествии на престол или воцарении нового шаньюя. Поток богатых даров и регулярной дани не прекращался. Хунну время от времени совершали набеги на пограничные земли Китая, грабили население, угоняли скот и уходили в степь.

Положение радикально изменилось с воцарением на ханьском престоле в 140 г. до н. э. императора У-ди. Сначала он подтвердил действие договора «мира и родства», но твердо решил уничтожить Хуннскую державу. Вокруг императора среди его приближенных образовалась сплоченная «партия войны», готовая на любые меры для уничтожения хунну. Китайцы попытались найти союзников в кочевом мире. На запад, к юэчжам, в 138 г. до н. э. было направлено посольство во главе с Чжан Цянем с целым караваном верблюдов, груженных золотом и шелком. С помощью богатых даров китайцы надеялись склонить юэчжей к союзу. Однако посольство Чжан Цяня попало в плен, и все богатые дары достались хунну. Лишь через 10 лет, в момент смуты в хуннской орде, Чжан Цяню удалось бежать и найти юэчжей, которыми правил сын вождя, убитого шаньюем Лаошаном. Однако юэчжи, покорившие Бактрию, отказались вернуться на свои прежние земли и воевать с хунну. Несмотря на неудачу миссии Чжан Цяня, еще до его возвращения в Китае победила стратегия «партии войны» в отношении хунну.

В 133 г. до н. э. китайские войска начали военные действия. Первые походы были неудачными, но вско-

ре китайские войска смогли нанести хунну несколько поражений, завоевать земли в Ордосе и Хэси. Военные неудачи ослабили власть шаньюя. Наследник престола и некоторые князья переметнулись в стан врага, перешли на сторону императора У-ди. Шаньюй Ичисийе, узурпировавший престол в обход законного наследника, был вынужден отступить и перенес свою ставку вглубь своих владений, за труднопроходимую пустыню Гоби, в монгольские степи. Однако это не остановило китайцев. К этому времени они создали «сильную конницу» из перешедших на их сторону кочевых племен и приобрели боевой опыт в непрерывных боях с хунну. Оказалось, что с ними вполне можно воевать и побеждать. Китайские войска под предводительством молодых, но талантливых полководцев Вэй Цина и Хо Цюйбина совершили несколько успешных походов вглубь хуннских земель и нанесли поражения ослабленным и утратившим волю к победе хунну. В 121 г. до н. э. войско Хо Цюйбина нанесло страшное поражение основным силам хунну у горы Яньчжышань. Была захвачена огромная добыча. Победителям в качестве трофея досталась скульптура «золотого истукана» — изображение главного божества, которому хунну молились и приносили жертвы. Это окончательно сломило волю хунну к сопротивлению. Само Небо отвернулось от них. Китайцы, почувствовав слабость противника, усилили натиск.

Наиболее грандиозный поход в степь двумя армейскими колоннами был совершен Вэй Цином и Хо Цюйбином в 119 г. до н. э. Хунну терпели одно поражение за другим и уходили. Войско Хо Цюйбина гна-

лось за ними до самого Ханьхая, то есть до Байкала, как копьё, пронзив хуннские земли. Поражение было полным. Хуннская держава лежала в развалинах. Шаньюю был вынужден запросить мира на любых условиях. Однако когда китайский посол Жэнь Чан потребовал от него признать себя вассалом императора, шаньюю пришел в «крайний гнев» и арестовал посла. К этому времени у хунну сохранилось уже несколько китайских посланников. Новая война стала неизбежной.

Лишь внезапная смерть молодого полководца Хо Цюйбина сорвала готовящийся грандиозный поход. Император У-ди был так опечален кончиной своего полководца, что в знак особого почтения повелел похоронить его на императорском кладбище ханьской династии Мао Линь. Над могилой Хо Цюйбина была возведена высокая земляная пирамида, напоминающая гору Цилян, в честь одной из блистательных побед полководца над хунну, а перед нею установлена скульптура боевого коня, топчущего поверженного уродливого хунна, «ничтожного варвара»¹⁴.

Китайские войска уже не могли совершать в степь далекие походы, но разгромили корейское государство Чосон и племена цянов в предгорьях Алашаня и Наньшаня. Тем самым они «отрубили у сюнну правую и левую руку», лишив хунну потенциальных союзников.

Кровопролитные войны и опустошительные походы китайских войск расшатали Хуннскую державу, ослабили ее военные силы. Однако, лишившись возможности получать дань из Китая, хунну продолжали

¹⁴ Худяков, 2000. С. 63.

контролировать владения и племена Восточного Туркестана и собирать дань с торговых караванов, которые приходили к ним по «степному пути» из Согда, Бактрии и Парфии. Хуннские власти препятствовали непосредственным контактам подвластных племен с империей Хань. Когда же власть шаньюев ослабла, китайцы снова стали искать союзников среди кочевников против хунну и нашли их в лице усуней, многочисленного кочевого народа, жившего некогда в степях «Ганьсуйского коридора», а в правление У-ди обитавшего на Тянь-Шане. К ним был направлен послом Чан Цянь, чтобы склонить усуней к союзу. С этого времени Восточный Туркестан стал ареной борьбы между хунну и империей Хань и главным направлением китайской экспансии.

В дальнейшем китайцы стали дипломатическими мерами активно провоцировать к войне против хунну другие кочевые народы и племена, жившие по окраинам хуннских владений в Центральной Азии. То, что не удалось сделать прославленным полководцам, с успехом совершили китайские дипломаты. В 72 г. до н. э. против хунну выступили племена ухуаней на востоке, усуней — на западе и динлинов — на северо-западе хуннских земель. Хуннская держава оказалась зажата в кольцо враждебными народами и государствами. В жестокой, беспощадной войне на уничтожение хунну потеряли треть всего населения своего государства. В результате этих тяжелых поражений государство хунну уже не смогло оправиться и распалось на две орды, враждебные друг другу. Основной принцип китайской

внешней политики — «руками варваров побивать варваров» — сработал.

Последующие столетия превратились в долгую и мучительную агонию хуннской государственности, завершившуюся бегством части хуннского населения на запад «неизвестно куда».

ГЛАВА 3

РОГОВЫЕ ЛУКИ И СВИСТЯЩИЕ СТРЕЛЫ. ОРУЖИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ХУННУ

Ошеломляющие военные успехи в войнах и сражениях с другими кочевыми народами и племенами были достигнуты хуннскими войсками под предводительством шаньюя Маодуня в течение девяти лет непрерывных боев, походов и побед.

Определяющую роль в достижении боевых успехов сыграло хуннское оружие — роговые луки и свистящие железные стрелы, бьющие точно в цель. Во время непрерывной боевой практики это оружие постоянно совершенствовалось. Воины хунну были вооружены мощными сложносоставными дальнобойными луками. Деревянная основа (кибить) хуннского лука состояла из нескольких склеенных деталей. Середина и концы лука обклеивались костяными или роговыми накладками. На концах с двух сторон приклеивались, а иногда дополнительно прикреплялись роговыми или железными шпунтами концевые накладки. У хуннских

луков концевые накладки были длинными, узкими, слегка изогнутыми и сужающимися к плечам кибити (рис. 3). Иногда, если под руками не было кости или рога нужной длины, накладки склеивались из нескольких составных частей. Срединные боковые накладки были широкими, со скошенными концами. Они приклеивались к середине кибити лука для ее прочности. К деревянной основе лука приклеивалась срединная фронтальная накладка. Она была длинной, узкой и равномерно расширялась к обоим концам (рис. 4; 5, 5—8; 6, 5—7). Костяные накладки крепились к деревянной кибити в зонах жесткости. Они должны были предотвращать возможность произвольного изгиба в этих местах, а сами, за исключением фронтальной наклейки, испытывали напряжение, которое могло привести к их излому, не давало сгибаться. Лук имел три зоны жесткости — в середине и на концах и две зоны упругости — гибкие, гнущиеся плечи. При натяжении тетивы именно изгиб плеч действовал как сжатая пружина и посылал стрелу вперед, к цели. Хуннские луки обладали большой дальностью за счет значительного, до полутора метров, размаха плеч и большой общей длины кибити. Из таких длинных луков было непросто стрелять, сидя верхом на скачущем во весь опор боевом коне, поэтому нижнее плечо лука делали несколько короче верхнего, чтобы было удобнее стрелять с коня. Из-за этого концевые накладки у одного и того же лука были разной длины (рис. 5, 1—4, 9—13; 6, 1—4, 8, 9).

По находкам концевых накладок в хуннских могилах ученые установили, что длина хуннского лука

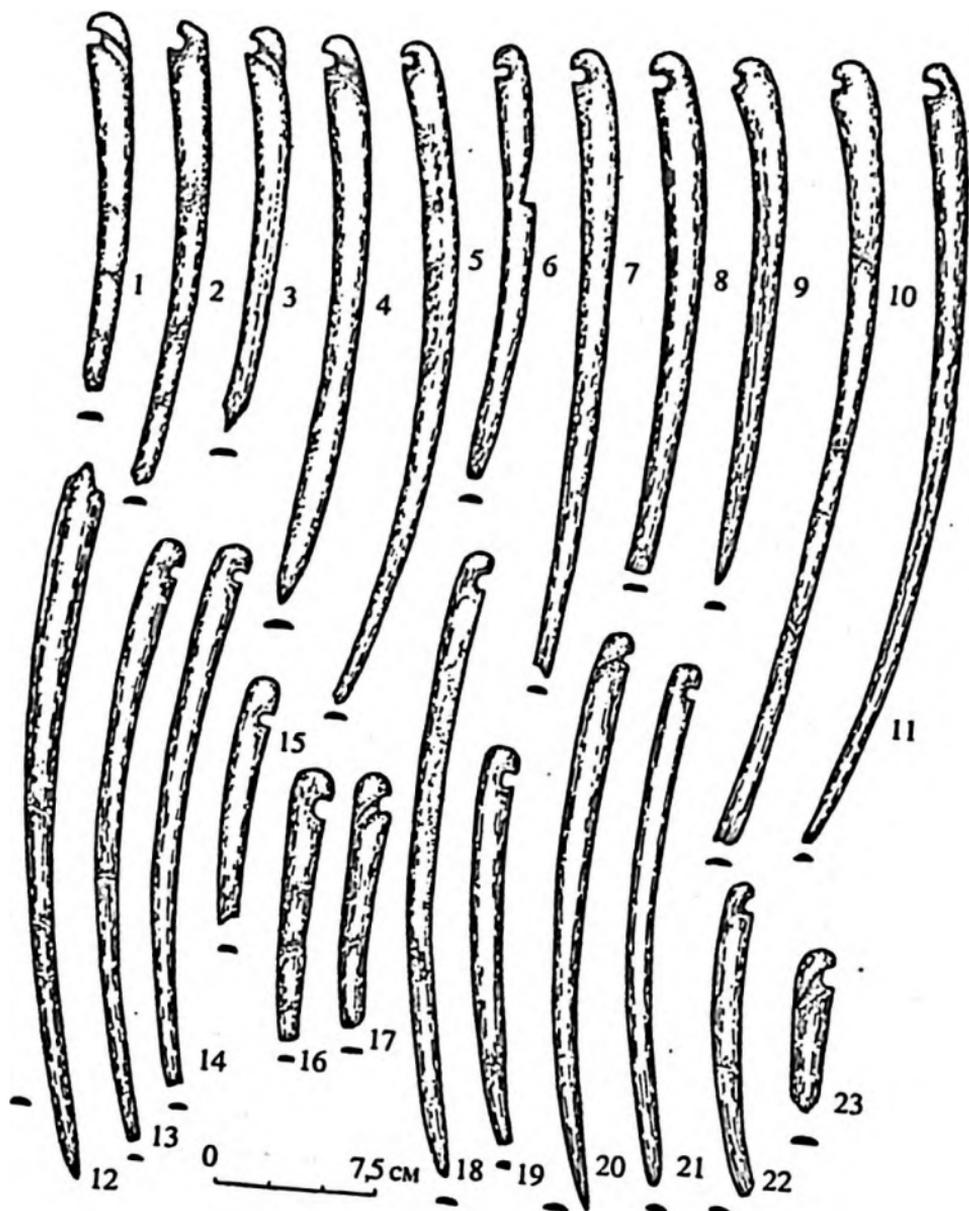

Рис. 3. Костяные концевые накладки хуннских луков

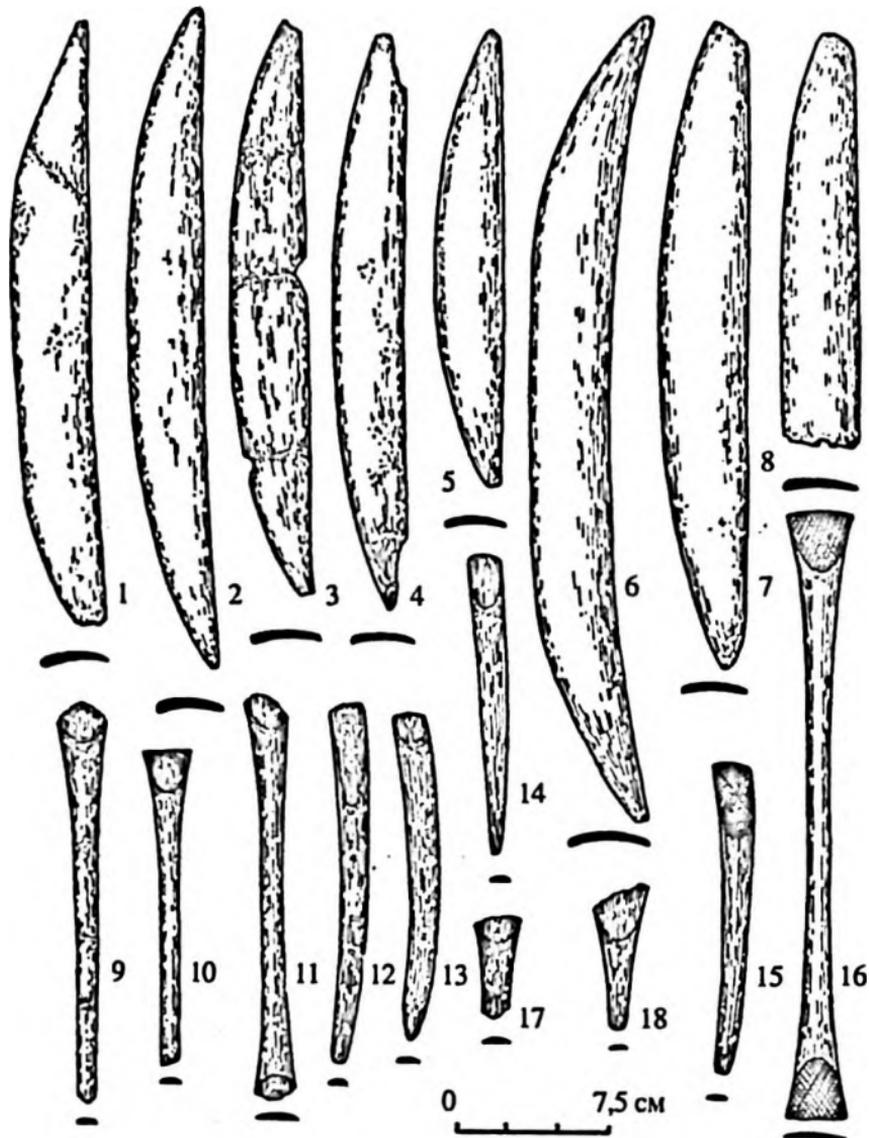

Рис. 4. Костяные срединные боковые и фронтальные накладки

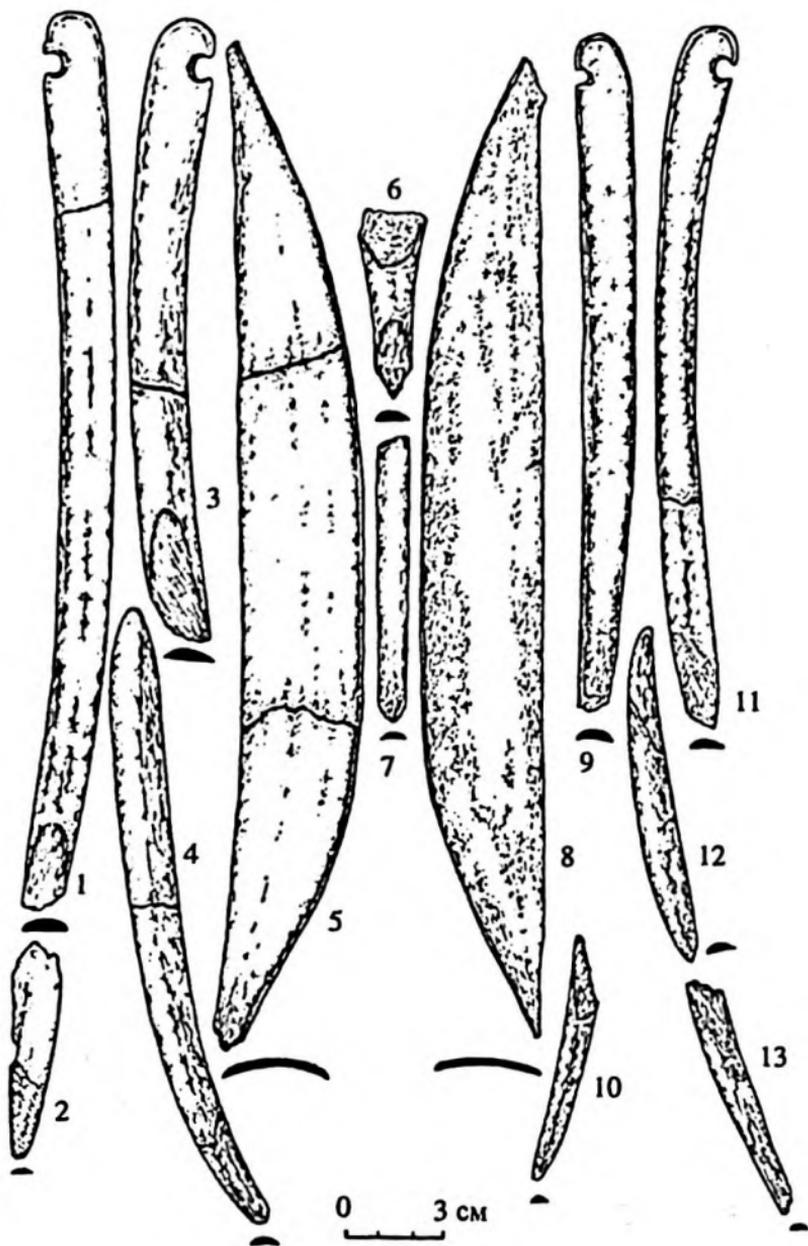

Рис. 5. Набор накладок хуннского лука

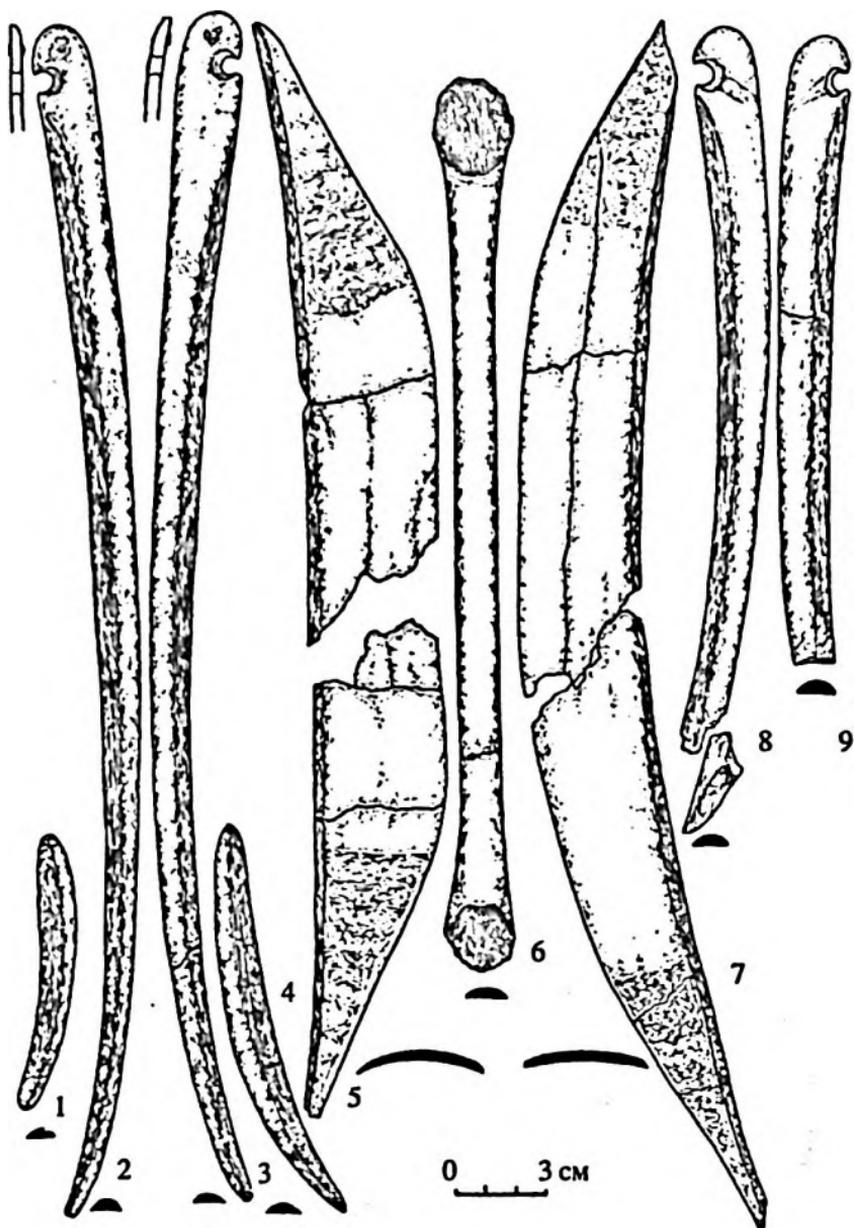

Рис. 6. Набор накладок хуннского лука

достигала полутора метров¹⁵. Это было совершенное для своего времени грозное оружие. Луки были основным оружием хуннских воинов — легковооруженных конных лучников. Китайцы, которым не раз приходилось испытывать на себе силу и дальноточность хуннских луков, называли их «длинным» (хотя правильнее было бы назвать «дальноточным») оружием. «Длинное» оружие хунну «есть лук со стрелами». У хунну все мужчины, «могущие владеть луком, поступают в латную конницу»¹⁶. Иногда хуннских воинов называли просто «лучниками» или «всадниками, натягивающими лук»¹⁷. На сохранившихся древнекитайских рисунках (рис. 7, 1, 4, 6) и бронзовой бляхе из Ордоса (рис. 7, 3, 5) хуннские воины изображены в своей повседневной одежде и островерхих колпаках, верхом на стоящих или скачущих конях, в их руках луки с натянутой тетивой и настороженной стрелой. Точно так же изображены они и на наскальных рисунках. На горе Ханьин Хад в ущелье Яманы Ус в Монголии запечатлен проезд парадного китайского кортежа в сопровождении военного эскорта из хуннских всадников. Воины изображены верхом на лошадях, в островерхих головных уборах, с луками в налучьях и колчанами, полными стрел (рис. 8, 1, 2)¹⁸. Да и в средневековой китайской иконографии хунну продолжали изображаться прежде всего как стрелки из лука (рис. 8, 3, 4).

¹⁵ Худяков, 1986. С. 29.

¹⁶ Бичурин, 1950. С. 40.

¹⁷ Кюннер, 1961. С. 310; Таскин, 1973. С. 5.

¹⁸ Дорж, Новгородова, 1975. С. 44. Рис. 6.

Рис. 7. Изображения хуннских воинов:
 1, 2, 4, 6 — на древнекитайских памятниках искусства;
 3, 5 — на бронзах из Ордоса

Рис. 8. Изображения хуннских воинов:
 1, 2 — на петроглифах хуннского времени;
 3, 4 — на средневековых китайских миниатюрах XIV
 и XVII вв. соответственно

Военные успехи хунну, достигнутые благодаря мощным дальнобойным лукам, привели к тому, что слава о них разнеслась по всему кочевому миру со скоростью летящей стрелы. Преимущества хуннских луков были столь понятны и очевидны всем кочевни-

кам, что они старались вооружиться этим совершенным оружием как можно скорее, чтобы ни в чем не уступать победителям. Стремительное распространение хуннских луков в кочевом мире степного пояса Евразии неразрывно связано с завоеваниями хуннской державы. Именно хуннские луки послужили основой для всего последующего развития ручного метательного оружия номадов в эпоху Средневековья.

Однако каким бы мощным, совершенным и дальнобойным ни был хуннский лук, он лишь выстреливает метательный снаряд, а летит и поражает цель стрела. Хуннские стрелы вошли в легенду. Согласно этой легенде, с помощью свистящей стрелы-«свистунки» основатель могучей хуннской державы Маодунь смог так выдрессировать своих преданных воинов, что они беспрекословно стреляли по его приказу и в любимого коня, и в любимую жену, и в родного отца — именно таким образом он смог захватить власть над своим народом. Хуннские стрелы имели длинное деревянное древко с ушком для натяжения тетивы, с оперением и железными, бронзовыми и костяными наконечниками. Выбор породы дерева и оперения для стрел был столь важен, что иногда становился причиной для конфликтов. Когда в I в. до н. э. китайцы потребовали от Учжулю-жоди-шаньюя, слабого и признавшего свою вассальную зависимость от Империи Хань правителя хунну, уступить небольшой участок земли на границе, где рос хороший лес, из которого можно было делать превосходные древки стрел, а из перьев водившихся в нем орлов изготавливать подходящее оперение, шаньюй, несмотря на то что его собственный сын и наследник

был в это время заложником и погиб в Китае, набрался смелости и отказал китайскому императору в его вызывающих требованиях. Шаньюй прекрасно понимал, что без хороших стрел хуннские воины лишатся своего главного преимущества на поле боя и уже не смогут достойно воевать и побеждать. Так цена стрел оказалась выше цены жизни шаньюева сына.

«Свистунками» назывались стрелы с железными или бронзовыми наконечниками, на древко которых надевались полые костяные шарики с тремя отверстиями. В полете такие стрелы вращались и издавали пронзительный воющий свист. Этот свист пугал лошадей вражеских воинов и угнетающе воздействовал на моральное состояние самих противников. Костяные свистунки служили и муфтами, предотвращающими раскалывание древка стрелы, в которое забивался железный черешок наконечника.

В распоряжении хуннских воинов-стрелков был большой набор стрел с наконечниками разных форм. Наибольшей эффективностью, дальностью, точностью попадания и проникающей способностью обладали стрелы с железными трехлопастными наконечниками. В отличие от металлических, бронзовых и железных наконечников стрел, имевшихся на вооружении у древних кочевников, у хунну появились крупные ярусные стрелы с выступающим вытянутым остроугольным бойком и широкими лопастями с округлыми отверстиями. Именно такие наконечники в первую очередь снабжались костяными свистунками. До хуннского времени они не были известны, поэтому могут считаться изобретением хуннских мастеров-оружейников.

Ярусные наконечники сочетали в своей форме вытянутый проникающий боек и широкие лопасти, что связано со стремлением обеспечить высокие проникающие и аэродинамические свойства. Применялись хунну и другие типы железных трехлопастных стрел ромбических и треугольных очертаний. Очень редкой формой можно считать наконечник с четырьмя лопастями. Вероятно, он был изготовлен хуннским оружейником в качестве экспериментальной, поисковой формы. Значительно меньше, чем трехлопастные, использовались для стрельбы по не защищенному доспехом противнику плоские железные стрелы. В отличие от трехлопастных, они не имели предшествующих форм среди бронзовых наконечников. Видимо, прототипами для них послужили кремневые наконечники, которые использовались кочевниками восточных районов Центральной Азии в скифское время. И трехлопастные и плоские стрелы не были рассчитаны на пробивание металлической защиты. Этой цели у хунну служили бронебойные трехгранные и четырехгранные железные наконечники (рис. 9; 10, 1—10, 22). Металлические панцири применялись только знатными воинами, их было немного, поэтому и бронебойные стрелы у хуннских воинов не были многочисленными.

Несмотря на то что у хунну было высоко развито кузнечное, оружейное ремесло и изготавливались в большом количестве железные предметы вооружения, в том числе наконечники стрел, у них продолжали использоваться и бронзовые стрелы. В хуннских памятниках в Забайкалье и Монголии найдены бронзовые втульчатые двухлопастные и трехлопастные наконечники

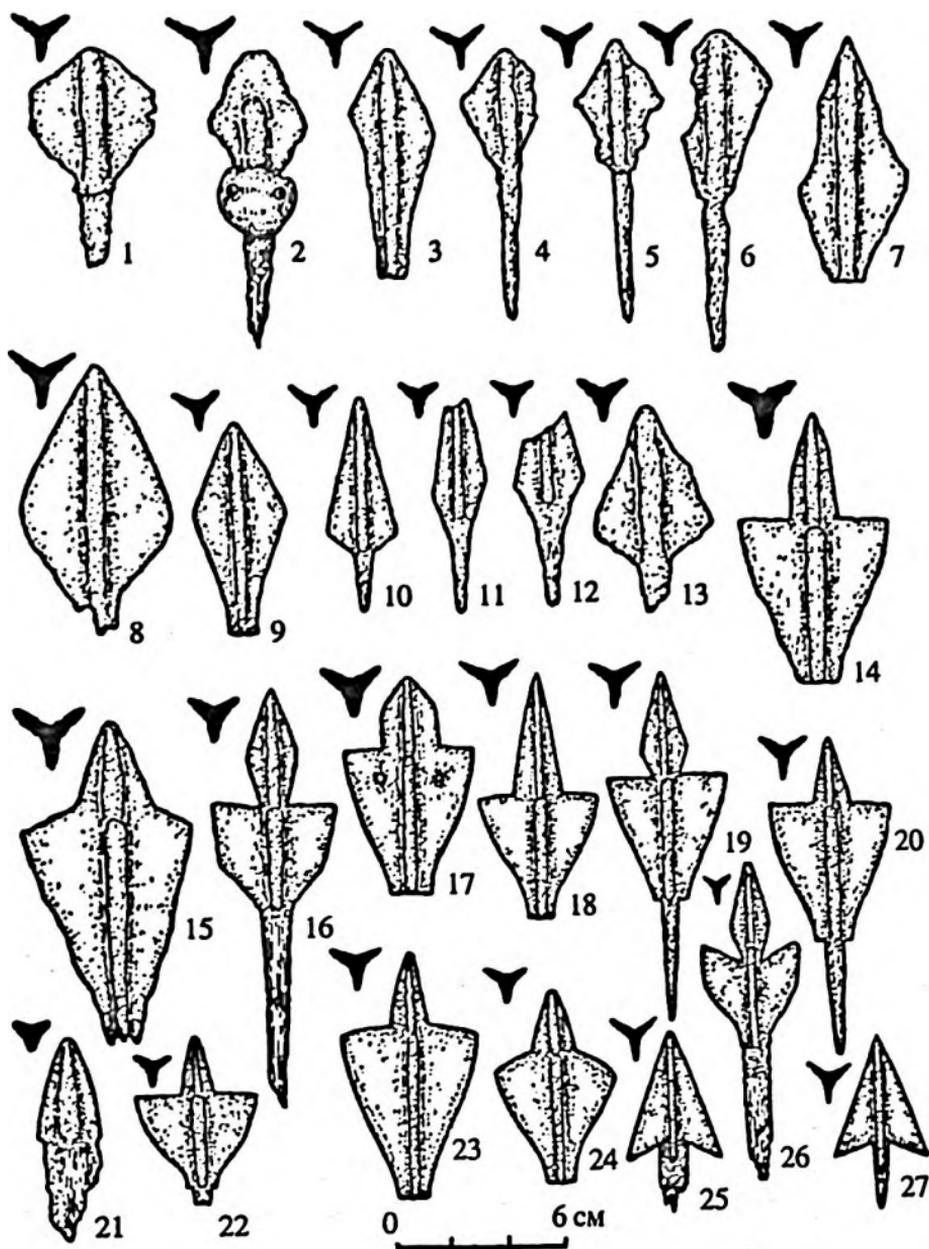

Рис. 9. Хунские железные наконечники стрел

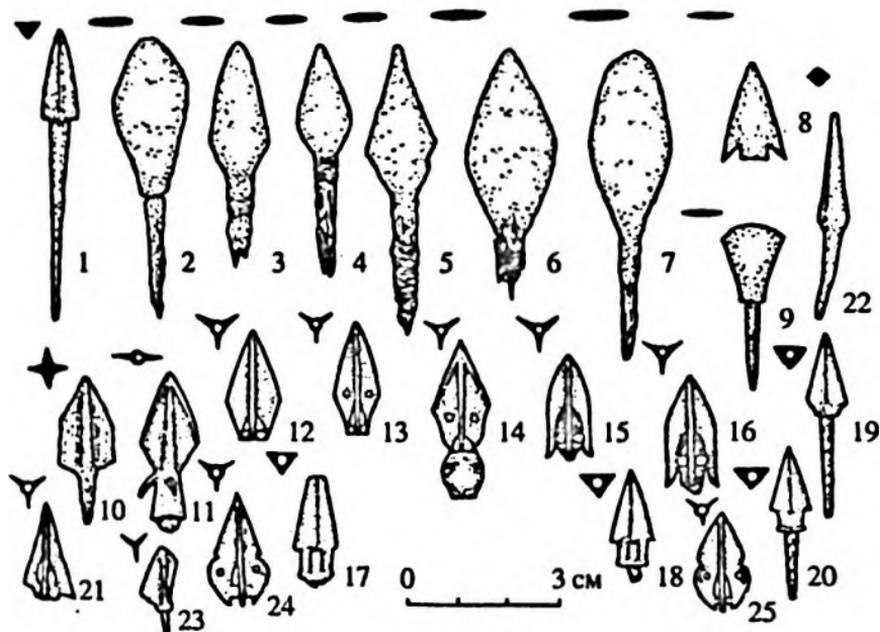

Рис. 10. Хунские наконечники стрел:
 1—10, 22 — железные; 11—17, 24, 25 — бронзовые;
 18—20, 23 — биметаллические

стрел (рис. 10, 11—17, 24, 25), а также черешковые трехлопастные и трехгранные биметаллические наконечники с бронзовой боевой головкой и железным черешком (рис. 10, 18—20, 23). Бронзовых стрел у хунну немного, они не похожи на те, что использовались их предками в период жизни в Иншане и Ордосе. Видимо, они попали к хунну в период создания военной державы и покорения многочисленных кочевых племен, для которых были характерны культуры скифского облика. Бронзовые и биметаллические трехгранные стрелы были типичным оружием китайских стрелков им-

перии Хань. Вполне возможно, что хунну заимствовали их у ханьцев. В редких случаях использовались костяные свистунки в сочетании с бронзовыми стрелами.

Большинство хуннских бронзовых стрел отличается от железных. Только некоторые трехлопастные и трехгранные черешковые бронзовые и биметаллические стрелы могли послужить образцами для изготовления целиком железных наконечников. Достаточно широко применялись хунну и костяные наконечники стрел (рис. 11). Помимо втульчатых и черешковых, они изготавливали и наконечники с раздвоенным насадом. Такие стрелы в Байкальском районе Северной Азии были известны с периода энеолита¹⁹. У самих хунну стрелы с раздвоенным насадом были уже во время их войн с древнекитайскими государствами. Их можно считать наиболее характерными для хунну. В период завоевания Центральной Азии и создания Хуннской державы стрелы с раздвоенным насадом были заимствованы у хунну многими кочевыми племенами в южных районах Сибири и стали, наряду со сложно-составными луками, наиболее заметным проявлением хуннского влияния на саяно-алтайских nomads. Вероятно, необычная форма и простота изготовления привлекали кочевую знать покоренных племен, стремившуюся подражать господствующему народу — хунну, и такие стрелы стали изготавливать, чтобы стрелять не хуже хуннских стрелков.

Хуннские воины хранили и носили стрелы в кожаных футлярах-колчанах. На петроглифах Ханьин-Хад

¹⁹ Худяков, 1986. С. 41.

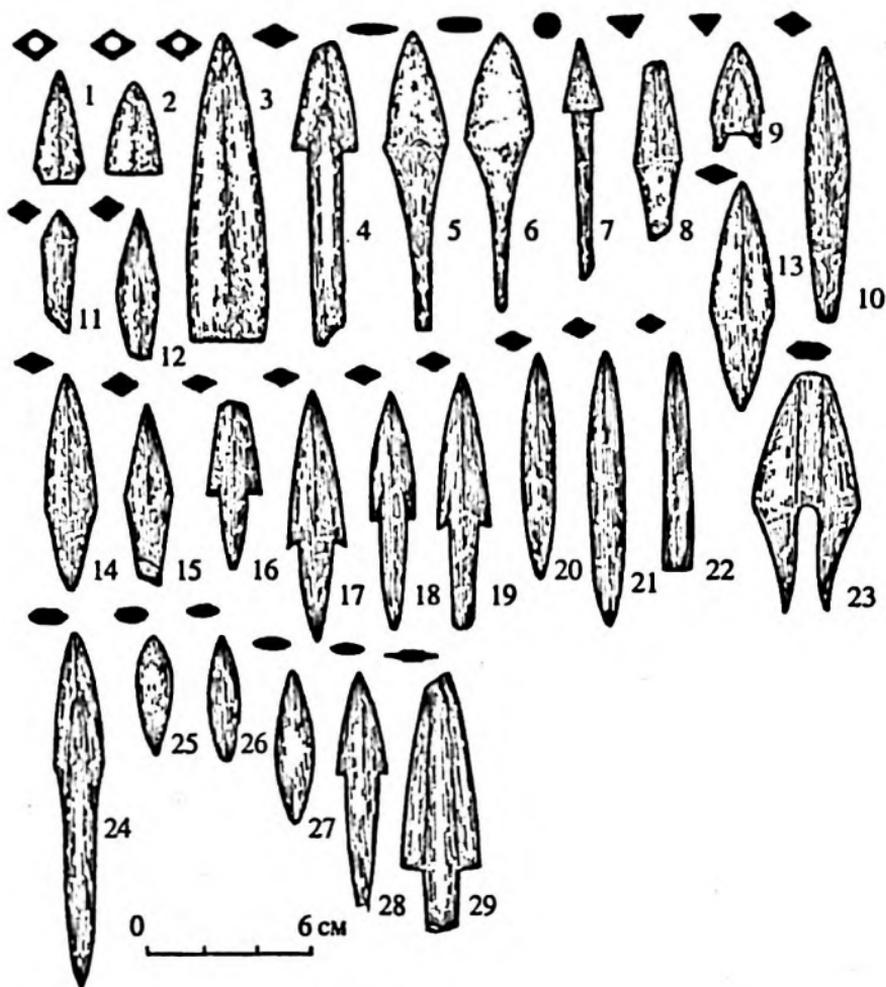

Рис. 11. Хунские костяные наконечники стрел

хунские всадники изображены с колчанами за спиной (рис. 8, 1). Воин мог достать стрелу из такого колчана правой рукой через плечо (рис. 12). Подобная манера ношения колчана не была характерна для большинства древних и средневековых кочевых наро-

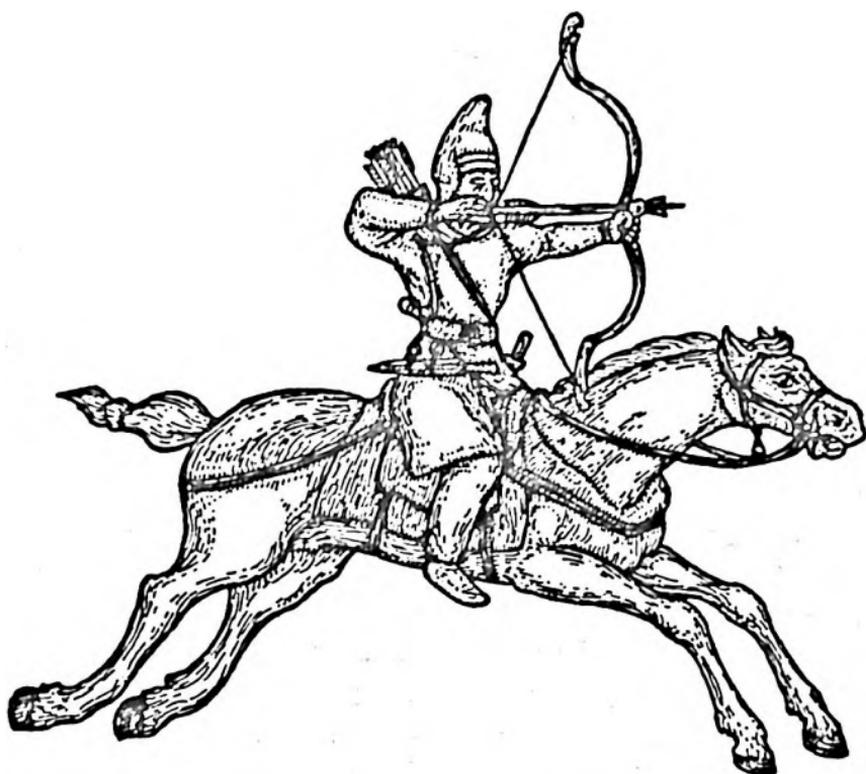

Рис. 12. Реконструкция облика хуннского конного лучника

дов. В некоторых колчаных наборах, обнаруженных в хуннских могилах, равномерно представлены бронзовые, железные и костяные наконечники стрел. Это может соответствовать «символическому» набору стрел хуннских стрелков, для которых в колчане обязательно должны были быть стрелы из металла и кости.

Сколь ни велико было значение лука и стрел для хуннских воинов, привыкших побеждать противника в дистанционном бою, они не могли избежать и ближних столкновений. Оружие ближнего боя помогало до-

вершить разгром противника в победной атаке и противостоять вражескому наступлению.

В хуннских памятниках предметы наступательно-вооружения ближнего боя встречаются очень редко. Видимо, они очень ценились, поэтому помещались в могилы в исключительных случаях. Среди этих находок имеются железные наконечники копий. Они имели округлое в сечении перо треугольных очертаний и полую конусовидную втулку (рис. 13, 1, 2). Такое копьё на длинном древке в руках хуннского всадника было грозным ударным оружием. Оно было рассчитано на стремительную таранную атаку врага конной лавой.

Для успешных действий в рукопашном бою хуннские всадники могли наносить удары палашами. У них были длинные прямые клинки без перекрестья и навершия. На одном из таких железных клинков, найденных в Забайкалье, китайскими иероглифами была нанесена надпись, содержащая китайский термин *цзюнь дао* — 'военный нож'. Судя по этой находке, хуннские воины могли сражаться и палашами, изготовленными и полученными из Китая. Китайские летописцы называли хуннское оружие ближнего боя «коротким», т. е. действующим на близком расстоянии, — это «сабля (точнее меч или палаш. — Ю. Х.) и копьё»²⁰. На одном из рисунков хуннский воин изображен с палашем в правой руке, на плече, как по команде «сабли наголо». Клинок палаша совершенно прямой и довольно длинный, он длиннее вытянутой руки всадника (рис. 7, 2). Палаши — клинки, предназначенные для

²⁰ Бичурин, 1950. С. 40.

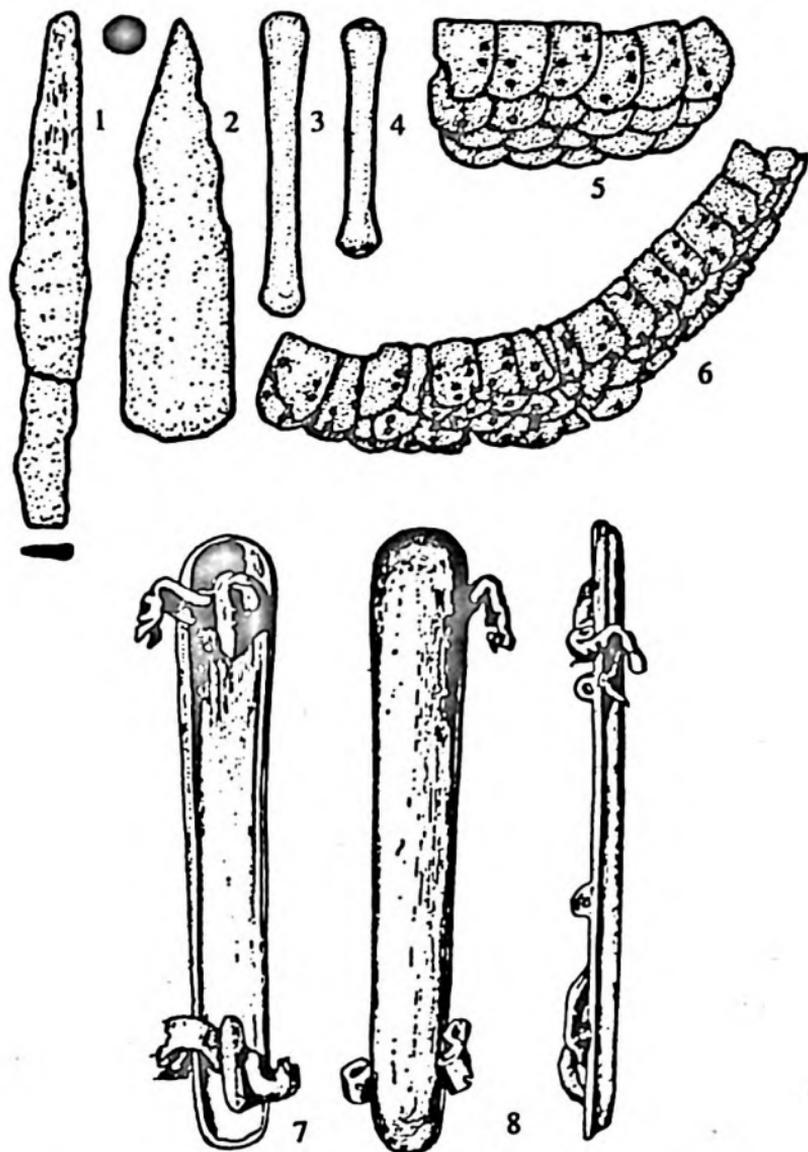

Рис. 13. Хунское оружие ближнего боя и защиты:
 1, 2 — железные наконечники копий; 3, 4 — металлические булавы;
 5, 6 — фрагменты металлических чешуйчатых панцирей;
 7, 8 — бронзовые латы-наручи

нанесения и отражения ударов в конном рукопашном бою. Клинок палаша должен быть достаточно длинным, чтобы удар мог достичь и конного и пешего противника. В степях Евразии этим грозным оружием виртуозно владели сарматские всадники. Немногим уступали им и хунну, которым вынимать клинки из ножен приходилось реже, поскольку добиваться побед они предпочитали массированной стрельбой.

Среди других видов оружия ближнего боя у хунну имелись булавы, железные или бронзовые с железным стержнем внутри и шарообразными концами ²¹. Такой булавой можно было нанести оглушающий удар противнику по голове (рис. 13, 3, 4).

Для защиты от вражеских ударов хунну использовали деревянные щиты, бронзовые и железные латынаручи (рис. 13, 7, 8) и поножи на войлочной подкладке, защитные пояса с железными пластинами. У наиболее знатных воинов были нагрудные чешуйчатые панцири (рис. 13, 5, 6; 14) ²². Подавляющее большинство хуннских всадников не имели металлической защиты, и их неуязвимость обеспечивалась маневренностью и стремительностью передвижения на поле боя и стрельбой с такой дистанции, на которой их не могли поразить вражеские стрелы. Лишь когда хуннская конная армада атаковала противника лавой и вступала в ближний бой, она несла неизбежные потери.

Важную роль в достижении хунну побед на полях сражений сыграло создание Маодунем жестко центра-

²¹ Руденко, 1962. С. 63.

²² Давыдова, 1995. С. 33—34.

Рис. 14. Реконструкция облика знатного хуннского воина

лизованной военной организации, которая в период возвышения Хуннской державы действовала как хорошо отлаженная машина. В подчиненном ему войске была введена жесточайшая воинская дисциплина. Ослушание каралось смертью. Воины были приучены слепо, не рассуждая, выполнять любые приказы Маодуня. По его распоряжению они должны были беспреко-

словно упражняться в стрельбе по живым мишеням, будь то любимая жена или отец будущего шаньюя. Страсть к упорядочению своих военных сил выразилась у Маодуня даже в его распоряжении в каждом из подчиненных ему конных корпусов иметь для воинов лошадей определенной масти. Этот «образцовый порядок» в военном деле быстро принес свои плоды в войнах с другими кочевыми народами, не имевшими столь совершенного оружия дистанционного боя и хуже организованными, чем хунну. Хуннская армия, разделенная на два крыла и центр, насчитывала, по разным сведениям, от 60 до 400 тысяч воинов. Этой конной армией управляла разветвленная иерархия военачальников. Всего в хуннской армии насчитывалось 24 полководца, командовавших отрядами в 10 тысяч воинов. Из них самые высшие составляли «четыре рога». В их число входили самые близкие родственники шаньюя, в том числе и наследник престола. Еще «шесть рогов» составлялись из членов правящего рода шаньюев Люанди. Остальные военачальники происходили из других знатных хуннских родов. Некоторые военные чины, гудухоу, должны были находиться непосредственно при особе шаньюя и «помогали ему управлять». Ставка шаньюя хорошо охранялась. Хуннского владыку должны были постоянно охранять телохранители-ланьчжунь. Вероятно, в отряд телохранителей набирали самых лучших, отборных, хорошо вооруженных и защищенных воинов.

Верховный правитель Хуннской державы, шаньюй, сам, единолично, был волен решать вопросы войны и мира, возглавлял армию во время крупных воен-

ных кампаний. При шаньюе существовал совет из числа ближайших военачальников. Иногда по распоряжению шаньюя военные походы возглавляли его полководцы. По повелению шаньюя Маодуня, «провинившийся» на границе с Китаем западный чжуки-князь был «в наказание» послан со своим войском на запад вести войну против юэчжей и одержал убедительную победу. Нередко хунну приходилось воевать одновременно на нескольких фронтах с разными противниками.

В течение многих лет хуннская армия успешно воевала и с китайцами, и с другими кочевыми племенами, действуя как хорошо отлаженная военная машина.

Наиболее успешно хуннское войско действовало на поле боя в рассыпном строю, осыпая противника тучей стрел. По сведениям китайских летописцев, хуннское войско, «противопоставив неприятелю лучшую конницу, в поле под тучею стрел [могло] решать победу». Многочисленным отрядам конных лучников для успешного маневрирования на поле боя был необходим оперативный простор. Хуннские полководцы стремились давать сражения в открытой равнинной местности, где можно было охватить построение противника по фронту и с флангов и изнурить его непрерывной стрельбой. «Искусно заманивают неприятеля, — писал о хунну китайский летописец, — чтоб обхватить его: почему, завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц». Излюбленным приемом хунну было притворное бегство, чтобы спровоцировать противника на неподготовленную атаку и нарушить его оборонительное построение. «При пре-

восходных силах неприятеля они притворяются побежденными и, отступая, заманивают преследующее их войско неприятеля». Такой прием с успехом применил шаньюй Маодунь в горной местности на севере Китая, заманив авангард китайского войска во главе с императором Гао-ди в засаду.

Тактика боевых действий в рассыпном строю была основана на эффективной стрельбе из дальнобойных луков. Такая стрельба, как правило, решала участь боя в пользу хуннского войска. Однако расчет только на стрельбу из луков обусловил и слабости хунну. Если противник проявлял стойкость, выдерживал первый натиск и умело атаковал, не нарушая строя, хунну обращались в повальное бегство. «При удаче идут вперед, при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе». А когда хунну «бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются»²³. Недостаточная вооруженность и оснащенность хуннского войска оружием ближнего боя и средствами защиты ограничивала их возможности в сражениях с хорошо вооруженным противником. Шаньюю Маодуню не удалось победить авангард китайского войска во главе с императором Гао-ди, несмотря на то что он окружил его и держал семь дней в полной блокаде. При императоре У-ди китайцам удалось организовать боеспособные, маневренные конные армии, сразу лишившие хунну их былого преимущества на поле боя и перенесшие театр военных действий на территорию степей.

²³ Бичурин, 1950. С. 50—51.

В боях с противником, который дрогнул, не сумев противостоять массированной стрельбе, хунну стремились атаковать лавой, вступая в ближний бой, чтобы решительной атакой ускорить победу и нанести врагу решительное поражение. В рукопашных схватках хуннские воины умели действовать копьями, палашами и булавами, отражать удары щитами.

Военная машина Хуннской державы действовала эффективно и успешно до той поры, пока она одерживала победы и держала в страхе всех соседей. Но как только она начала давать сбои, хуннские войска стали терпеть неудачи, их военная организация стала рушиться изнутри. Хуннская держава могла существовать лишь до той поры, пока хуннская армия побеждала, а поражения обострили внутренние противоречия и междоусобицы, что привело в конце концов к ее распаду.

ГЛАВА 4

ВРАГИ И СОПЕРНИКИ ХУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ДУНХУ И ЮЭЧЖИ

В период, предшествующий возвышению хунну и созданию хуннской державы в конце III в. до н. э., хунну были далеко не единственным кочевым народом, претендовавшим на господство в степях Центральной Азии. В это время «Дом Дун-ху был в силе», а «Дом Юэчжи — в цветущем состоянии». Правящие роды — «Дома» этих древних кочевых народов — также претендовали на единоличную гегемонию над всеми степными номадами. Дунху считаются предками монгольских народов.

Народ дунху, восточные ху, жили к северу от древнего китайского царства Янь и к востоку от земель, населенных хунну. Впервые о дунху китайские летописцы упомянули в конце IV в. до н. э. Племена дунху совершали набеги на пограничные земли, населенные китайцами. Поэтому китайское население относилось

к ним враждебно. Правители царства Янь были вынуждены отправлять к дунху своих заложников и, вероятно, платили дань кочевникам. Ситуация изменилась, когда в царстве Янь «появился мудрый военачальник Цинь Кай, который был послан заложником к ху, и ху стали доверять ему». Оказавшись в качестве заложника в плену у кочевников, опытный военачальник вошел в доверие к их правителю, нуждавшемуся в знающих, квалифицированных военных специалистах, не связанных кровными узами родства с родовой аристократией. Вожди кочевых племен во все времена нуждались в таких людях, поэтому нередко стремились привлечь их к себе на службу. Однако Цинь Кай не только вошел в доверие, но, как опытный разведчик, собрал все нужные сведения о расселении дунху и их военных силах. Вернувшись в царство Янь, китайский военачальник отплатил кочевникам за проявленное к нему доверие черной неблагодарностью. Он «внезапно напал на дунху, нанес им поражение и вынудил отойти более чем на 1000 ли»²⁴. Дунху были разгромлены и вынуждены спасаться бегством, откочевав подалее от китайских границ. Против набегов кочевников китайцы построили «длинную стену», которой пытались отгородиться от внешнего мира. В результате этого поражения племена дунху были ослаблены. Места их прежнего расселения вдоль границ с китайским царством Янь заняли хунну. Видимо, дунху на какой-то период попали в зависимость от хунну. В середине III в. до н. э. военные отряды дунху участвова-

²⁴ Таскин, 1984. С. 39.

ли в военных действиях хунну против китайского царства Чжао и снова потерпели жестокое поражение. Китайскому полководцу Ли Му удалось заманить кочевников вглубь своих земель, охватить войско номадов по фронту и с флангов и нанести ему «крупное поражение». Кроме множества хунну, он «уничтожил» племена дунху и «принудил сдаться» племена линьху. Поскольку объединенную армию хунну, дунху и линьху возглавлял хуннский шаньюй, очевидно, что дунху были его вассалами или младшими союзниками. После этого поражения военный союз кочевых племен, во главе которого стоял хуннский шаньюй, распался. Племя линьху подчинилось китайцам. Войско дунху, участвовавшее в походе, было «уничтожено». Хунну более десяти лет опасались совершать набеги на Китай. В течение нескольких десятилетий дунху не проявляли никакой военной активности. Видимо, последствия поражения от армии Ли Му были для них очень тяжелыми.

Положение изменилось после опустошительных походов войск империи Цинь в 215 и 214 гг. против хунну. Войска циньского полководца Мэн Тяня «вытеснили и прогнали» хунну на север. Хунну были очень ослаблены. Правивший ими шаньюй Тумань «переселился на север», подальше от китайской границы. Его положение в кочевом мире пошатнулось. Именно в это время «Дом Дун-ху был в силе». Ослабление хунну привело к падению их власти и авторитета среди других кочевых племен и усилило позиции дунху. Переворот, который совершил Маодунь, убийство шаньюя Туманя и многих хуннских «старейшин, не же-

лавших повиноваться» узурпатору, создали у правителя дунху, до которого дошли слухи о междоусобице в хуннской орде, впечатление, что хунну еще более ослабли. Он выдвинул Маодуню одно за другим несколько вызывающих требований, чтобы спровоцировать его отказ и получить повод для нападения. «В то время как Модэ [Маодунь] вступил на престол, [Дом] Дун-ху был в силе и цветущем состоянии». Правитель дунху потребовал от Маодуня «тысячелийного коня». Когда шаньюй, несмотря на возражения «своих вельмож» отдал этого знаменитого коня, «оставшегося после Туманя», правитель дунху подумал, что «Модэ [Маодунь] боится его» и потребовал через посланца отдать одну из жен шаньюя. Это было явным вызовом и оскорблением. Приближенные шаньюя с негодованием сказали ему: «Дун-ху есть бессовестный человек: требует яньчжи. Объявить ему войну». Когда шаньюй и на этот раз уступил, «владелец в Дун-ху еще более возгордился». Он потребовал уступить «полосу брошенной земли» на границе. Он уже привык к уступкам и потерял бдительность. Это дорого стоило ему самому и всему народу дунху. Маодунь с войском «пошел на восток и неожиданно напал на Дун-ху». Правитель дунху «прежде пренебрегал Модэ [Маодунем] и поэтому не имел предосторожности, Модэ [Маодунь], прибыв со своими войсками и одержав совершенную победу, уничтожил Дом Дун-ху, овладел подданными его, скотом и имуществом»²⁵. После этого страшного разгрома народ дунху перестал существо-

²⁵ Бичурин, 1950. С. 48.

вать. Орда дунху распалась на два отдельных племени — ухуаней и сяньби. Поражение от шаньюя Маодуня столь глубоко отразилось в исторической памяти потомков этого народа, что спустя много десятилетий ухуани, «чтобы отомстить за позор, связанный с поражением», которое их предки потерпели от шаньюя Маодуня, «раскопали могилы покойных хуннских шаньюев»²⁶. То, что «по прошествии 100 лет они стремились непременно отомстить за позор, связанный с поражением их государства», свидетельствует о силе кровной мести. «Если позор падал на семью, за нее мстили внуки и правнуки; если позор падал на владение, то за него мстило все население владения». Известен случай, когда правитель отомстил «за своего предка в девятом поколении».

Соперничество между дунху и хунну за господство над кочевыми племенами восточной части Центральной Азии продолжалось сравнительно недолго. Дунху стали одной из первых жертв деспотической политики шаньюя Маодуня, жесточайшими мерами истреблявшего, устранившего и покорявшего всех соперников на пути к созданию единой военной державы. Его особая жестокость по отношению к дунху могла диктоваться как чувством мести за понесенные оскорбления со стороны правителя дунху, так и стремлением обезопасить свой тыл перед задуманным походом на юэцжей. Может быть, на примере дунху, не ожидавших нападения и застигнутых врасплох, он желал запугать и заставить покориться без сопротивления другие племена.

²⁶ Там же. С. 79; Таскин, 1973. С. 25.

История и культура племен дунху изучены значительно меньше, чем хунну. Судя по всему, у них не сложилось централизованной военно-административной системы деления войска и народа и наследственного правления. Народом дунху, так же как позднее ухуанями и сяньби, управляли выбранные старейшины.

Основным оружием воинов дунху были сложные луки и стрелы. В могилах воинов найдены длинные слабоизогнутые костяные концевые накладки с вырезами для крепления петель тетивы (рис. 15, 1—3). Возможно, дунхуские луки были такими же, как у древних хунну, с накладками на один конец кибити. Стрелы имели бронзовые, железные и костяные наконечники. У дунхуских лучников преобладали бронзовые втульчатые двухлопастные, трехлопастные и трехгранные наконечники с треугольным пером и шипами. Эти стрелы отличаются от хуннских. Вероятно, они могли быть заимствованы от древних кочевников Центральной Азии, для которых были характерны культуры скифского облика. Железные плоские шипастые наконечники с костяным насадом-посредником довольно необычны. Вероятно, они изготовлены по образцу кремневых стрел. Костяные стрелы дунху имели трехгранное, ромбическое, линзовидное или округлое сечение пера, остроугольное острие, удлинённо-треугольную или удлинённо-ромбическую форму. Для многих дунхуских костяных наконечников были характерны длинные черешки (рис. 15, 11—17). По набору стрел дунхуские лучники отличались от хуннских. Эти отличия носят этнокультурный характер. С появлением железных стрел со свистунками и луков с накладками на

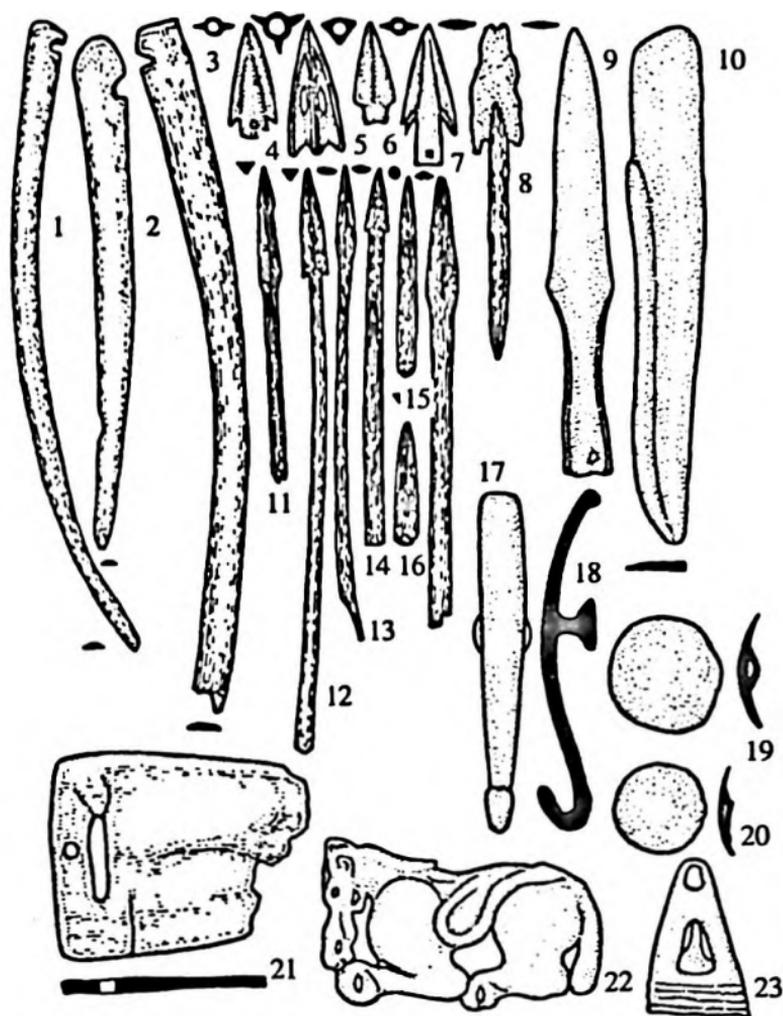

Рис. 15. Вооружение и принадлежности костюма
воинов дунху:

1—3 — костяные накладки на лук; 4—7 — бронзовые наконечники стрел; 8 — железный наконечник стрелы; 9 — бронзовый наконечник копья; 10 — бронзовый кинжал; 11—17 — костяные наконечники стрел; 18 — бронзовый колчаный крючок; 19, 20 — бронзовые бляшки; 21, 22 — бронзовые поясные бляхи; 23 — бронзовый колокольчик

оба конца и середину кибити хуннские лучники стали превосходить дунхуских воинов по дальности и точности стрельбы.

Воины дунху хранили и носили стрелы в колчанах, крепившихся к портупейному или поясному ремню с помощью бронзового крючка (рис. 15, 18). В ближнем бою дунхуские воины могли атаковать противника копьями (рис. 15, 9). Для рукопашной схватки они имели бронзовые кинжалы (рис. 15, 10). В снаряжение воина входил пояс с костяными и бронзовыми бляхами, бляшками и колокольчиками (рис. 15, 19—23).

Набор вооружения дунхуских воинов показывает, что они были легковооруженными всадниками, стрелками из луков²⁷. Для военных отрядов дунхуских всадников была характерна тактика рассыпного строя. Они могли атаковать противника лавой с копьями наперевес.

В IV—III вв. до н. э. дунхуские воины не отличались по характеру вооружения и тактическим приемам ведения боя от хунну. Однако с созданием централизованной военной организации и перевооружением новыми дальнобойными луками и железными стрелами хунну получили заметное преимущество и одержали верх в борьбе за господство над кочевыми племенами Центральной Азии.

Другим грозным и могущественным соперником хунну в конце III в. до н. э. был кочевой народ юэчжи. В период правления шаньюя Туманя «Дом Юэчжи» был «в цветущем состоянии». Юэчжи жили к западу от хунну, в Ганьсуйском коридоре в степях и пред-

²⁷ Худяков, Юй Су-Хуа, 1999. С. 103—106.

горях Алашаня и Наньшаня. Это были люди европеоидного облика, говорившие на тохарском или иранском языке и обладавшие культурой скифского типа. Именно под влиянием юэчжей элементы скифской триады, включая характерное оружие, предметы конского убранства и изделия в зверином стиле, могли быть заимствованы хунну, дунху, лоуфанями и другими кочевыми племенами восточной части Центральной Азии. После разгрома хунну армией империи Цинь и переселения «на север», подальше от китайской границы, шаньюй Тумань был вынужден признать себя вассалом правителя юэчжей и отправить в заложники в его ставку своего старшего сына и наследника Маодуня. Это был «древний кочевой обычай», означавший признание зависимости. Вероятно, хунну обязаны были платить дань и поставлять военные отряды в войско юэчжей по требованию их правителя. Однако после восстаний и крушения китайской империи Цинь хунну смогли вернуть себе часть своих прежних владений в Ордосе и усилились настолько, что шаньюй Тумань рискнул бросить вызов правителю юэчжей, несмотря на то что его сын находился у них заложником. Хуннская легенда приписывает это нападение стремлению шаньюя и его любимой яньчжи устранить законного наследника и возвести на престол его младшего брата, «меньшого сына» Туманя и его молодой жены. После этого нападения правитель юэчжей хотел убить заложника, но Маодунь «украл аргамака у него и ускакал домой». В отличие от хунну, которые ездили на низкорослых лошадях монгольской породы, у юэчжей были быстроаллюрные среднеазиатские аргамаки, ко-

торых в Китае называли «небесными конями». Как бы то ни было, после бегства Маодуня хунну фактически освободились от зависимости от правителя юэчжей. Большая орда юэчжей была очень многочисленной. По сведениям китайских летописцев она насчитывала до 400 тысяч человек, не менее 100 тысяч семей, и в случае войны могла выставить до 100 тысяч воинов — по одному от каждой семьи. Вероятно, обладая столь значительными силами, правитель юэчжей не придавал большого значения бегству заложника и фактической самостоятельности хунну. Он не предчувствовал опасности и, видимо, не был осведомлен о положении в своем бывшем периферийном вассальном владении — хуннской орде. Никак не обеспокоили правителя юэчжей и приход к власти его бывшего заложника и заклятого врага Маодуня и разгром хунну живших далеко на востоке дунху. Сразу после возвращения из похода на дунху хуннское войско во главе с шаньюем Маодунем ударило «на западе» на юэчжей. Это нападение было совершенно неожиданным для юэчжей. Они не смогли оказать достойного сопротивления и бежали. Хунну подчинились и племена лоуфаней и байянов, которые, вероятно, находились в зависимости от юэчжей.

Вероятно, поражение и бегство юэчжей объясняется не только внезапностью хуннского нападения. Воинственные и храбрые, многочисленные юэчжийские воины, воевавшие на быстроаллюрных аргамаках, не могли уйти без боя. Они могли уступать хунну только в дальности и точности стрельбы из своих луков скифского типа, в дисциплине и организованности.

Археологические комплексы юэчжей в Ганьсуйском коридоре не выделены. Однако можно полагать,

что они воевали оружием, характерным для кочевников скифо-сакских культур Евразии. Это были скифские луки, не усиленные накладками, стрелы с бронзовыми и костяными наконечниками, бронзовые или железные кинжалы или короткие мечи, чеканы или копья. Решающим для исхода боев и войны было превосходство хунну в дальности полета стрел и организованности войска. Отважные и сильные юэчжийские воины храбро устремлялись в атаку и во множестве гибли от убийственных хуннских стрел, не успевая приблизиться к врагу, чтобы нанести ответные удары. Жестокие враги просто перестреляли своих в недавнем прошлом непобедимых противников с безопасного расстояния.

Не желая погибнуть до последнего человека или покориться своим бывшим вассалам, юэчжи откочевали в западном направлении, уступив хунну Ордос и восточную часть Ганьсуйского коридора. Но уйти от врагов не удалось. Границы западного крыла хуннских владений простерлись до земель юэчжей. В 176 г. до н. э. против них «в наказание» был послан хуннский западный чжуки-князь во главе своего войска. Военное превосходство хунну в стрельбе из дальнобойных луков было столь ощутимым, что его армия «поразила» юэчжей и «предала острию меча» усуней и многие другие племена номадов Ганьсу и Восточного Туркестана.

Решающее поражение юэчжам нанесло войско Лаошан-шаньюя. После этого разгрома юэчжи распались на две орды. Большие юэчжи ушли еще дальше на запад, малые юэчжи остались жить в горах Наньшаня, в

местах своих старых кочевий. Они были вынуждены подчиниться власти хуннских шаньюев. «Когда царь больших юэчжи был убит хусцами, царицей стала его супруга». Под предводительством царицы юэчжи завоевали Бактрию (Дася), оставив прежние земли, на которые перекочевали усунь. «Она покорила Дася и властвовала над ней»²⁸. Большие юэчжи смогли наконец уйти от хунну. Китайцы вспомнили о юэчжах, когда им понадобились союзники для совместной борьбы с хунну. По повелению императора У-ди к ним было направлено посольство с богатыми дарами. После десятилетнего плена послу Чжан Цяню удалось наконец достичь владений юэчжей в Бактрии-Тохаристане. Ими правил царь, сын правителя, убитого хунну, и царицы, завоевавшей новые земли для своего народа. Несмотря на свое могущество, царь юэчжей отказался воевать с хунну, чтобы вернуть свою покинутую родину. Вероятно, он решил не искушать судьбу. Память о понесенных поражениях и жертвах была еще очень свежа в его народе. Правитель юэчжей назывался по-китайски «сихоу» или «еху». Считается, что этот титул соответствует «ябгу», известному у тюрок в эпоху раннего Средневековья. В Бактрии тохары постепенно слились с родственным иранским населением. Несмотря на ряд крупных военных неудач в войнах с хунну, они сохранили вооружение скифского облика и смогли основать свое новое государство в завоеванной Бактрии, уступив хунну Центральную Азию.

²⁸ Зуев, 2002. С. 20.

ХУННУ В СЯНО-АЛТАЕ. ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КОЧЕВНИКОВ УЛУГ-ХЕМСКОЙ, КОКЭЛЬСКОЙ, БУЛАН-КОЛИНСКОЙ, КОК-ПАШСКОЙ, АЙРЫДАШСКОЙ И ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУР

В конце III в. до н. э. хуннская держава была на гребне своего военного могущества. Грозная, как стихия, неудержимая волна хуннских завоеваний докатилась до отдаленных северо-западных окраин Центральной Азии, до заросших непроходимой тайгой горных хребтов и заснеженных вершин Алтая и Саян, до благодатных степных долин, раскинувшихся вдоль полноводного Енисея и своенравной Катуня. Свистящие стрелы, выпущенные из мощных дальнобойных луков многоопытными, закаленными в бесчисленных сражениях хуннскими всадниками, возглавляемыми талантливыми полководцами во главе с самим шаньюем Маодунем, смели со своего пути и разметали по горным

ущельям племени «скифских» кочевников саглынской, пазырыкской и тагарской культур в Туве, Горном Алтае и Минусинской котловине.

Вооруженные устаревшими луками скифского типа, ираноязычные номады Саяно-Алтая не могли противостоять в дистанционном бою хуннским воинам, свистящие стрелы которых поражали противника на расстоянии, почти в полтора раза превышавшем полет скифских стрел. У саяно-алтайских кочевников не было и сколько-нибудь эффективных средств защиты от ударов хуннских стрел, копий и палашей. Для того чтобы поразить врага своими чеканами и акинаками, им было необходимо прорваться сквозь дождь хуннских железных стрел, пробиться через лес копий, прорубиться через частокол клинков. Но и после того как саяно-алтайские воины достигали хуннских всадников, им необходимо было преодолевать преграду из щитов и железных чешуйчатых панцирей.

Обладая таким явным и очевидным превосходством в вооружении дистанционного и ближнего боя, в средствах защиты, хунну смогли покорить все кочевые народы и племена Южной Сибири. В покорении этих племен участвовали не только сами хунну, но и подвластные им кочевые племена Центральной Азии. Как это неоднократно бывало в истории войн между кочевыми народами и племенами, победители, подчинив своих соперников, использовали новых подданных для дальнейших завоеваний, и кочевая империя расширяла свои владения и границы силами покоренных номадов.

В Туву, Минусинскую котловину и Горный Алтай в составе войск Хуннской державы пришли монголоидные кочевники из восточных районов Центральной Азии. Они уже испытали на себе военную мощь хуннских завоевателей, оценили высокую эффективность и дальнобойность хуннских луков, точность попадания и проникающую способность хуннских стрел и взяли их на вооружение.

Оружие, от применения которого зависела жизнь или смерть, победа или поражение, заимствовалось в первую очередь и распространялось по всему кочевому миру степной Евразии. Помимо луков с костяными или роговыми накладками, широкое распространение среди вассальных племен получили железные стрелы с трехлопастными наконечниками и костяными шариками-свистунками и костяные или роговые стрелы с раздвоенным насадом, концы которого приклеивались с двух сторон к заостренному деревянному древку. Хотя подобный способ насада и не давал сколько-нибудь очевидных преимуществ в прочности крепления наконечника, в период хуннской экспансии он был заимствован многими кочевыми племенами Саяно-Алтая. Вероятно, вера в преимущества хуннского оружия дистанционного боя среди покоренных племен была столь велика, что хунну старались подражать во всем, что было связано со стрельбой из лука.

Кочевые племена Саяно-Алтая вошли в западное крыло военно-административной системы, формирующей войска Хуннской державы, возглавляемые одним из высших должностных лиц в хуннской чиновничьей иерархии — западным чжуки-князем. Этот пост зани-

мали ближайшие родственники правящего шаньюя, происходившие из династийного рода Силуань-ди. В состав этого западного крыла, или аймака, входили все подвластные хунну племена, жившие в западных районах Центральной Азии от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня. Непосредственно номадами Южной Сибири управлял хуннский чиновник рангом поменьше, называвшийся гудухэу.

Вероятно, впервые десятилетия после хуннского завоевания Саяно-Алтая ставка хуннского наместника размещалась в Туве. В Центральной Тувинской котловине, под горой Бай Даг, были обнаружены и исследованы курганы хуннской знати с каменной насыпью прямоугольной конструкции и дромосом-входом. В них были погребены хуннские знатные воины или чиновники. О богатстве и высоком положении этих людей можно только строить предположения, поскольку эти монументальные сооружения были начисто разграблены и осквернены еще в древности. В Туве известно несколько стоянок хуннских кочевников.

В начале I в. н. э. номадами Саяно-Алтая управлял могущественный хуннский вельможа — гудухэу князь Сюйбудан. Для своей любимой жены, китайки принцессы Имо, он приказал построить в долине Абакана дворец в стиле китайской архитектуры, с глинобитными стенами, множеством комнат и кановой системой отопления, при которой дымоходы от очагов проходили по каналам вдоль стен жилища, обогревая все помещение. Дворец венчала черепичная крыша. На концевых дисках торцевых окончаний крыши были оттиснуты иероглифы с пожеланием вечной жизни и

радости ханьскому императору и императрице. Дверные ручки на дверях этого дворца изображали личины мифических китайских демонов-гуи. У них были европеоидные черты лица, глубоко посаженные глаза, орлиные горбатые носы, густые усы и бычьи рога. Они должны были вместе с отборными хуннскими воинами охранять прекрасную принцессу от посягательств непокорных подданных. В этом дворце располагалась резиденция самого гудухэу Сюйбудана, который переместил свою ставку из Тувы в Минусу²⁹.

Еще одним красноречивым свидетельством хуннского владычества на Енисее служит знаменитый Знаменский клад, принадлежавший какому-то неизвестному хуннскому воину, побывавшему во многих походах и собравшему немалую добычу из золотых и серебряных украшений, других изделий из благородных металлов и драгоценных камней. У некоторых собранных им подвесок и серег обломаны петли и крепления. Вероятно, грабитель очень торопился, срывая их с мертвых тел, выдергивая из ушей своих жертв. Он смог спрятать свое состояние в ямку, вырытую под каменной стеной древнего тагарского кургана, заботливо прикрыть разрубленным пополам хуннским керамическим сосудом, зарыть и замаскировать его от посторонних глаз, но вернуться за сокровищами не сумел, видимо, сам погиб от руги врага.

В Горном Алтае от времени хуннского завоевания не осталось почти никаких следов. Найдены только пе-

²⁹ Вайнштейн, Крюков, 1976. № 3. С. 146—148. Ср.: Кызласов Л. Р., 2001.

чи для обжига хуннской гончарной посуды и обломки таких сосудов в насыпях курганов пазырыкской культуры. Видимо, хунну проникли лишь в юго-восточную окраину Горного Алтая и пробыли в этих землях недолго.

Однако последствия хуннского владычества весьма отчетливо проявились в культурах кочевников, пришедших вместе с хунну в Южную Сибирь, и местных номадов.

Среди племен, пришедших на Енисей в составе хуннских войск и принесших характерные черты военнотружинной культуры центральноазиатских кочевых воинов, были некоторые этнические группы тесинского этапа тагарской культуры, отличавшиеся от коренного европеоидного населения Минусинской котловины. Они пытались подражать хунну — господствовавшему кочевому народу — носили хуннские воинские пояса с ажурными бронзовыми бляхами, на которых были изображены фигуры быков, или дерущихся лошадей, или свернувшихся в кольцо драконов. Однако оружие, которым они воевали, уступало хуннскому. У них были простые луки, способные поражать цель на близкой дистанции, стрелы с железными и костяными наконечниками, среди которых были наконечники с раздвоенным насадом, заимствованные у хунну, железные кинжалы³⁰. С помощью такого оружия они могли поддерживать власть хуннских наместников над местными тагарскими племенами, но не могли противостоять самим хунну, лучше вооруженным и оснащенным для войны с вассальными номадами.

³⁰ Худяков, 1986. С. 59—60.

Кочевые племена булан-кобинской культуры Горного Алтая, прямые потомки «алтайских скифов», находились в вассальной зависимости от правителей державы северных хунну до ее крушения и распада во II в. н. э. Оружие и воинское снаряжение горно-алтайских кочевников этого периода включает образцы, принятые у могущественных соседей — центральноазиатских хунну и сарматов, живших в степях равнинного Алтая и Казахстана. У хунну булан-кобинские воины заимствовали дальнобойные сложносоставные луки с костяными накладками на середине и концах киби-ти. Преимущество таких луков по сравнению со скифскими было настолько очевидным, что их стремились взять на вооружение все, кто сталкивался с хунну на поле боя и испытал на себе проникающую силу, дальнобойность и точность попадания хуннских стрел. Однако воины Горного Алтая не просто брали на вооружение хуннские луки, а стремились их усовершенствовать и приспособить к условиям стрельбы в лесистой горной местности. Булан-кобинские луки имеют некоторые отличия от хуннских (рис. 16, 1—4). Они были меньших размеров, с укороченными накладками. На некоторых луках отсутствуют срединные фронтальные накладки. В единичном случае найден лук с совершенно необычной для хуннской традиции концевой фронтальной накладкой. Такое разнообразие форм свидетельствует о поиске наиболее подходящего, оптимального для условий Горного Алтая дальнобойного и скорострельного лука.

По набору форм булан-кобинские железные стрелы отличаются от хуннских (рис. 16, 5—8). Наиболее

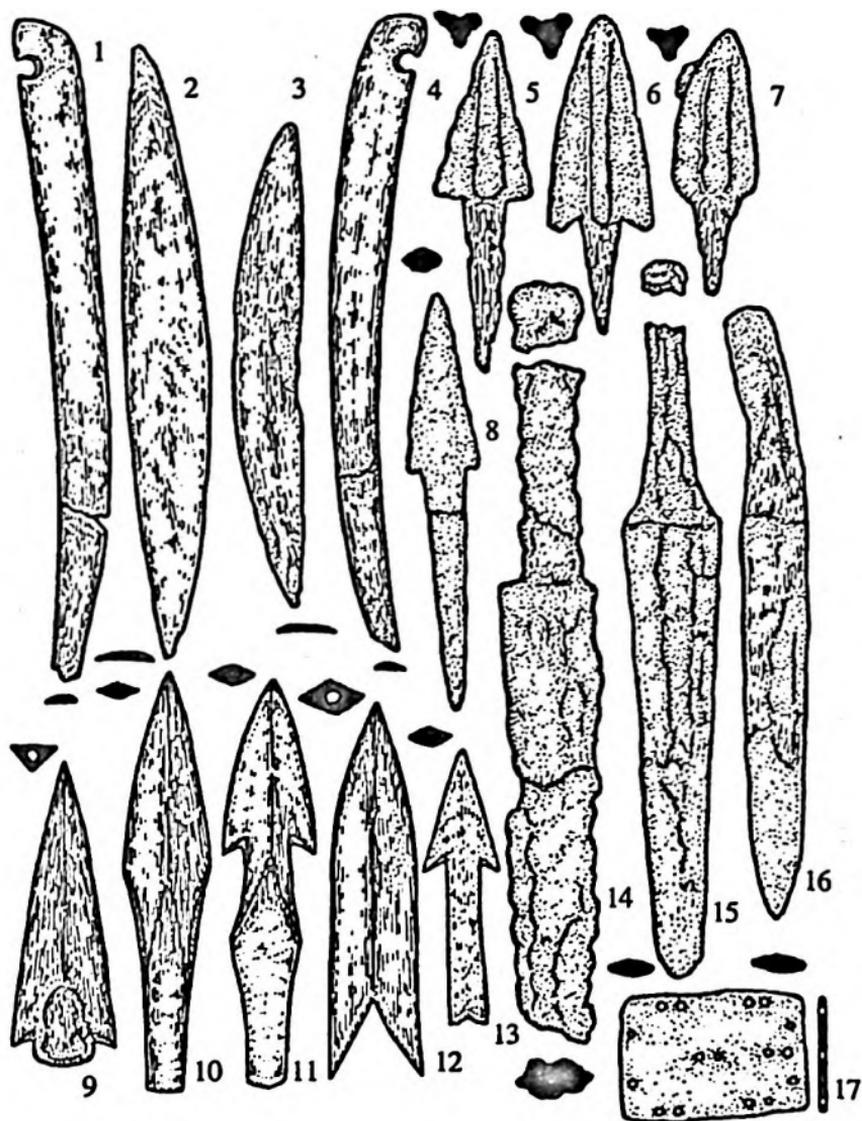

Рис. 16. Оружие воинов булан-кобинской культуры:
 1—4 — костяные накладки на лук; 5—8 — железные наконечники
 стрел; 9—13 — костяные наконечники стрел; 14—16 — железное
 клинковое оружие; 17 — железная пластина от панциря

привычными для горно-алтайских стрелков были стрелы с железными трехлопастными наконечниками удлиненно-треугольной формы с шипами. Такие стрелы совершенно аналогичны бронзовым наконечникам предшествующего, скифского времени, только изготовлены из железа. В изготовлении стрел местная, скифская традиция возобладала над привнесенной хуннской. Вероятно, приверженность горно-алтайских кочевников к трехлопастным шипастым наконечникам объясняется тем, что их можно было использовать универсально, на войне и на охоте. Шипастый наконечник, проникнув в пораженную поверхность, застревал в теле жертвы и не давал ей уйти от охотника. А в жизни кочевников Горного Алтая охота на лосей, изюбрей и косуль играла очень важную роль. Костяные и роговые стрелы булан-кобинской культуры были разнообразны (рис. 16, 9—13). Среди них имеются и втульчатые, и черешковые, и с раздвоенным насадом трехгранного и ромбического сечения. У хунну была заимствована форма раздвоенного насада. Шипы у многих наконечников соответствуют местной пазырыкской традиции. Набор стрел булан-кобинской культуры предназначен для стрельбы по легковооруженному противнику. Лишь отдельные наконечники линзовидного и ромбического сечения могли пробивать защитную преграду.

Однако булан-кобинские всадники могли не только поражать цели с дистанции полета стрелы, они обладали клинковым оружием для ближнего и рукопашного боя (рис. 16, 14—16): двулезвийными мечами, однолезвийными палашами, кинжалами с коротким обо-

юдоострым клинком. Булан-кобинские мечи и палаши с длинными клинками, приспособленными для нанесения рубящих и колющих ударов с коня, очень схожи с клинковым оружием сарматских кочевников из степных районов Алтая³¹. Для защиты от ударов стрел и клинков горно-алтайские воины хуннского времени имели нагрудные панцири, составленные из железных пластин прямоугольной формы, расположенных горизонтально и соединенных между собой через отверстия кожаными ремешками, пришитыми к подкладке. Такой панцирь мог надежно защитить от поражения наиболее уязвимые части тела воина — грудь и живот (рис. 16, 17).

Основная масса булан-кобинских воинов была легковооруженными конными стрелками, которые могли вести дистанционный конный бой в рассыпном строю, осыпая противника тучей стрел с расстояния полета стрелы. Оружием ближнего боя и средствами защиты владели отдельные отборные воины-богатыри. В условиях пересеченной горной местности, труднодоступных ущелий и крутых горных склонов, при хорошем знании горных троп и перевалов отряды горно-алтайских номадов могли успешно воевать, маневрировать, сдерживать конные армии хунну, привыкших действовать на широких открытых равнинах. Не случайно следы пребывания хунну обнаружены только на юго-востоке Горного Алтая, в открытой Чуйской степи. Видимо, хунну не рассчитывали надолго подчинить все местные кочевые племена, укрывшиеся в лесистых

³¹ Худяков, 1993. С. 67.

стых горах, и ограничились контролем над степными районами, прилегающими к Монгольскому Алтаю. В первые десятилетия хуннской экспансии горно-алтайские кочевники пытались активно противостоять завоевателям. Однако со временем многие элементы хуннской военной культуры, включая воинские пояса с пряжками и подвесными кольцами, так же как и некоторые виды оружия, стали неотъемлемой частью булан-кобинской культуры. Характерно, что от господствующего хуннского слоя — родовой аристократии — местная знать перенимала именно престижные элементы военной культуры: поясную garnитуру, украшения, ханьские зеркала. В кочевом мире, как и в оседло-земледельческих странах, именно аристократия и высшие слои общества оказываются наиболее восприимчивыми ко всему чужеземному и престижному.

Ослабление и распад хуннской державы и уход хунну как самостоятельной военной силы с политической арены Центральной Азии вовсе не означал исчезновения из употребления хуннского оружия, принятого на вооружение этническими группами саяно-алтайских номадов, остававшихся в течение нескольких столетий вассалами Хуннской державы. Наоборот, многие образцы оружия, некогда воспринятые от хунну, продолжали использоваться кочевыми воинами в Туве, Горном Алтае и Минусе еще несколько веков вплоть до эпохи грандиозных завоеваний древних тюрок. Луки хуннских типов продолжали стрелять в руках у кочевников улуг-хемской, кокэльской и чаатинской культур Тувы, у воинов таштыкской культуры Минусы, у всадников кок-пашской и айрыдашской

культур Горного Алтая (рис. 17, 1, 2, 5—9; 18, 1—5). Саяно-алтайские стрелки использовали железные трехлопастные стрелы со свистунками и костяные наконечники с раздвоенным насадом, заимствованные у хунну, вплоть до середины I тысячелетия нашей эры (рис. 17, 3, 4, 10—23; 18, 6—18). Однако формы стрел, их пропорции и очертания оказались более подвержены изменениям, нежели луки. В частности, с появлением различных средств защиты у стрелков стало больше наконечников, приспособленных для пробивания защитного покрытия.

Оружейные комплексы улуг-хемских, кокзельских и, в меньшей степени, таштыкских воинов испытали влияние и со стороны новых могущественных покорителей Центральной Азии — сяньби, у которых было высокоэффективное оружие ближнего боя и защиты: копья, мечи, палаши, нагрудные панцири и шлемы, с помощью этого оружия они могли таранить врага на поле боя плотно сомкнутыми шеренгами панцирных всадников с копьями наперевес. У таштыкских воинов шлемы и доспехи, защитные попоны для лошадей, видимо, были из мягких органических материалов. Они свободно поражали противника из луков в пешем и конном строю, атаковали копьями верхом на защищенных конях, сражались на суше и на воде³².

Для воинов кок-пашской культуры в качестве оружия ближнего боя служили палаши и кинжалы (рис. 18, 22—25), а в качестве защитных средств — нагрудные

³² Худяков, 1990б. С. 107—113; Кызласов И. Л., 1990. С. 182—191.

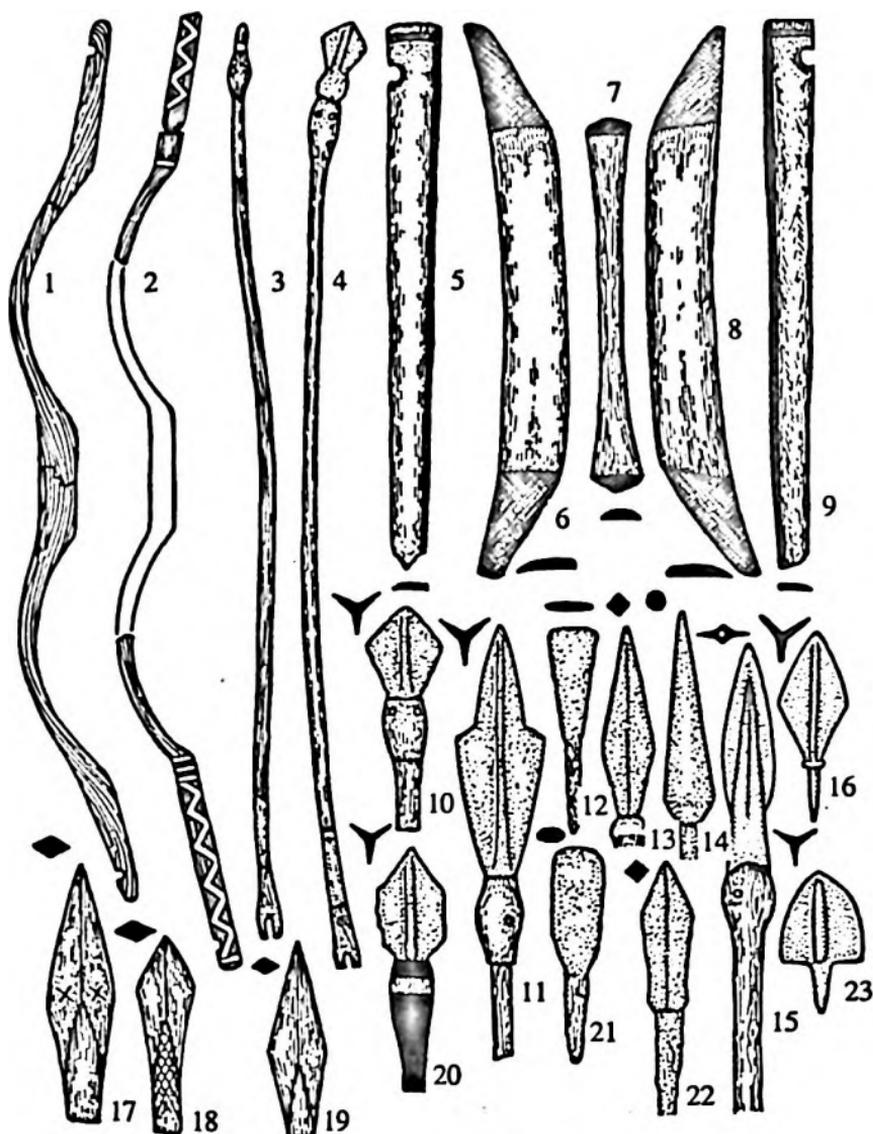

Рис. 17. Оружие племен козельской культуры:

1, 2 — деревянные модели луков; 3, 4 — стрелы; 5—9 — костяные концевые и срединные накладки луков; 10—16, 20—23 — железные наконечники стрел; 17—19 — костяные наконечники стрел

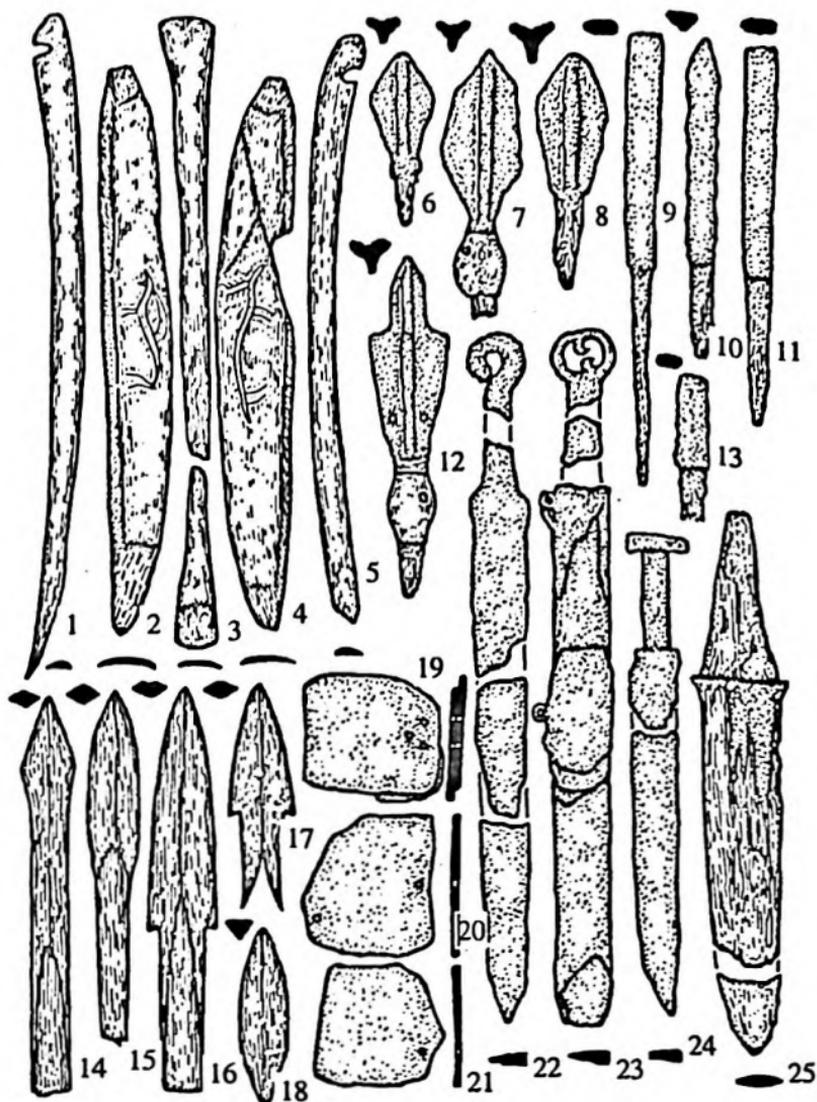

Рис. 18. Оружие племен кок-пашской культуры:

1—5 — концевые и срединные накладки луков; 6—13 — железные наконечники стрел; 14—18 — костяные наконечники стрел; 19—21 — металлические панцирные пластины; 22—24 — железные палаши; 25 — железный обоюдоострый кинжал

панцири (рис. 18, 19—21) и защитные пояса³³. И только в памятниках айрыдашского типа пока не обнаружено других видов оружия, кроме луков, стрел и кинжалов.

На поле боя саяно-алтайские племена могли выставить отряды легкой конницы. Лишь некоторые отборные или знатные воины могли позволить себе вооружиться мечами и палашами и защитить себя металлическими доспехами. Отряды панцирных всадников в качестве особого рода войск — тяжеловооруженной конницы были только в армиях ведущих центрально-азиатских военных держав сянби и жужаней.

³³ Худяков, 1990а. С. 45—52.

ХУННУ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ. ВОЕННОЕ ДЕЛО НОМАДОВ СИНЬЦЗЯНА В ХУННСКОЕ ВРЕМЯ

Кочевые племена Восточного Туркестана были покорены еще в правление шаньюя Маодуня в ходе войн с юэчжами. В конце III в. до н. э. под властью хунну оказались несколько наиболее крупных племен, среди которых были динлины и гяньгуни. В 177 г. до н. э. хуннские войска разгромили юэчжей и подчинили усуней и 28 других «владений» на Восточном Тянь-Шане. Хунну заняли земли от границ Китая до озера Лобнор, с которых изгнали юэчжей и усуней. Юэчжи ушли в Бактрию, а усуни осели на Восточном Тянь-Шане, где до этого жили юэчжи, а до них саки. После поражений, которые понесли хунну от войск Хо Цюйбина, хуннский князь Хунье сдался на милость победителя. Все хуннское население было выселено с земель от «южных гор» до озера Лобнор в другие районы империи Хань, после чего хунну на этих землях «совсем не осталось» и путь китайцам в Западный

край был открыт. Император У-ди, потерпев неудачу в попытке заключить союз с юэцжами против хунну, переключил свое внимание на усуней. В 119 г. до н. э. к усуням было направлено посольство, которое возглавил известный дипломат и путешественник Чжан Цянь. По его предложению, после возвращения из посольства усуням можно было предложить династийный союз. Чжан Цянь считал, что «хотя ныне народ усунь силен и велик, возможно щедрой наградой призвать [его] и приказать ему жить на старых землях, женить [усуньского государя] на царевне, сделаться братьями, чтобы обуздать сюнну»³⁴. Ханьский императорский двор предложил усуньскому правителю — гуньмо заключить договор «мира и родства», надеясь подтолкнуть его к войне с хунну, чтобы отвоевать свои прежние земли в Ганьсуйском степном коридоре. Гуньмо с почтением принял подарки императора У-ди, но воевать с хунну не хотел, поскольку он был вассалом хуннского шаньюя. Однако шаньюй сам подтолкнул его к союзу с Китаем. Узнав о контактах усуней с китайцами, шаньюй страшно «разгневался и желал напасть на них». Усуням ничего не оставалось, кроме как стать союзниками китайцев. Гуньмо послал своих послов в империю Хань, «желая получить в жены китайскую принцессу и сделаться братьями». Принцесса Сицзюнь с богатыми дарами и прислугой в несколько сот человек была отправлена к правителю усуней. Династийный союз был заключен. Хуннский шаньюй понял, что прогадал, и сделал ответный ди-

³⁴ Кюннер, 1961. С. 75.

пломатический ход, послав в жены гуньмо свою «девицу». Усуньский правитель, полагая, что империя Хань далеко, а хуннская конная армия всегда может его настичь, принял «соломоново решение». Он принял обеих невест, хуннскую «девицу» сделав старшей женой, а китайскую принцессу — младшей. Принцесса Сицзюнь, став женой престарелого усуньского гуньмо, жила «в скорби и печали» и даже сочинила жалобную песню по этому поводу. Старый правитель пожалел молодую женщину и в утешение решил выдать ее замуж за своего уже взрослого внука. Несмотря на жалобы принцессы, которую подобная перспектива, совершенно несовместимая с китайской конфуцианской моралью, привела в ужас, император не пожелал вступить за нее, а посоветовал «следовать обычаям этой страны», поскольку он хочет «вместе с усунями» уничтожить хунну. Ради «уничтожения хунну» он не пожалел даже китайской принцессы.

В конце II в. до н. э. войска империи Хань нанесли хунну в районе Ганьсу ряд поражений. Ханьское влияние в Западном крае значительно возросло. Однако правители местных владений и вожди племен хорошо помнили стремительные опустошительные набеги хуннской конницы. Они, даже признав власть ханьского императора, продолжали опасаться хунну, с почтением принимали и снабжали всем необходимым хуннских послов. В то же время посланцы ханьского императора без денег и богатых даров «ничего не могли получить». Им отказывали в помощи.

В конце II в. до н. э. войска Ханьской империи под предводительством выдающегося полководца Ли Гу-

анли совершили два беспримерных по дальности похода на государство Давань и захватили его столицу Эрши, которая находилась в Ферганской долине. После этих победоносных походов Ли Гуанли получил титул «эршиского военачальника». Земли в Ганьсуйском коридоре были подчинены империи Хань. На них было образовано три пограничных округа: Чжанье, Цзюцюань и Дуньхуан. Границы империи Хань вплотную приблизились к Восточному Туркестану. Правители небольших владений этого края были вынуждены признать себя вассалами китайского императора и послать своих сыновей в качестве заложников ко двору империи Хань. Правитель усуней — гуньмо оставил все колебания и признал себя «младшим братом» императора. С этого времени усунь стали верными союзниками китайцев в борьбе за господство над Восточным Туркестаном. После побед китайской армии в Давани хуннский шаньюй Цзюйдихэу освободил всех задержанных им раньше китайских послов. Таково было впечатление о непобедимости ханьской армии, которая сможет проникнуть в любую, самую отдаленную точку Центральной Азии. Ханьский императорский двор по достоинству оценил этот жест доброй воли и послал шаньюю в благодарность богатые дары. Однако, несмотря на этот обмен дипломатическими любезностями, военные действия между державой Хунну и империей Хань через несколько лет возобновились. Лишившись своего господствующего положения в Восточном Туркестане и контроля за торговыми путями, хунну потеряли бы последний источник постоянных доходов, поэтому они продол-

жали упорно воевать за владение этими землями. Не ослабевала борьба и за контроль над Ганьсуйским коридором. Чтобы окончательно разгромить и уничтожить хунну, против них послали в район «небесных гор» Тянь-Шаня китайскую армию во главе с прославленным «эршиским военачальником» Ли Гуанли. Однако она потерпела поражение. На выручку полководцу был направлен небольшой отряд отборных воинов во главе с внучатым племянником «эршиского военачальника» талантливый военный Ли Лином. Попав в западню, этот отряд был разгромлен, а сам Ли Лин оказался в плену у хунну. Шаньюй Цзюйдихоу проявил к знатному пленнику «должное уважение» и даже женил его на своей дочери. Когда до императора У-ди дошли слухи, что Ли Лин обучает хунну военному делу, он в гневе приказал казнить всю его семью. Пострадал и знаменитый историк Сыма Цянь, который осмелился вступить за Ли Лина. Пленнику был отрезан путь к возвращению. Он стал служить хунну, шаньюй назначил Ли Лина юсяо-ваном. На протяжении последующих лет он выполнял самые разные поручения шаньюев. На предложение китайского посланника вернуться на родину он заявил, что не может «дважды терпеть позор». В эпоху Средневековья существовала легенда, что Ли Лин был назначен правителем древних кыргызов — гяньгуней и даже стал родоначальником их правящего рода. В 90 г. до н. э. потерпел поражение от хунну и попал в плен к ним сам «эршиский военачальник», Ли Гуанли. Сначала его также приняли с почетом. Но после интриг приближенных шаньюй принес его в жертву хуннским богам

и предал его казни. Хунну считали, что дух казненного принесет им больше пользы, чем живой пленник.

В это время среди хунну жило немало китайцев из числа слуг, выданных замуж принцесс, военнопленных и перебежчиков. Среди них большую роль играл перебежчик Вэй Люй, происходивший из кочевого племени ху, но родившийся и выросший в Китае. Он сознательно перешел на сторону хунну, стал советником у нескольких шаньюев, возглавлял войска и надзирал за пленными китайцами. Некоторое время он управлял многочисленным кочевым народом динлинов, вассалов хуннских шаньюев.

Благодаря умению воевать хунну смогли в начале I в. до н. э. нанести несколько чувствительных поражений китайским войскам, сохранить свой контроль над племенами и торговыми путями по Восточному Туркестану и тем самым отсрочить крушение своей державы. Император У-ди после ряда неудач был вынужден отказаться от намерения уничтожить хунну.

После серии поражений китайцы решили привлечь на свою сторону военные отряды, составленные из жителей «зависимых владений» Западного края. За успешную оборону от хунну округа Чжанье предводитель такого отряда был щедро награжден ханьским императором. Такие меры были продиктованы главным направлением внешней политики Китая — «руками варваров побивать варваров». Обеспокоенные хунну атаковали усуней, заняли часть усуньских земель и потребовали выдать супругу гуньмо — китайскую принцессу, под влиянием которой правитель усуней ориентировался на союз с Китаем.

Усуньский гуньмо не мог уступить этому вызывающему требованию, иначе он потерял бы свой авторитет среди соплеменников. Гуньмо обратился за помощью к своему могущественному союзнику — китайскому императору. Он обещал выступить вместе с китайцами против хунну и собрать войско в 50 тысяч воинов. Император послал против хунну, на выручку усуням, пять китайских армий. Одновременно с запада выступило усуньское войско во главе с гуньмо. Противостоять такой мощной силе врагов хунну не решились. Опасаясь быть зажатым в клещи с двух сторон, хуннское войско уклонилось от решительного сражения и отошло вглубь степей Центральной Азии. Однако когда китайские войска ушли из Восточного Туркестана, хунну, которые следили за передвижением вражеских армий, внезапно напали на усуней, разгромили их и захватили много пленных. Война завершилась победой, но то, что не сумели сделать враги, свершили суровая зима, сильные морозы и продолжительные снегопады в степях Центральной Азии, где жили хуннские кочевники. Трескучие морозы и глубокие снега повлекли за собой массовый падеж скота и гибель множества людей от голода. Хуннские кочевья обезлюдели, люди и лошади очень ослабли. Ослаблением хунну тут же воспользовались их враги в кочевом мире. По наущению китайских дипломатов, в 72 г. до н. э. на хунну одновременно напали ухуани, жившие к востоку от хуннских владений, усунь и динлины, обитавшие к западу и северо-западу от хунну³⁵. Во главе

³⁵ Бичурин, 1950. С. 82.

динлинов был сын китайского полководца Ли Лина, взятого некогда в плен и обласканного хуннским шаньюем. Оставшийся безымянным для китайцев, сын Ли Лина занимал пост «динлин-вана» — правителя динлинов. С его помощью китайским дипломатам удалось организовать против хунну широкую военную коалицию враждебных кочевых племен. В ходе ожесточенной кровопролитной войны со своими бывшими вассалами, в которой никто не щадил «ни старых ни малых», у хунну погибла треть всего населения. Война шла на полное истребление хуннского народа. Китайцам наконец удалось побить хуннских «варваров» руками других «варваров». После этих поражений хунну «совсем обессилели, все зависимые от них владения отложились»³⁶. Хунну не смогли оказать какой-либо действенной помощи своим союзникам, сохранившим лояльность по отношению к Хуннской державе. Когда в 67 г. до н. э. объединенные силы нескольких союзных империи Хань владений Западного края напали на княжество Гуши, оставшееся верным хуннскому шаньюю, хунну были не в состоянии вмешаться. Жители Гуши были вынуждены спасаться бегством. На обезлюдевшие земли ханьский императорский двор переселил китайских военных поселенцев. Ими была сооружена крепость Чэшичэн — опорный пункт империи Хань в Восточном Туркестане. Хунну пытались бороться. Они совершили несколько походов на усуней и другие владения Западного края. Дважды хуннские войска атаковали китайские поселения, штурмо-

³⁶ Таскин, 1973. С. 28.

вали Чэшичэн, но взять крепость так и не смогли. В 61 г. до н. э. против хунну вновь выступили динлины и нанесли им поражение.

Постоянные военные неудачи, гибель значительной части населения, потеря большого количества скота легли суровыми испытаниями на хуннский народ и очень ослабили Хуннскую державу. К середине I в. до н. э. хуннское влияние на большей части Восточного Туркестана значительно ослабло.

До прихода в Западный край хунну и вытесненных ими из района Ганьсу юэчжей и усуней на этой обширной территории жили многочисленные племена иранских номадов — саков. Хотя большая часть сакских племен под давлением юэчжей ушла с Восточного Тянь-Шаня на юг, в Среднюю Азию и Бактрию, некоторые иранские кочевые объединения остались в южных районах Западного края в хуннское время. В памятниках Нии и Лоулани обнаружены предметы вооружения этих номадов. Воины были вооружены сложносоставными луками. У почти полностью сохранившегося лука из Нии кроме срединных боковых и фронтальной накладок на верхнем плече имеется между деревянными планками плечевая роговая накладка. Плечи лука обмотаны сухожилиями, концевых накладок нет (рис. 19, 1). Появление плечевых накладок свидетельствует о принципиально важном техническом усовершенствовании. Кочевники из Нии и Лоулани, испытавшие на себе мощь хуннских луков и попытавшиеся сделать их сами, применили роговую накладку не только для усиления жесткости середины кибити, но и для повышения упругости и рефлектор-

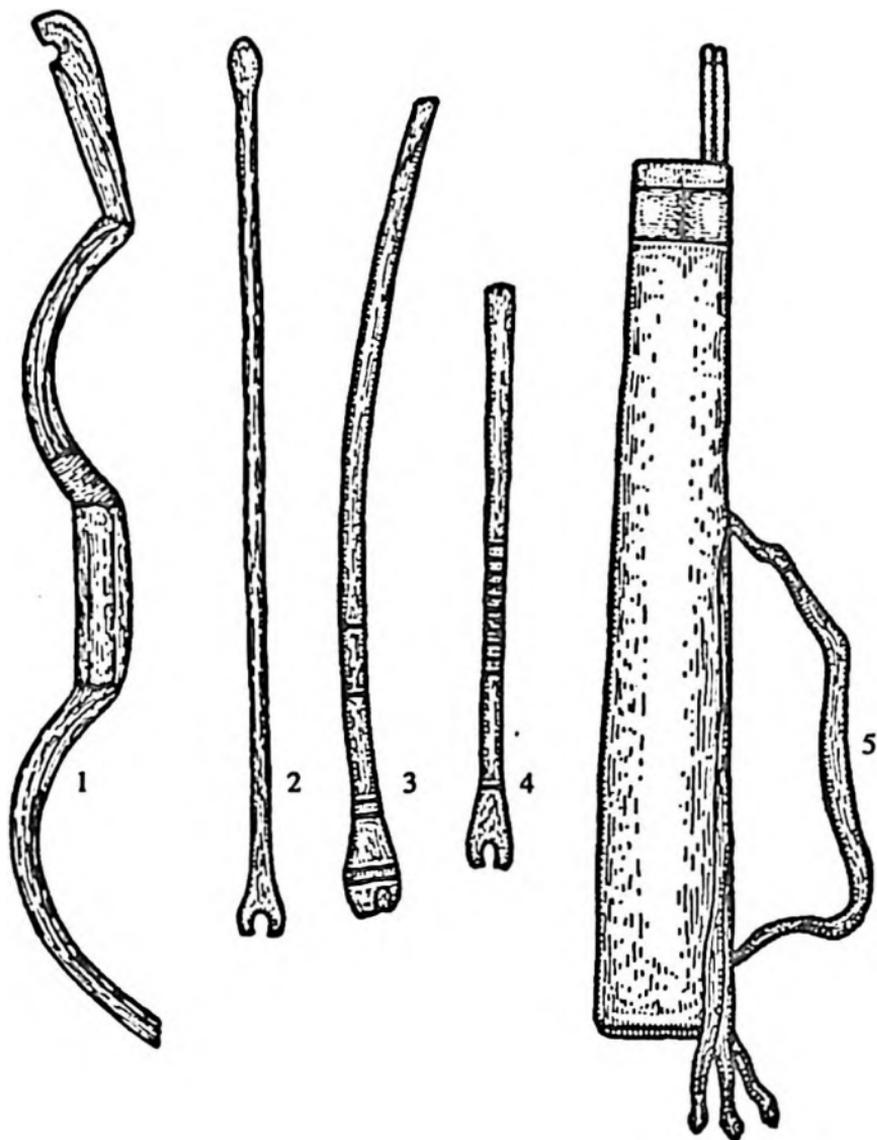

Рис. 19. Военное снаряжение из погребений кочевников
Восточного Туркестана хуннской эпохи:
1 — лук; 2—4 — стрелы; 5 — колчан

ной силы плеч. Такой лук был более дальнобойным, чем луки хунну.

Однако на военных действиях в Западном крае это никак не сказалось. Возможно, вера в превосходство хуннских луков была столь велика, что изобретение восточно-туркестанских кочевников осталось незамеченным. Воины из Нии и Лоулани стреляли по цели стрелами с деревянными орнаментированными древками (рис. 19, 2—4). Стрелы хранили в окрашенных в красный цвет деревянных цилиндрических колчанах, которые носили на ремне за спиной (рис. 19, 5).

Помимо местного сакского населения, в Восточном Туркестане жили кочевые племена, пришедшие вместе с хунну. Они были вооружены луками с короткими изогнутыми концевыми накладками, имеющими вырезы для петель тетивы (рис. 20, 1—4). Для стрельбы использовались стрелы с железными черешковыми трехлопастными наконечниками треугольной, пятиугольной и ромбической формы (рис. 20, 5—7, 9—13, 15—17). Реже использовались втульчатые наконечники и стрелы с ромбическим пером (рис. 20, 8, 14, 18, 19). Из оружия ближнего и рукопашного боя известны только кинжалы (рис. 20, 20, 21)³⁷. В памятниках усуней найдены только бронзовые и костяные стрелы и железные кинжалы³⁸. Конечно, у кочевников Восточного Туркестана были и другие виды оружия ближнего боя и защитные средства.

³⁷ Худяков, 1999. С. 153.

³⁸ Худяков, Комиссаров, 2002. С. 77.

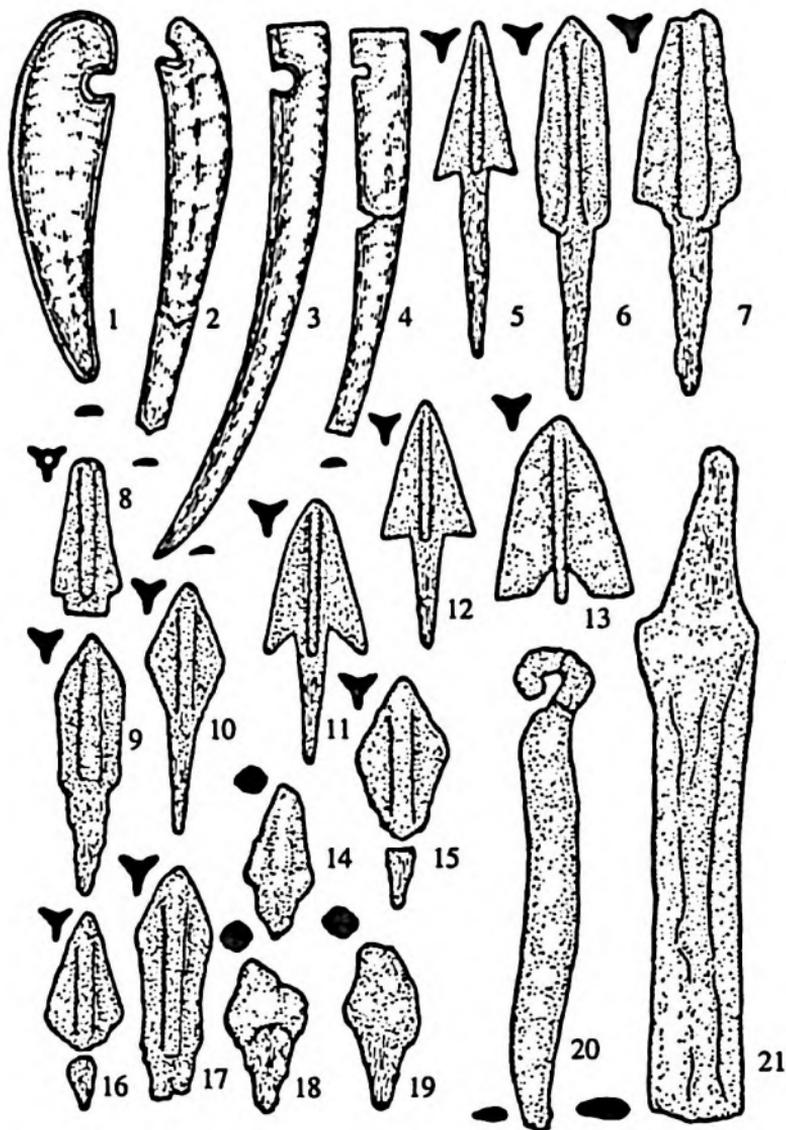

Рис. 20. Вооружение кочевников Восточного Туркестана хуннского времени:

1—4 — костяные накладки лука; 5—19 — железные наконечники стрел; 20, 21 — железные кинжалы

Вероятно, отряды кочевых племен Западного края формировались из легковооруженных всадников, главным оружием которых были луки и стрелы. Не уступая в этом виде оружия хунну, они не могли соперничать с Хуннской державой в борьбе за господство над Центральной Азией и предпочли пойти на союз с империей Хань. Однако могущественная Ханьская империя преследовала в Западном крае свои цели. Правители Китая стремились обеспечить контроль над торговыми путями в Среднюю Азию, для чего создавали на завоеванных территориях крепости, опорные пункты, административные округа, переселяли китайцев из внутренних районов страны. Для хунну потеря своего влияния в Восточном Туркестане означала утрату последнего важного источника доходов, поэтому даже распад Хуннской державы не остановил попыток отдельных хуннских орд сохранить под своим контролем некоторые кочевые племена и районы Западного края.

ГЛАВА 7

ХУННУ ПОСЛЕ РАСПАДА ЕДИНОЙ ДЕРЖАВЫ. ХУННУ И КИТАЙЦЫ. ШАНЬЮЙ ЧЖИЧЖИ ПРОТИВ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

Тяжелейшие военные поражения, обрушившиеся на хунну стихийные бедствия, гибель большого числа воинов и убыль главного источника существования — домашнего скота настолько ослабили и обострили противоречия в Хуннской державе, что она неминуемо клонилась к развалу. Среди членов правящего рода Люанди обострилась борьба за престол шаньюя. В этой междоусобице принимал активное участие и правитель динлинов, сын Ли Лина, который попытался выдвинуть на престол своего претендента. Часть хуннских князей «с несколькими десятками тысяч своего народа» перешли на сторону империи Хань. Правящий шаньюй Хуханье с невероятными усилиями пытался удержать в покорности своих подданных. Решающий удар по единству хунну нанес его старший брат Хутуусы, за-

нимавший пост Восточного чжуки-князя. Он провозгласил себя Чжичжи-шаньюем и захватил ставку. Хуханье бежал. Среди его приближенных нашлись склонявшие Хуханье к переходу на положение вассала ханьского императора. Растерянный шаньюй обратился за советом к старейшинам. Те категорически возражали, утверждая, что «это невозможно», потому что хуннский народ потеряет свое господствующее положение среди других кочевых народов. «Сражаться на коне есть наше господство. И потому мы страшны перед всеми народами. Мы еще не оскудели в отважных воинах». Старейшины считали, что «лучше умереть со славой», чем «сделаться вассалами Дома Хань» и тем самым опозорить себя и своих великих предков, выставить себя на посмешище соседей. Можно сохраниться под властью Китая, но уже нельзя будет «владевать над народами»³⁹. Лишь один сановник подал трусливый совет перейти в подданство Китаю, чтобы достичь «спокойствия», иначе шаньюя ждет гибель. Малодушный Хуханье последовал этому совету и с верной ему частью орды направился к Великой стене. Своего сына он отправил служить императору, а фактически отдал в заложники, и «изъявил покорность». Чжичжи-шаньюй также попытался перейти в китайское подданство и послал сына на китайскую службу. Так хунну, без войны и поражения, в результате междоусобицы между родными братьями из правящего рода, превратились в ханьских вассалов. Ханьский император щедро вознаградил Хуханье. Он по-

³⁹ Бичурин, 1950. С. 88.

жаловал ему дорогие одеяния, золотую печать, меч с драгоценными камнями, кинжал, лук и стрелы, чеканы, золото, монеты, шелковые ткани, лошадей и сбрую. Обеспокоенный Чжичжи прислал своего посланника с дарами. Хуннские шаньюи соревновались между собой в угодливости. Император принял посла Чжичжи весьма благосклонно. Однако в конце концов китайцы сделали ставку на Хуханье. Чжичжи со своим войском откочевал в Западный край. Он объединил вокруг себя хунну, не признавших Хуханье. На Восточном Тянь-Шане он «ударил на усуньцев, разбил их», затем покорил племена уцзе, гяньгуней и динлинов. Свою ставку Чжичжи расположил в землях древних кыргызов-гяньгуней, находившихся к северу от горного хребта Боро-Хоро. «В них Чжичжи и остался жить»⁴⁰. Из своего «орлиного гнезда» он «неоднократно посылал войска на усуней и всегда одерживал над ними победу». Империя Хань не оказала своим верным союзникам и вассалам должной поддержки. Думая, что его ставка недостижима для ханьских войск, Чжичжи потребовал от китайского императора вернуть ему сына, служившего при императорском дворе и находившегося на положении заложника. Император отправил шаньюева сына в сопровождении своего посла Гу Цзи. Взбалмошный Чжичжи, считая себя неуязвимым, убил китайского посланника. Он был недоволен тем, что ханьцы поддерживали и отдавали предпочтение Хуханье, что лишало его возможности объединить под своей властью всех хунну и восстановить единую и могущественную империю.

⁴⁰ Таскин, 1973. С. 37.

венную Хуннскую державу. Гибель посла не сразу стала известна у него на родине, в Китае.

Среди хуннской орды, возглавляемой Хуханье, росло недовольство своим положением пограничных вассалов, охраняющих ханьскую границу и находящихся на содержании у императорских чиновников. Поддавшись этому настроению, слабовольный шаньюй тоже стал мечтать «вернуться на север» в вольные степи. Но китайцы опасались, что после ухода его «трудно будет удерживать в повиновении». Ханьские послы заключили с шаньюем «клятвенный договор», в котором говорилось:

Отныне и впредь [династия] Хань и сюнну составляют одну семью и никогда больше не должны обманывать или нападать друг на друга. Если случится воровство, обе стороны обязаны сообщать об этом друг другу, наказывать виновных и возмещать украденное; если случится нападение — высылать друг другу войска на помощь. Тот, кто первый, династия Хань или сюнну, осмелится нарушить договор, подвергнется несчастьям, ниспосланным Небом. Пусть наши сыновья и внуки из поколения в поколение во всем поступают согласно данной клятве.

Заключение «клятвенного договора» было обставлено торжественной церемонией по кочевому обычаю. Ханьские послы вместе с шаньюем и его сановниками «поднялись на гору Дуншань у реки Ношуй в землях сюнну и закололи белую лошадь; шаньюй смешал вино [с кровью] мечом и золотой ложкой, после этого, используя как чашу череп правителя юэчжи, разбито-

го шаньюем Лаошаном, они выпили вино в знак заключения договора, скрепленного кровью». Некоторые ханьские сановники считали, будто послы заключили «клятвенный договор» с хунну самовольно, что «опозорило государство и нанесло ущерб величию страны», поэтому такой договор «не следует соблюдать»⁴¹. Однако император решил «от клятвы не отказываться», поскольку она отвечает интересам империи. Шаньюй Хуханье перенес свою ставку на север и фактически восстановил хуннскую державу.

Усиление Хуханье вызвало серьезные опасения у Чжичжи, который боялся мести со стороны китайцев за совершенное им убийство послов. Он захотел перекочевать еще дальше на запад и вступил в переговоры с послами властителя Кангюя, прибывшими к нему в ставку в земли гяньгуней. Правитель этого кочевого государства хотел сделать орду Чжичжи-шаньюя заломом против усуней.

Шаньюй «уже давно жил в страхе» и был очень зол на усуней, поэтому он очень обрадовался предложению правителя Кангюя, «заключил с ним союз и двинулся во главе войск на запад». Навстречу ему правитель Кангюя направил свой караван из нескольких тысяч верблюдов, ослов и лошадей. Видимо, у хунну не хватало вьючных и верховых животных. Поход Чжичжи оказался роковым для него самого и для его орды. В дороге у него «от холода погибло много людей», и в Кангюй пришло только три тысячи человек⁴². Веро-

⁴¹ Таскин, 1973. С. 37—38.

⁴² Там же. С. 39.

ятно, опасавшийся за свою жизнь, шаньюей предпринял рискованный переход через заснеженные горы, чем погубил свою орду. Небольшой, ослабленный трудным переходом отряд Чжичжи уже не представлял никакой ценности как союзник, а мог быть только обузой. Китайцы узнали о бедственном положении остатков орды этого шаньюя и послали вдогонку за ним отборное войско. Шаньюей Чжичжи потерпел поражение, был захвачен в плен и обезглавлен.

Устранение Чжичжи автоматически делало Хуханье единственным правителем всех хунну. Но, получив известие о казни своего брата-соперника, он испытал не только радость, но и страх. Он поспешил направить послание императору с просьбой разрешить ему нанести визит. Шаньюей был принят и получил подарки, но в ответ на выраженное им желание породниться с династией Хань ему направили одну из наложниц «из добронравной семьи», а не принцессу, дав понять, что воспринимают его как вассала. Хуханье подобострастно предложил нести оборону китайской границы. По совету своих осторожных сановников император не принял, хотя и положительно оценил, инициативу хуннского шаньюя.

Преемники шаньюя Хуханье продолжали вести себя как настоящие вассалы империи Хань, лишь иногда позволяя себе проявлять строптивость в отношении требований императоров. Учжулю-жоди-шаньюей, несмотря на свою зависимость и гибель сына-заложника в Китае, сумел найти в себе силы не уступать китайцам своих земель на границе. Несмотря на возникший конфликт, шаньюей попытался загладить свое поведе-

ние и напросился приехать с визитом. Хотя советники были против приезда шаньюя, император богато одарил его. По требованию китайцев шаньюй был вынужден прислать хуннскую княжну, чтобы она прислуживала при императорском дворе, и выдал перебежчиков. Подобострастное поведение шаньюя не избавило его от попыток китайцев ослабить его государство. По их наущению ухуани отказались платить дань «холстами и кожами». Хуннское войско разбило ухуаней, вождь был повешен за ноги, в плен угнано много женщин и детей. Несмотря на предложенный выкуп, хунну «пленных не отдали», хотя выкуп взяли.

Пришедший к власти в Китае узурпатор Ван Ман, бывший первый министр, провозгласивший себя императором и отстранивший династию Хань, поставил своей целью «загнать хунну в Динлин», а их земли разделить на 15 мелких владений. Экстравагантный император потребовал от всех подданных заменить двусложные имена на односложные, и шаньюй послушно подчинился. Он принудил шаньюя заменить государственную печать. Китайские послы обманули шаньюя, они разбили прежнюю печать чеканом, а на новой печати надпись не отличалась от надписей обычных подданных императора. Готовясь к войне, Ван Ман сформировал 12 корпусов из военных отрядов динлинов и ухуаней. Эта конница под командованием китайских командиров должна была громить хунну в степях Центральной Азии. Чтобы вызвать смуту в хуннской орде, китайцы «силою произвели» в шаньюи одного из хуннских князей и щедро его одарили. Это вызвало возмущение и военные столкновения между хунну.

Вероятно, хунну пытались обезопасить свое государство от возможных нападений с севера. Хуннский «западный гуду-хэу» Сюйбудан, женатый на китайской княжне Имо, построил для нее дворец и свою ставку в Минусинской котловине, подчинив себе местные кочевые племена.

Все усилия Ван Мана оказались напрасными. Китай утратил свое господство над Западным краем. Местные «владения» вышли из его подчинения. Пользуясь ослаблением Китая после смерти Ван Мана, хуннские шаньюи отказались признать себя вассалами. А во время восстания «краснобровых» они смогли активно вмешаться в междоусобную борьбу в самой империи, поддерживая повстанцев или разных претендентов на императорский престол. Однако воспользоваться такой благоприятной для себя ситуацией они в полной мере не сумели. Шаньюй Юй заявил китайцам, что в устранении Ван Мана и восстановлении династии Хань есть его заслуга, поэтому ханьцы обязаны его уважать.

В 48 г. н. э. в орде произошел раскол. Этому предшествовали засухи, нашествия саранчи, голод и эпидемия, которые «похитили» больше половины народа и скота. Один из хуннских князей, Би, считавший себя законным наследником, был крайне обижен тем, что шаньюем был избран другой князь, Пуну. Би также провозгласил себя шаньюем. Началась война, которая шла с большим ожесточением. Войско южных хунну, возглавляемое Би, нанесло поражение северной орде. Опасаясь мести, он признал себя вассалом ханьского императора. Северные хунну ушли в степи. С этого

времени распад хуннской державы стал окончательным, а северные и южные хунну стали злейшими врагами и соперниками в борьбе за господство над кочевыми племенами Центральной Азии. Острейшая вражда между северной и южной ордами и стала основной причиной последующей гибели и исчезновения с исторической арены хуннской государственности и народа.

Вожди северных хунну также попытались стать вассалами империи Хань. В 85 г. н. э. северные хунну пригнали к китайской границе множество лошадей и рогатого скота в качестве дани и для обмена. Однако отряды южных хунну перехватили и угнали весь скот. Попытка найти покровительство у китайского императора сорвалась. Не надеясь самостоятельно противостоять многочисленным врагам, семьдесят три вождя северных хунну бежали в пограничные районы Китая под защиту войск укрепленной линии. Среди северных хунну возобладало стремление «спасаться кто может», не заботясь о судьбе соплеменников.

Орда северных хунну очень ослабла и уже не располагала достаточными силами, чтобы успешно противостоять врагам. Южные хунну постоянно «нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньби нападали с левой, а владения Западного края — с правой стороны»⁴³. Среди оставшихся 58 кочевий под ударами сяньби и ухуаней бежали к границам Китая, чтобы укрыться от врагов в китайских погранич-

⁴³ Бичурин, 1950. С. 126.

ных округах. После этого «северная ставка пришла в полное расстройство».

Возобладавшая в империи Хань тактика «побивать варваров руками варваров», тактика поощрения междоусобиц и расколов среди хунну привела к крушению Хуннской державы и расколу самого хуннского народа, при этом хунны стали истреблять своих же соплеменников.

ГЛАВА 8

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ПЛЕМЕН КЕНКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди воинственных кочевников, чей выход на историческую арену совпал с крушением Хуннской державы и «великим переселением народов», были племена кенкольской культуры. В течение пяти столетий они властвовали в горах и долинах Тянь-Шаня и в Семиречье, наводя страх на жителей среднеазиатских городов и земледельческих оазисов. Это были высокорослые, широкоплечие, очень сильные и храбрые воины. У них были европеоидные черты лица, крупный, выступающий орлиный нос и длинные волнистые волосы, которые они стягивали в пучок на макушке. В этом народе существовал обычай надевать кольцо на хрупкий череп родившегося младенца, чтобы череп вырос удлинённым, вытянутым вверх, в форме конического шлема. Такая «кольцевая деформация» черепа не проходила безболезненно. Люди вырастали очень свирепыми, не боящимися любой опас-

ности, готовыми в любой момент броситься в схватку, но их было очень трудно подчинить строгой дисциплине. Будучи очень умелыми и отважными воинами, они не могли противостоять более организованной и отлаженной военной машине.

Эти кочевые племена некоторые ученые считали хунну, переселившимися на Тянь-Шань после военных поражений, понесенных от китайцев и сяньби в Центральной Азии⁴⁴. Другие исследователи связывали памятники кенкольской культуры с иранским «коренным скотоводческим населением» Средней Азии либо с пришлыми тохарами или сарматами⁴⁵.

Кенкольские комплексы насыщены разнообразными предметами вооружения дистанционного, ближнего боя и защиты⁴⁶. Кенкольские воины стреляли по врагам из сложносоставных луков. У них были разные типы луков. Все луки имели деревянную основу — кибишь, склеенную из нескольких частей, и костяные накладки, которые наклеивались на середину и концы кибиши. Концевые накладки были длинными, изогнутыми. На концах у них имелись арочные вырезы для крепления петель тетивы (рис. 21, 1). По оформлению концевых накладок кенкольские луки имели некоторые отличия от хуннских. Вырез для петли тетивы размещался на некотором расстоянии от окончания накладки, которое оставлялось прямоугольным или плавно

⁴⁴ Бернштам, 1951. С. 109—111.

⁴⁵ Сорокин, 1956. С. 107—109; Заднепровский, 1975. С. 161—162.

⁴⁶ Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 78—98.

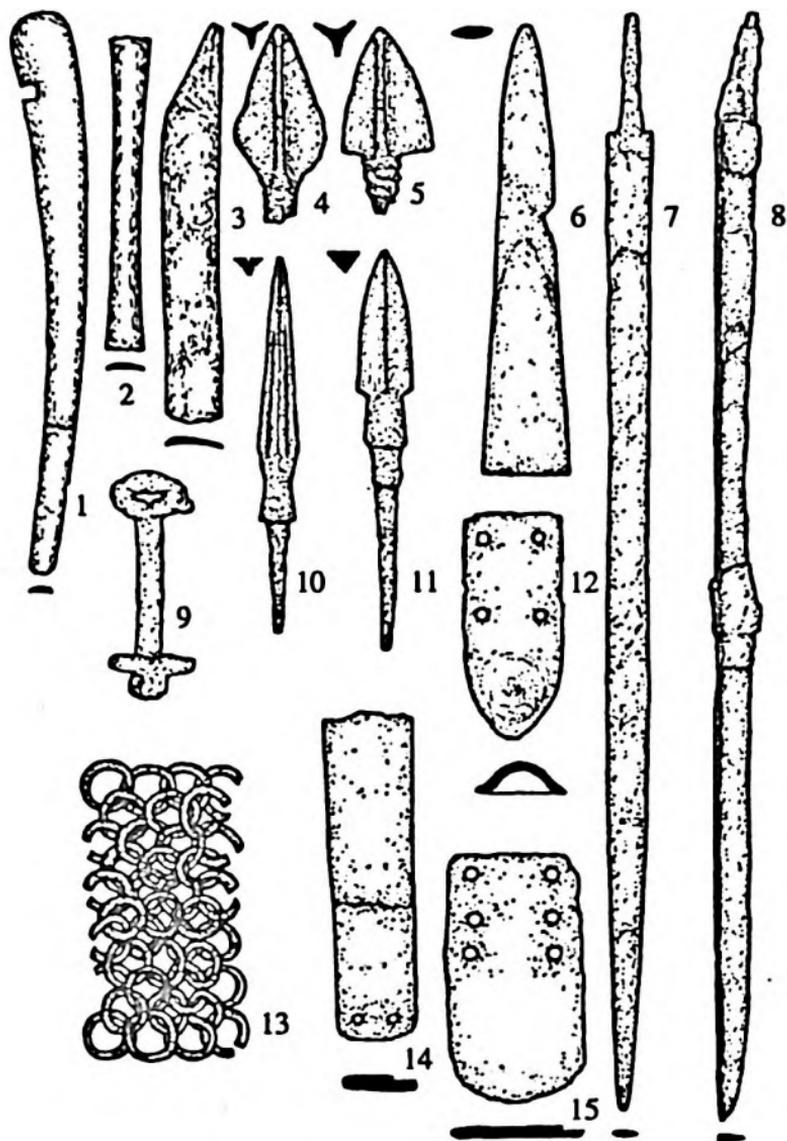

Рис. 21. Военное снаряжение племен кенкольской культуры:

1—3 — костяные накладки лука; 4—5, 10—11 — железные наконечники стрел; 6 — железный наконечник копья; 7 — длинный железный обоюдоострый меч; 8 — длинный железный палаш; 9 — железный колчанный крючок; 12, 14, 15 — железные панцирные пластины; 13 — фрагмент железной кольчуги

изгибалось к вырезу. Из-за этого концы лука выглядели массивными, как у кушанских и персидских луков. Срединные боковые накладки у кенкольских луков были длинными, широкими и массивными, со скошенными концами (рис. 21, 3). Срединная фронтальная накладка была длинной и узкой, без заметного расширения на концах (рис. 21, 2). По расчетам такие луки имели самую удачную конструкцию и размеры среди сложносоставных луков хуннского времени. Были у кенкольских номадов и упрощенные луки с концевыми и одной срединной фронтальной накладками.

Если по форме и конструкции, а также дальности луков кенкольские воины ничем не уступали хунну, сяньби и другим кочевым народам Центральной Азии, то по набору, типовому разнообразию и проникающим свойствам своих стрел они заметно превосходили всех своих современников в кочевом мире. Наиболее многочисленными были стрелы с трехлопастными железными наконечниками треугольной, ромбической и пятиугольной формы (рис. 21, 4, 5). Эти стрелы после выстрела вращались в полете, летели на большое расстояние и били точно в цель. Они применялись для поражения противника, не защищенного металлическим панцирем.

В отличие от всех своих современников в кочевом мире, кенкольские воины обладали большим набором бронебойных стрел, специально предназначенных для пробивания панцирной или кольчужной защиты. Среди бронебойных железных наконечников наиболее часто применялись стрелы с трехгранным острием и тремя лопастями треугольной, ромбической, пятиуголь-

ной и боеголовковой формы. Были и трехгранные с выемками-желобками на гранях пера наконечника (рис. 21, 10). Такие стрелы имели монолитное граненое перо с повышенной проникающей способностью и лопасти, которые вращали стрелу в полете, что позволяло ей лететь далеко и точно поражать цель. У центральноазиатских кочевников такие стрелы появились и получили широкое распространение лишь через несколько столетий, в самом конце периода раннего Средневековья они стали в большом количестве применяться кыргызскими воинами во время великой войны с уйгурами.

Другие типы кенкольских бронебойных стрел не были такими дальнобойными, поскольку не обладали способностью вращаться во время полета. Среди них были железные наконечники с трехгранным в сечении пером треугольной, ромбической, пятиугольной и боеголовковой формы (рис. 21, 11). Реже использовались четырехгранные стрелы ромбической и треугольной формы. Большинство бронебойных наконечников было ориентировано на то, чтобы пробивать железные панцирные пластины. Однако наконечники с очень узким вытянутым острием, как шило или игла, должны были раздвигать железные кольца кольчуги.

Костяные наконечники для стрел кенкольскими воинами также использовались, хотя и очень редко. Все они были однотипные, черешковые, с ромбическим в сечении пером, вытянутой пятиугольной формы. Набор стрел кенкольских воинов отличается значительным разнообразием форм и большим количеством бронебойных наконечников.

По своим основным параметрам он существенно отличен от хуннского, сяньбийского комплексов и стрел кочевников Южной Сибири хуннского, сяньбийского и жузханьского времени. Эти отличия наблюдаются как среди неброневойных железных и костяных стрел, так и среди броневойных наконечников. Они заключаются не только в принадлежности к разным культурным традициям, но и в функциональной направленности и в стадийном уровне развития. Кенкольский набор стрел, особенно комплекс броневойных наконечников, несравнимо более развит, чем у хунну и сяньби, не считая других кочевников центральноазиатских степей времен Маодуня и Таньшихуая. Подобного кенкольскому уровня развития броневойных стрел кочевники Центральной Азии смогли достичь лишь на исходе эпохи раннего Средневековья. Только в ходе ожесточенной войны с уйгурами у кыргызов, обладавших развитой оружейной ремесленной базой, возникла потребность и возможность производить в столь большом количестве стрелы для пробивания брони. В то же время кенкольский комплекс стрел не уникален. Он довольно сходен с согдийским набором стрел, существовавшим в эпоху раннего Средневековья.

Вполне возможно, это сходство объяснимо тем, что в Средней Азии уже со времени Кушанской империи были очень развиты и широко применялись защитные доспехи, для поражения которых требовались в большом количестве совершенные броневойные стрелы. Чтобы на равных воевать с кушанскими, кангуйскими или эфталитскими конными армиями, сформированными из тяжеловооруженных панцирных воинов, кенколь-

ским воинам требовались в большом количестве бронбойные стрелы, способные поразить врага и в панцирном и в кольчужном доспехе.

У кенкольских стрелков не было столь характерных для хунну и других центральноазиатских кочевников стрел-свистунок, снабженных под наконечниками полыми костяными шариками с отверстиями, способными издавать свист в полете. Зато у них встречались, хотя и очень редко, костяные ушки, надевавшиеся на противоположный от наконечника конец древка стрелы. Такие приспособления в древности широко использовались скифами, которые стреляли стрелами с тростниковыми древками, очень ровными, легкими и полыми внутри. Видимо, и кенкольские стрелки пользовались стрелами с тростниковыми древками.

Воины кенкольской культуры хранили и носили стрелы в колчанах или саадаках, сочетавших функции налучья и колчана. От них сохранились только железные крючки с овальной петлей и загнутым крюком с раздвоенным концом (рис. 21, 9). Такие колчаные крючки у кочевников Центральной Азии стали использоваться в жужаньский период, а на северных окраинах степного кочевого мира сохранились и в раннем Средневековье.

Обладая весьма совершенным и высокоэффективным оружием дистанционного боя, кенкольские воины заметно превосходили кочевников центральноазиатских степей по набору оружия ближнего и рукопашного боя и средствам защиты.

Для поражения противника в ближнем бою они имели на вооружении копья с железными втульчаты-

ми наконечниками, у которых было треугольное, линзовидное в сечении, обоюдоострое перо (рис. 21, 6). Таким ударным копьем кенкольский всадник мог пробить вражескую защиту и нанести противнику болезненную кровоточащую рану и вывести его из строя.

Главным оружием рукопашного боя у кенкольских всадников были мечи и палаши. Меч или палаш был символом настоящего храброго и умелого воина-кочевника. У кенкольских мечей были очень длинные прямые обоюдоострые клинки. Они не имели перекрестья и навершия на прямой рукояти (рис. 21, 7). Палаши кенкольских воинов имели прямые однолезвийные клинки. На рукояти не было перекрестья и навершия. У некоторых палашей рукоять имела небольшой наклон в сторону лезвия (рис. 21, 8). Такими мечами и палашами можно было фехтовать, наносить и отражать рубящие удары, поражать врага колющими ударами, сидя верхом на боевом коне, в рукопашной сече. Наклон рукояти у некоторых кенкольских палашей свидетельствует о появлении клинков, способных наносить рубяще-режущие удары, характерные для сабель. Видимо, кенкольские мастера-оружейники стремились усовершенствовать палаши, учитывая богатый воинский опыт своих соплеменников, и самостоятельно вплотную приблизились к изобретению сабли.

На датируемых где-то в пределах первой половины I тысячелетия нашей эры прекрасных гравированных рисунках на костяных пластинах из Орлатского могильника, расположенного недалеко от Самарканда, изображены конные воины в доспехах, происходящие из кочевой среды, близкой, по-видимому, к

кенкольской этнокультурной общности (рис. 22—24)⁴⁷. Они наносят друг другу удары копьями и мечами. Мечи имеют длинные двулезвийные клинки, а также длинные, вероятно двуручные, рукояти, прямые ладьевидные перекрестья и навершия с шайбой. Воины наносят ими рубящий удар по голове и колющий удар в грудь противника. Один из бойцов колющим ударом пронзил насквозь противника, защищенного панцирем. Такой удар демонстрирует большую поражающую способность всаднического меча или палаша в руках умелого воина-фехтовальщика.

Кенкольские воины имели при себе и кинжалы с длинным прямым двулезвийным клинком, которые могли использоваться в рукопашном бою. Воины кенкольской культуры имели разнообразные и весьма совершенные для своего времени защитные средства. Они защищали тело панцирями из железных пластин разных типов. Один из типов кенкольских панцирей имел оплечья из широких пластин со сферическими выступами, короткие рукава из прямоугольных пластин с округлым нижним краем, жилет из прямоугольных пластин со сферическим выступом, подол из широких вертикальных пластин и наручи из горизонтальных пластин (рис. 21, 12, 14, 15). Особенно надежной защитой служил жилет или нагрудник. При соединении пластин чешуйчатым способом вся поверхность панциря состояла из сферических выступов,

⁴⁷ Никоноров, Худяков, 1999. С. 141—154. См. также: Маслов, 1999. С. 219—236; Plyasov, Rusanov, 1998. P. 107—159.

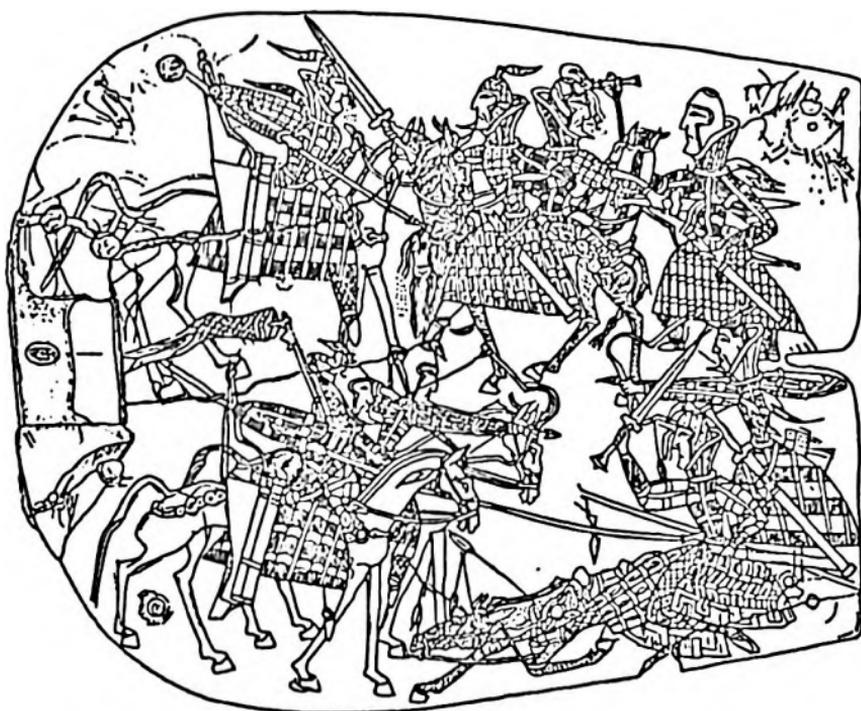

Рис. 22. Большая костяная пластина из кургана № 2 Орлатского могильника в Самаркандской области с гравированным изображением сцены боя

способных ослабить действие удара меча или палаша. К другому типу относились панцири с оплечьями, жилетом и подолом, составленные из горизонтальных пластин. Важным видом защиты были кольчужные доспехи. Кольчуги составлялись из склепанных и продетых друг в друга железных колец, по принципу четыре кольца в одно (рис. 21, 13). Изготовленная таким образом кольчуга плотно и равномерно облегла плечи, корпус, бедра, не стесняла движений воина и служила надежной защитой.

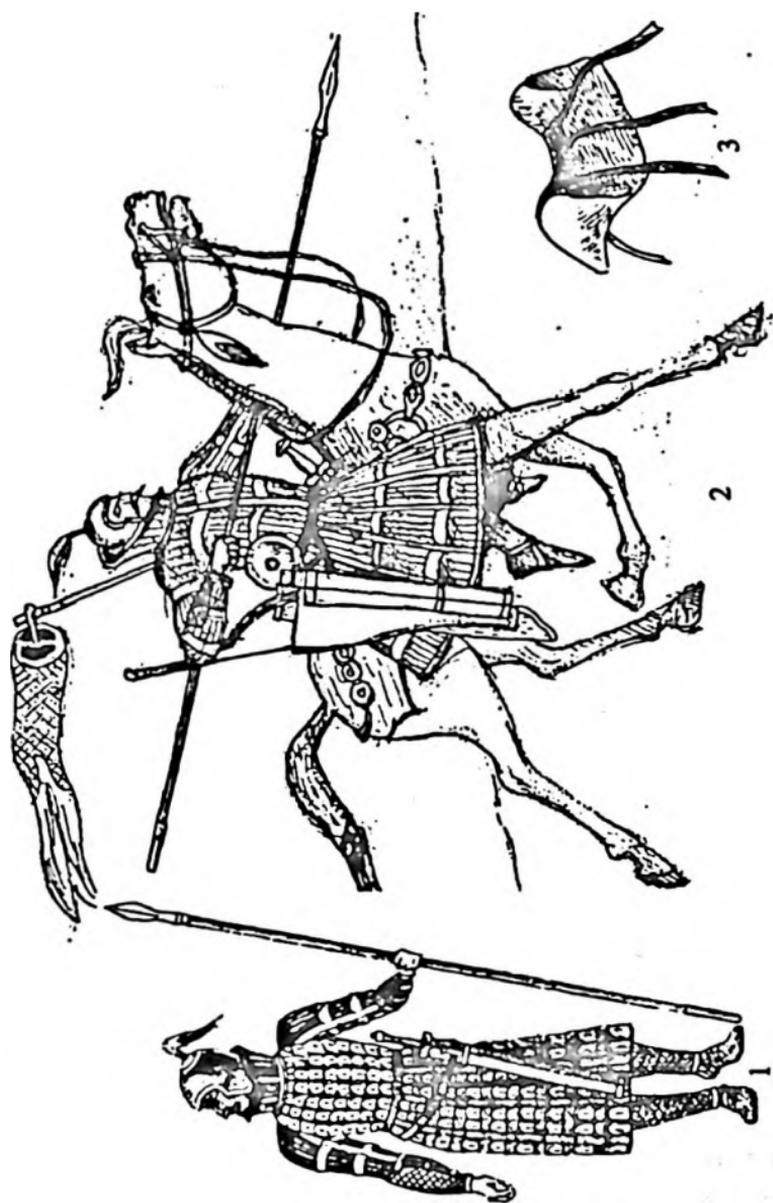

Рис. 23. Реконструкция облика воинов (1, 2) и жесткого седла (3), показанных на большой пластине из Орлатского могильника (см. рис. 22)

Рис. 24. Малая костяная пластина из кургана № 2 Орлатского могильника с изображением сцены поединка: 1 — прорисовка изображения; 2 — реконструкция облика воинов

Кенкольские воины пользовались для защиты и отражения ударов округлыми деревянными щитами, обтянутыми кожей и укрепленными железными умбонами и кантами. Судя по рисункам на уже упоминавшихся выше костяных пластинах из Орлатского

могильника в Самаркандском Согде, для защиты головы и шеи витязи из среды центральноазиатских кочевых народов той поры применяли шлемы со сферическим куполом и наушами, высокие жесткие воротники, а также защитные покрытия на руках и на ногах (рис. 22—24).

Воины кенкольской культуры были тяжеловооруженными панцирными всадниками, оснащенными самым грозным, высокоэффективным наступательным и защитным оружием. Они имели на вооружении дальнобойные луки с небронебойными и бронебойными стрелами, ударные пики, длинные мечи и палаши, надежные панцири, кольчуги, щиты и другие виды защиты (рис. 25). Военные отряды кенкольских воинов могли вполне успешно действовать на полях сражений и в дистанционном, и в ближнем, и в рукопашном бою. Они могли поражать и легковооруженных и защищенных доспехом врагов.

Войско кенкольцев по уровню вооруженности и оснащенности, несомненно, превосходило армии всех кочевых народов и государств своего времени. Особенности их военного дела сформировались в постоянных военных столкновениях с армиями оседло-земледельческих государств Средней Азии, в составе которых преобладали отряды тяжеловооруженной конницы и пехоты. Кенкольская таранная атака «ударной панцирной конницы, вооруженной длинным мечом и тяжелым копьём», была направлена не против степных кочевников, она была ориентирована на войска оседлых соседей⁴⁸.

⁴⁸ Рерих, 1930. С. 22.

Рис. 25. Реконструкция облика кенкольского воина

Когда на рубеже эпохи раннего Средневековья на земли кенкольских номадов неожиданно обрушилась новая, пришедшая из степей Центральной Азии волна

кочевников, возглавляемая древними тюрками под знаменами правящего рода Ашина, они оказались совершенно не готовы противостоять не столь хорошо вооруженным и оснащенным, но лучше организованным и верящим в свою непобедимость тюркам. Носители кенкольской культуры, населявшие горы и долины Тянь-Шаня в течение пяти столетий, были вынуждены уйти с исторической арены и уступить свое место победителям.

ГЛАВА 9

КРУШЕНИЕ ХУННСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. ПОДЧИНЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ НОМАДОВ ВОЕННОЙ МОЩИ СЯНЬБИ. ИСХОД ОРДЫ СЕВЕРНЫХ ХУННУ НА ЗАПАД

В конце I в. н. э. орда северных хунну была ослаблена постоянными нападениями со стороны врагов, переходом большого числа старейшин со своими приближенными в подданство империи Хань и откочевкой части хунну в «отдаленные земли». Объединение северных хунну уже не представляло какой-либо опасности ни для китайцев, ни для других кочевых орд. Однако враги не успокаивались, они стремились полностью уничтожить остатки хуннской государственности, «вырвать с корнем», «не оставлять тлеющего пепла», чтобы навсегда исключить самую возможность возрождения Хуннской державы.

Инициативу по истреблению своих соплеменников взяли на себя вожди южных хунну. Возможно, что

они хотели таким образом уничтожить только ставку шаньюев северных хунну, а кочевое население подчинить своей власти, но способствовали окончательному крушению хуннской государственности. В 88 г. н. э. по инициативе вождя южных хунну противники нанесли страшное поражение своим ослабленным и деморализованным соплеменникам. После этого разгрома «северный шаньюй, получив урок от войск южных сюнну и опасаясь динлинов и сяньби, бежал далеко» и остановился к западу от реки Аньхоуэ. Однако и эти отдаленные места не спасли северных хунну от вражеских нападений. В последующие три года северные хунну потерпели еще несколько тяжелых поражений, возглавлявший их шаньюй «бежал неизвестно куда». Против северных хунну совершали походы китайские войска. В 93 г. н. э. войско северных хунну было разгромлено и уничтожено, а правивший ими шаньюй был взят в плен и казнен китайцами. Государство северных хунну фактически развалилось. В 107 г. н. э. часть северных хуннских племен откочевала на запад, в Западный край. Однако на территории Центральной Азии все еще оставалось многочисленное хуннское кочевое население. Чтобы избежать гибели, значительная часть северных хунну предпочла присоединиться к набирающему силу объединению сяньби. «Оставшиеся роды хунну, простиравшиеся до 100 тысяч кибиток, сами приняли народное название сяньби». Они вошли в состав народа сяньби, значительно увеличив их численность и военные силы. С этого времени начинается усиление военной мощи и влияния сяньби среди кочевых племен Центральной Азии. Последний

шаньюй северных хунну и остатки его государства прекратили существование в 118 г. н. э. С этого времени орда северных хунну окончательно прекратила свое самостоятельное существование. Все кочевники подчинились сяньби. Южные хунну, которые приложили столько усилий для уничтожения государства своих северных соплеменников ради их подчинения, не смогли воспользоваться плодами их поражения, но сами стали объектом нападения со стороны сяньби. Войска последних разгромили орду вождя южных хунну Пэнхоу, а «его народ рассеялся и перешел на сторону северных варваров». После искоренения остатков государственности северных хунну сяньби усилили натиск на южных хунну. Значительная часть кочевников, тяготевшихся вассальной зависимостью от китайцев, бежала на север, в вольные степи, и вошла в состав сяньби и ухуаней. Такова оказалась горькая цена междоусобиц, внутренней вражды и кровавых войн, которые вели между собой разные группы хуннской знати, относившиеся к аристократическим родам, расколовшие свой народ и государство на две орды, истребившие друг друга в течение нескольких десятилетий. Остатки государственности южных хунну просуществовали до начала III в. н. э. Южные хунну, жившие вдоль северной границы Китая, испытали большое влияние со стороны китайцев. После развала империи Хань они создали несколько небольших государств на территории Северного Китая.

А на развалинах Хуннского государства в Центральной Азии возникла в середине II в. н. э. могущественная Сяньбийская военная держава. Сяньбийские

кочевые племена были объединены железной рукой выдающегося военного вождя Таньшихуая. «Все старейшины на востоке и западе поддались ему». Поэтому, опираясь на свою военную силу, он «на юге грабил пограничные места. На севере остановил динлинов, на востоке отразил фуюй, на западе поразил усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою хунну». Под властью нового непобедимого владыки оказались все кочевые племена Центральной Азии. Среди них были и хунну, принявшие «народное название сяньби»⁴⁹. Таньшихуая избрали «великим правителем». Его владения простирались от Маньчжурии до Тянь-Шаня. Все подвластное население он по примеру хуннских шаньюев разделил на три аймака.

Военная мощь сяньби была основана на самом совершенном для того времени вооружении и организации войска⁵⁰. Сяньбийские воины поражали цели на дистанции полета стрелы из дальнобойных сложносоставных луков. Сяньбийские луки конструктивно почти не отличались от хуннских. У них были три зоны жесткости, усиленные костяными накладками (рис. 26, 1—5). Середина и концы кибити имели по две пары боковых накладок. На среднюю часть лука наклеивалась и узкая фронтальная накладка. У некоторых луков помимо этих имелись и плечевые накладки. Они служили для усиления упругости и рефлекторной силы плеч. Некоторые луки не имели накладок (рис. 26, 27). Сяньбийские луки, по длине и размаху плеч более ко-

⁴⁹ Бичурин, 1950. С. 150—151.

⁵⁰ Худяков, Юй Су-Хуа, 2000. С. 38—41.

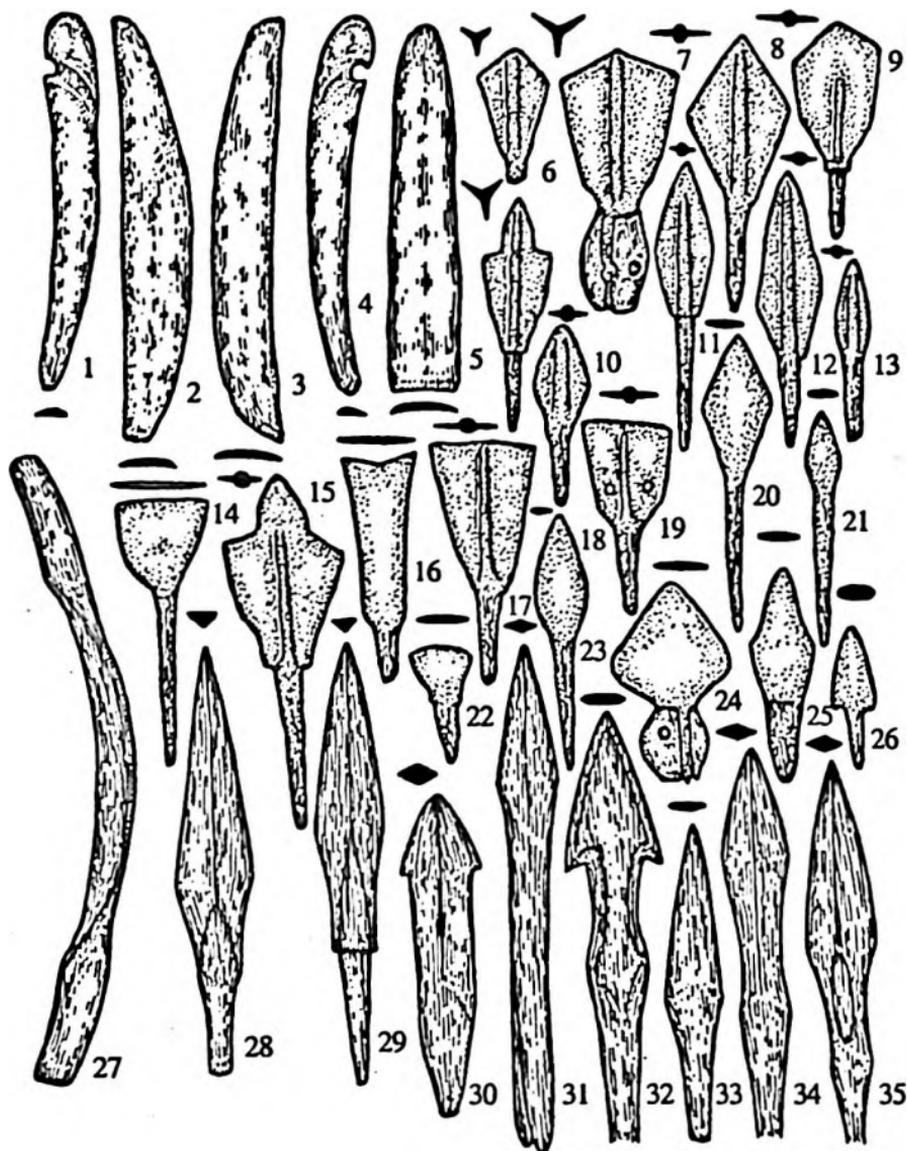

Рис. 26. Оружие дистанционного боя бойцов народа сяньби:

1—5 — костяные накладки луков; 6—26 — железные наконечники стрел; 27 — деревянное плечо лука, не имеющее костяных накладок; 28—35 — костяные наконечники стрел

роткие в сравнении с хуннскими, были более удобными для скорострельной стрельбы на короткие дистанции.

Набор сяньбийских стрел при совпадении некоторых форм наконечников с хуннскими имел довольно значительные отличия. Среди железных стрел сяньби использовали трехлопастные ярусные и асимметрично-ромбические, похожие на хуннские. Однако большая часть стрел у сяньби были двухлопастными и плоскими ромбической и ярусной формы. У них применялись наконечники с тупым, вогнутым или округлым острием, необычные для других кочевников Центральной Азии (рис. 26, 6—26). Некоторые трехлопастные и плоские стрелы имели костяные свистунки.

Эти отличия были связаны с традициями иранских, тюркских и монгольских народов. Для монгольских кочевников, в том числе сяньби, шивэйцев, киданей и монголов, было характерно широкое использование плоских стрел. Такие стрелы преодолевали не столь большие расстояния и попадали не столь точно, как трехлопастные, но зато летели со значительно большей скоростью, что давало преимущество при стрельбе на близкой дистанции. Сяньбийские воины должны были стремиться сократить расстояние для успешной стрельбы по противнику и сами становились удобной мишенью. Чтобы защитить себя от вражеских стрел, они должны были иметь надежные средства защиты. Костяные наконечники у сяньби были трехгранного, ромбического и плоского сечения, ромбических и треугольных очертаний, с черешковым насадом (рис. 26, 28—30, 32—35). Очень редко сяньбийские стрелки пользовались наконечниками с раздвоенным насадом, обычными для

хунну (рис. 26, 31). Несмотря на значительные отличия в наборах стрел между сяньби и хунну, в ходе постоянных военных столкновений они перенимали друг у друга некоторые проверенные на практике и доступные формы стрел.

Оружие ближнего и рукопашного боя у сяньбийских воинов было довольно разнообразным и эффективным. Грозным оружием всадников в ближнем и рукопашном бою были мечи с длинным прямым двулезвийным клинком, ладьевидным или коническим перекрестьем и длинной рукоятью с навершием из нескольких шайб (рис. 27, 1, 2). Эти мечи были предназначены для нанесения рубящих и колющих ударов с коня. Для этого применялись и однолезвийные палаши с прямым клинком, без перекрестья и с кольцевым навершием (рис. 27, 5). Были у сяньби и короткие мечи, палаши и кинжалы (рис. 27, 3, 4, 11—13). Они использовались для нанесения колющих ударов в спешном положении.

Основным оружием таранной атаки в ближнем бою у сяньбийских воинов были копья с железными наконечниками. Среди них имелись копья с узким ромбическим или линзовидным пером (рис. 27, 6—8). Удары таких копий были рассчитаны на пробивание брони, вражеских железных панцирей. Другие копья имели плоское широкое перо (рис. 27, 14, 15). Таким копьём можно было нанести широкую рваную кровоточащую рану, чтобы вывести из строя противника или его боевого коня.

Располагающим таким мощным и эффективным оружием атаки в ближнем и рукопашном бою сяньби

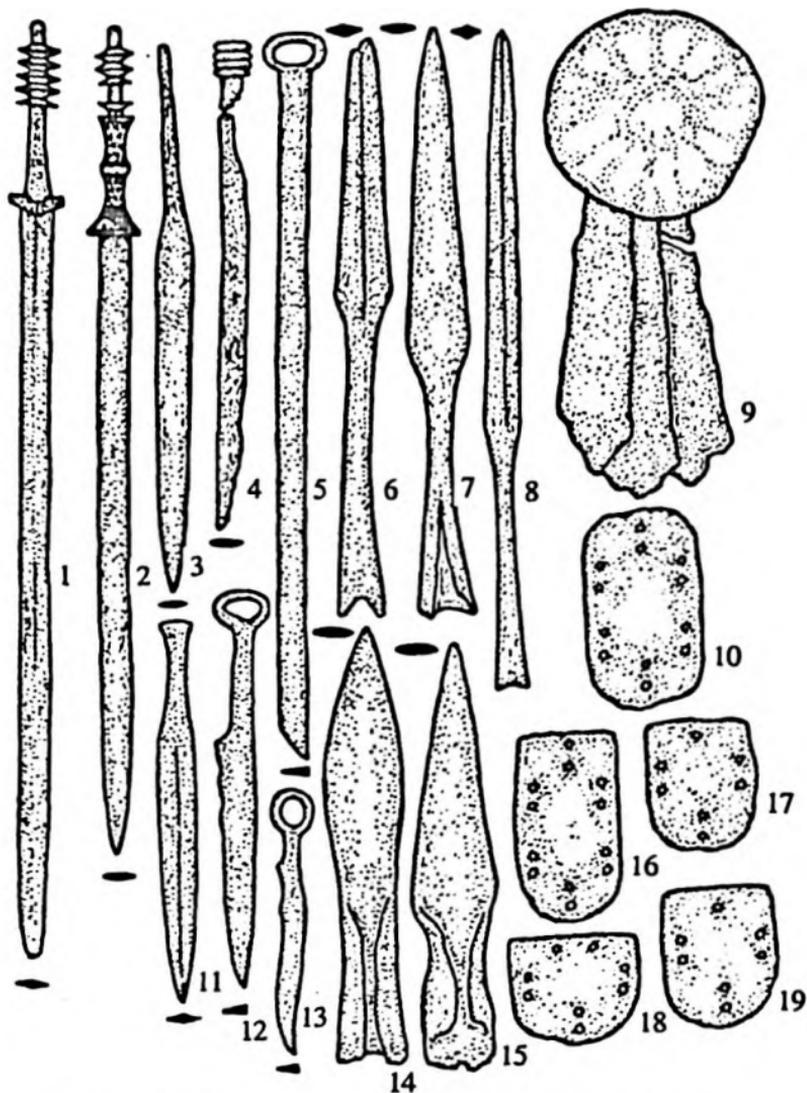

Рис. 27. Оружие ближнего боя сяньбийцев:

1, 2 — длинные двулезвийные железные мечи; 3, 4 — короткие двулезвийные мечи; 5, 12 — соответственно, длинный и короткий железные палаши; 6—8, 14, 15 — железные наконечники копий; 9 — железный шлем; 10, 16—19 — железные панцирные пластины; 11 — железный обоюдоострый кинжал; 13 — однолезвийный железный нож

были необходимы надежные средства защиты. Сяньбийские воины защищали наиболее уязвимые в бою участки тела чешуйчатым панцирем из железных пластинок, соединенных между собой ремешками, продеваемыми в отверстия, по принципу чешуи. Такой панцирь-жилет надежно защищал грудь, живот, плечи и спину. Его надевали через голову и застегивали на левом боку с помощью завязок (рис. 27, 10, 16—19). Голову сяньбийского панцирного всадника защищал сферический шлем с куполом из длинных узких пластин, с навершием и чешуйчатой бармицей (рис. 27, 9).

Сяньбийские тяжеловооруженные всадники имели эффективное оружие поражения противника в дистанционном, ближнем и рукопашном бою, надежные средства защиты для самих себя и своих боевых коней. Лошадей накрывали защитной войлочной или кожаной попоной. На голову коня крепился металлический налобник (рис. 28).

Сяньбийская панцирная кавалерия могла эффективно атаковать противника в плотно сомкнутом строю с копьями наперевес. В сяньбийскую эпоху подобную таранную атаку не могла выдержать ни одна конная армия кочевых племен в Центральной Азии, в том числе хуннская. Сяньбийские военачальники, обладая таким преимуществом над своими противниками в ближнем рукопашном бою, должны были стремиться к тому, чтобы максимально сократить перестрелки на дистанции полета стрел и навязать врагу ближний бой.

Появление панцирной кавалерии способствовало развитию конского убранства. Панцирные всадники, атакующие с копьем в обеих руках, нуждались в прочной

Рис. 28. Реконструкция облика сяньбийского воина

посадке на лошади. Тяжеловооруженному воину в доспехе нелегко было запрыгивать с земли на спину лошади. Для этого стали делать седла с жестким остовом и петлю или подножку, на которую можно было опереться ногой при посадке верхом.

Наличие высокоэффективного оружия ближнего и рукопашного боя у сяньби давало им определенные преимущества в сражениях с легковооруженной хуннской конницей. Деморализованные частыми военными неудачами в течение последних десятилетий существования государств северных и южных хунну, кочевники не выдерживали организованных таранных атак сяньбийских войск и бежали с поля боя. Чтобы существовать, кочевое государство должно побеждать, иначе оно неминуемо погибнет и навсегда уйдет с исторической арены. В кочевом мире победу одерживает тот, кто сильнее на поле боя или организованнее, кто может противопоставить более сильному врагу мощный оборонительный союз. За победителем идут не только соплеменники, но и недавние враги, поверившие в его непобедимость и предпочитающие быть рядом с сильнейшим и могущественнейшим властителем, а не погибнуть или уйти со своей земли.

Не сумевшие сохранить свое единство и силу, хунну либо подчинились сяньби и китайцам, либо ушли на запад. Запад манил свободолюбивых кочевников не только своей неизвестностью. Это была открытая степь, до которой не могли дотянуться ни сяньби, родные кочевья которых были на восточных окраинах степей Центральной Азии, ни тем более китайцы, пытавшиеся сохранить под своим контролем торговые пути и

опорные пункты вдоль Восточного Тянь-Шаня. Западный маршрут для бежавших хунну был облегчен тем, что кочевые сарматские и другие иранские племена в этот период были втянуты в «переселение народов» и завоевание оседло-земледельческих стран Средней Азии и Европы. Степи в значительной степени обезлюдели и могли вместить хуннских беглецов, ушедших от истребления и потерявших свой основной источник существования — домашний скот.

Переселение хунну на запад, «в отдаленные земли» и «неизвестно куда», происходило не единовременно и по хорошо известному пути через Восточный Туркестан. Известны, по крайней мере, три миграции хуннских кочевников в конце I—начале II в. н. э. на запад от ставки шаньюев северных хунну. В 85 г. н. э. после кровопролитной войны с динлинями, сяньби и «владениями» Западного края северные хунну, потерпев поражение, «далеко уклонились» и ушли «в отдаленные земли». В последующие несколько лет северные хунну снова потерпели два крупных поражения, шаньюй бежал «далеко», а затем «неизвестно куда». В дальнейшем он возвратился, погиб, а войско было уничтожено. В 93 г. н. э. северный шаньюй бежал, и его земли заняли сяньби. В 107 г. н. э. оставшаяся часть северных хунну переселилась в Западный край, а оттуда еще дальше на запад⁵¹.

Видимо, решающими для ухода хунну на запад были события конца I—начала II в. н. э., после которых бежавшим хунну уже некуда было возвращаться,

⁵¹ Воробьев, 1994. С. 191.

а их земли в Центральной Азии заняли сяньби. Серьезную угрозу для хуннских беглецов представляли усунь, в течение длительного времени враждовавшие с хунну. Видимо, северные хунну должны были обойти усуньские земли с севера. Относительно безопасными для них могли быть степи Казахстана и Южного Урала, где они были недосыгаемы для своих злейших врагов. Через два столетия стремительные и беспощадные кочевники гунны обрушились на степи Восточной Европы и как ураган пронеслись по этому континенту, сметая все на своем пути. Но речь об этом грозном и воинственном кочевом народе, внушавшем панический ужас всем врагам и своим неистовством и жестокостью оставившем глубокую рану в исторической памяти европейских народов, пойдет уже во второй части этой книги.

Приложение 1

Хронология важнейших военно-политических событий истории хунну (сюнну)

Дата	Событие
318 г. до н. э.	Хунну в союзе с китайскими княжествами нападают на царство Цинь
Середина III в. до н. э.	Полководец царства Чжао Ли Му наносит тяжелое поражение хунну и другим кочевым племенам, совершавшим набеги на китайские владения
214 г. до н. э.	Война империи Цинь с хунну. Поражение хуннского шаньюя Туманя и завоевание китайцами Ордоса

Дата	Событие
209 г. до н. э.	Захват власти в хуннской орде шаньюем Маодунем. Создание военно-административной системы деления войска и народа в Хуннской державе
209—201 гг. до н. э.	Войны хуннского шаньюя Маодуня против кочевых племен Центральной Азии. Разгром и уничтожение дунху. Поражение и бегство юэчжей. Подчинение лоуфаней, байанов, хуньюй, цюйше, динлинов, гэгуней, цайли
204 г. до н. э.	Хунну отвоевают у китайцев Ордос
201 г. до н. э.	Поход войска шаньюя Маодуня на империю Хань. Окружение армии императора Гао-ди. Перемирие хунну и китайцев
198 г. до н. э.	Заключение договора о мире и родстве между Хуннской державой и империей Хань. Женитьба Маодуня на китайской принцессе
192 г. до н. э.	Сватовство шаньюя Маодуня к ханьской императрице Гао-хэу
177 г. до н. э.	Поход западнохуннского Чжуки-князя на пограничные районы Китая и их разорение. Его успешные кампании на западе против юэчжей, усуней, лоуланей, хусе и других племен Западного края

Дата	Событие
174 г. до н. э.	Воцарение на хуннском престоле Лаошан-шаньюя
166 г. до н. э.	Поход хунну на Китай, захват ими добычи и возвращение в степь. Лаошан-шаньюй громит юэчжей. Орда больших юэчжей мигрировала на запад, в Среднюю Азию. Орда малых юэчжей покоряется хунну
138 г. до н. э.	Император У-ди направляет посольство во главе с Чжан Цянем к юэчжам. Посол попадает в плен к хунну, проводит у них 10 лет, посещает юэчжей и усуней и возвращается в Китай
129 г. до н. э.	Начало войны императора У-ди против хунну
121—119 гг. до н. э.	Успешные кампании ханьских войск во главе с полководцами Вэй Цинном и Хо Цюй-бином против хунну. Поражение хунну у горы Яньчжишань. Захват китайцами «золотого истукана», которому поклонялись хунну
104, 102 гг. до н. э.	Походы китайской армии во главе с Ли Гуанли на Давань (Фергану)
99 г. до н. э.	Поражение армии Ли Гуанли от хунну у восточных отрогов Тянь-Шаня. Пленение ханьского полководца Ли Лина и его переход на службу к хунну

Дата	Событие
97 г. до н. э.	Неудачный поход Ли Гуанли из Ордоса против хуннских кочевий на севере
90 г. до н. э.	Новый поход Ли Гуанли из Ордоса против хунну. Разгром китайских войск у горы Яньжань, пленение и казнь их полководца
72 г. до н. э.	Нападение ухуаней, усуней и динлинов на земли хунну. Поражение и огромные потери хунну
61 г. до н. э.	Успешный набег динлинов на хунну
57—46 г. до н. э.	Междоусобная война в Хуннской державе; раскол державы на две части — во главе с шаньюями Чжичжи и Хуханье. Хуханье становится вассалом империи Хань. Уход Чжичжи в восточную часть Средней Азии, его походы против усуней, динлинов, уцзе, цзянгуней и установление союзных отношений с государством Кангюй (на Средней Сырдарье)
36 г. до н. э.	Разгром войска Чжичжи и гибель самого шаньюя в результате нападения китайских войск на его укрепленную резиденцию в Таласской долине
48 г. н. э.	Хуннская орда распалась на северную и южную части. Шаньюй южных хунну Би признает себя вассалом империи Хань

Дата	Событие
85 г. н. э.	Поражение северных хунну в войне с динлинами, сяньби, южными хунну и владениями Западного края
86 г. н. э.	Набег южных хунну на своих северных собратьев
87 г. н. э.	Победа сяньби над северными хунну
89, 90 гг. н. э.	Китайцы в союзе с южными хунну громят северных хунну
93—94 гг. н. э.	Северные хунну разбиты сяньби, которые занимают их земли
151—155 гг. н. э.	Сяньби вытесняют хунну из Джунгарии
Конец I—первая половина II в. н. э.	Уход части уцелевших хуннских племен в западном направлении, в сторону Восточного Казахстана и Семиречья

ЧАСТЬ II

«МАРСОВ МЕЧ» АТИЛЫ: ВОЕННОЕ ДЕЛО ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ

ГУННЫ НА ЗАПАДЕ

А. ГУННЫ СКАЧУТ ПО ЕВРОПЕ

В начале 370-х гг. н. э. из-за Волги в степные пространства Юго-Восточной Европы вторглись кочевники, именуемые в позднеантичной традиции гуннами. Их нашествие дало мощный толчок передвижению племен в западной части евразийского пояса степей, получившему название «Великое переселение народов» (рис. 29). Надо сказать, что при рассмотрении гуннской истории и культуры перед учеными обязательно встает сложный вопрос о происхождении европейских гуннов и их связи с центральноазиатскими хунну (сюнну). По этому поводу еще с XVIII в. не утихает оживленная дискуссия, участники которой зачастую приходят к противоположным результатам. Автору этих строк наиболее убедительной представляется концепция И. П. Засецкой, которая на основе многолетнего изучения данного вопроса пришла к выводу о несомненной этнокультурной связи между гуннами — народом, несомненно, восточного, и более того, монго-

лоидного происхождения, с одной стороны, и хунну — северными соседями Китая, с другой. По ее мнению, об этом наглядно свидетельствуют такие категории материальной культуры европейских гуннов, как: 1) новые типы наконечников стрел, не имеющие аналогов в оружии предшествующей, сармато-аланской культуры Северного Причерноморья, но явно восходящие к хуннским и среднеазиатским древностям первых веков нашей эры; 2) знаменитые бронзовые котлы так называемого «хунно-гуннского» типа, имеющие центральноазиатское происхождение и распространившиеся в период гуннской миграции II—IV вв. от Северного Китая до Юго-Восточной Европы; 3) украшения специфического полихромного стиля. Гунны также принесли с собой из Центральной Азии совершенно новые погребальные обряды. Наконец, описания внешности гуннов у древних европейских авторов не оставляют сомнения в том, что эти пришельцы принадлежали к монголоидной расе⁵².

Генетическая связь между гуннами Юго-Восточной Европы и хунну Центральной Азии очень хорошо прослеживается и в сфере военного дела. Как было показано в первой части этой книги, войско хунну состояло из отрядов конницы, вооруженных мощными сложносоставными луками и атаковавших в рассып-

⁵² Засецкая, 1994. С. 151—156; 2002. С. 148—152. В число центральноазиатских элементов культуры европейских гуннов следует добавить некоторые детали их погребальной практики, а также особенности их военного искусства [Bäum], Witbaum, 1993. P. 6—7].

ном строю. Их тактика была основана на повышенной дальнобойности луков, которая позволяла им не ввязываться в ближний бой, а эффективно вести обстрел противника со значительного расстояния, т. е. биться с наименьшими для себя потерями. В ходе сражения хунну также применяли различные маневры и хитрости. Их стратегия базировалась на внезапности нападения и стремительном и глубоком проникновении в тыл противника. Ниже мы увидим, что все основные компоненты военной практики европейских гуннов, особенно в ранний период их пребывания в Юго-Восточной Европе, были практически идентичны хуннским.

Надо полагать, что во главе движения гуннов из Центральной Азии в Восточную Европу находилась та часть племен хунну, которая после тяжелых поражений в I—II вв. н. э. от китайцев и сяньби ушла на запад (см. главу 9). Вовлекая в состав своей орды попадавшие им на пути народы Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана, в том числе иранского и финно-угорского происхождения, эти хунну, сохранив свой оригинальный этноним, с течением длительного времени сильно видоизменили свою культуру и в какой-то мере даже смешались с иноплеменниками. В конце концов, спустя много времени (более 200 лет!) после исхода из прежних мест обитания, возглавляемое ими разношерстное объединение кочевых племен, ставшее известным позднеантичным писателям⁵³ под общим наиме-

⁵³ Характеристику данных основных греко-латинских источников по военному делу гуннов см.: Никоноров, 2002. С. 228—232.

нованием гуннов, достигло степей Северного Причерноморья (около 370 г. н. э.). Аммиан Марцеллин, знаменитый римский историк и современник появления гуннов в Европе, описывает их следующим образом:

Племя гуннов, о котором мало известно в древних памятниках, обитая за Меотийскими болотами (Азовским морем) у Ледовитого океана, превосходит своей дикостью всякую меру. При самом рождении на щеках у младенца делаются глубокие надрезы острым железом, чтобы задержать тем самым своевременное появление волос на образовавшихся рубцах, так что они старятся безбородыми и лишенными красоты, подобно скопцам. Члены тела у них плотные и крепкие, шеи толстые, и они вообще столь страшны, что их можно принять за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при сооружении мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут под свои бедра на спины коней и дают ему недолго попреть. Они никогда не укрываются ни в каких строениях, избегая их как гробницы, удаленные от обычного людского обихода. У них нельзя даже найти покрытого камышом шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине они входят под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя под ней в безопасности. Они одеваются в одежды льняные или сшитые из шкур лесных мышей; нет у них различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника грязного цвета снимается или заменяется не раньше, чем от долгого

гниения она распадется на лохмотья. Головы они прикрывают изогнутыми меховыми шапками, а свои волосатые ноги — козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни по какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения, но зато они словно приросли к своим выносливым, но уродливым на вид лошадям, и подчас, сидя на них по-женски, занимаются своими обычными делами; на них же каждый из этого племени проводит день и ночь, покупает и продает, ест и пьет и, склонившись на крутую шею коня, засыпает так крепко, что видит разнообразные сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то они делают это в том же обычном положении. Они не подчинены строгой царской власти, а довольствуются случайным предводительством старейшин и сокрушают все, что попадает на пути... Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суевию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от

своих союзников. Без всякого подстрекательства, и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

(Амм. Марс. XXXI, 2, 1—7; 10—11)⁵⁴

А историк VI в. н. э. Иордан в своем труде по истории готов говорит о гуннах, что это племя «самое страшное из всех своей дикостью», «свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи... Этот свирепый род... расселившись на дальнем берегу Меотийского озера (Азовского моря), не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами». Далее, описывая первые гуннские завоевания в Скифии (Северном Причерноморье), Иордан высказывает предположение, что гунны одерживали верх над своими противниками «не столько войной, сколько внушением величайшего ужаса своим страшным видом: они обращали тех в бегство, потому что их собственный образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, с позволения сказать, на безобразный комок с отверстиями вместо глаз. Их свирепая наружность выдает твердость духа — они даже

⁵⁴ Переводы из трудов греческих и латинских авторов в основном сделаны автором части II, за исключением некоторых цитат из «Getica» Иордана (данных в переводе Е. Ч. Скржинской) и из «Истории» Аммиана Марцеллина (в переводе Ю. Кулаковского и А. Сонни).

над своим потомством зверствуют с первого дня рождения. Ведь детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы они испытали боль раны еще до кормления их материнским молоком. Поэтому они стареют безбородыми и некрасивы в юности, так как лицо, расцарапанное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами. При невысоком же росте они быстры проворностью своих движений и очень сильны в верховой езде; широкие в плечах, они хорошо обучены и лукам и стрелам, а благодаря крепкой шее всегда горделиво выпрямлены. И все же под обличьем людей они живут в звериной дикости» (*Iord. Get.* 121—128). Таким образом, Аммиан Марцеллин и Иордан говорят о гуннах как о варварах, находящихся на очень низкой ступени развития. Несомненно, многое в процитированных сведениях соответствовало действительности, к тому же трудно представить, чтобы свирепая, сметающая все на своем пути гуннская орда могла произвести иное впечатление на римлян. В то же время следует согласиться со следующим замечанием С. Г. Кляшторного:

В своем ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин допустил ряд преувеличений, наделив гуннов традиционными чертами самых диких северных племен. Гунны имели достаточно развитую материальную культуру и такие навыки военного дела, вплоть до стенобитной техники, которые позволяли им сокращать хорошо вооруженных противников, брать их укрепления и города. Но несомненно, что пришедшие в Европу племена утратили многое из достижений экономического, социального и культурного разви-

тия, которые были характерны для гуннского государства в Центральной Азии. Собственные производительные силы европейских гуннов были ничтожны. Захват продуктов труда оседлых народов, пленение и обращение в рабство ремесленников сделались для гуннов основным источником добывания жизненных благ, а их общество стало полностью паразитическим⁵⁵.

Добавим, что приведенные Аммианом Марцеллином и Иорданом описания внешности гуннов, столь непривычной для людей римского Запада, в значительной степени преувеличены, утрированы и даже демонизированы.

Обратимся теперь к истории пребывания гуннов в Европе (см. также приложение 2). В 370-е гг. н. э. их орда вторглась с востока в пределы Северного Причерноморья. Сначала гунны разгромили аланов, сарматский народ, занимавший земли по обе стороны реки Танаис (Дон) и к северу от Меотиды (Азовского моря), а также предгорья Северного Кавказа. Присоединив к себе уцелевших от резни аланов, пришельцы затем обрушились на обширную державу Германариха — короля остроготов (восточных готов). Остроготы были разбиты, а сам Германарих покончил жизнь самоубийством. Часть его единоплеменников была включена в состав гуннского племенного объединения; другие бежали к своим собратьям-везеготам (западным готам). Гунны тем временем напали на самих везеготов,

⁵⁵ Кляшторный, 1989. С. 253—254; Кляшторный, Султанов, 2000. С. 68.

которые после недолгого сопротивления отступили. Одну их часть вождь Атанарих увел в Трансильванию, другая же, возглавляемая Фритигерном, с разрешения римского императора Валента в 376 г. поселилась в качестве союзников-федератов во Фракии. Согласно договору с имперскими властями, беженцы должны были получить от римлян продовольствие на первое время и земли для поселения в приграничье. Со своей стороны, они обязывались служить в римских войсках. Невыполнение римскими чиновниками условий договора привело к восстанию везеготов, которых поддерживали местные жители, а также оказавшиеся в то время во Фракии остроготы и некоторые из аланов и гуннов. Сражение римлян с готами и их союзниками произошло в 378 г. у города Адрианополя. Римская армия была разгромлена, командовавший ею император Валент пал в бою. Важную роль в победе готов сыграла конница во главе с остроготскими вождями Алафеем и Сафраком, в составе которой в тот день источники упоминают аланов (Amm. Marc. XXXI, 12, 17). Впрочем, весьма вероятно, что в данной акции наряду с аланами участвовали и гунны. Дело в том, что Алафей и Сафрак были преемниками остроготского правителя Витимира, погибшего в боях с гуннами, и приняли командование над его войском, в составе которого находились гуннские наемники (Ibid. XXXI, 3, 3). Добавим сюда еще тот факт, что сами готы призывали гуннов вместе с аланами в качестве военной подмоги против римлян непосредственно до и после сражения при Адрианополе (Ibid. XXXI, 8, 4; 16, 3).

К концу IV—началу V в. гунны сумели создать обширный союз племен, куда вошли многие народы Юго-Восточной Европы: остроготы, гепиды, скиры, герулы, аланы, славяне. По всей видимости, эти народы продолжали находиться под управлением своих вождей, но платили гуннам дань и были обязаны по приказу гуннских правителей посылать в их распоряжение военные отряды.

Из сообщений древних авторов мы знаем о нескольких крупных гуннских вождях периода становления гуннской государственности: Баламбере, Басихе и Курсихе, Ульдине, Харатоне, Уптаре (Октаре) (см. главу 12). Последний правил гуннами вместе со своим братом по имени Руга (Руа, Ругила). В то время гуннский племенной союз уже представлял из себя очень значительную военно-политическую силу, с которой должны были считаться обе Римские империи — Западная и Восточная (Византия). С 422 г. Византия была вынуждена выплачивать гуннам ежегодную дань, размер которой постоянно увеличивался. В 433 г. правительство Западной Римской империи было вынуждено предоставить гуннам для поселения провинцию Паннонию.

Уптар, видимо, возглавлял западную часть гуннской державы, которая включала в себя земли к западу от Карпат и охватывала Великую Венгерскую равнину (Альфёльд), тогда как Руга осуществлял контроль над территорией на востоке — степями Северного Причерноморья — главным оплотом военной мощи гуннов, их основной военной базой. После смерти Уптара около 430 г. во время похода против бургун-

дов Руга стал единственным правителем гуннского племенного союза. В 434 г. умирает уже сам Руга, и ему наследуют его племянники, дети его брата Мундзука (Мундиуха) — Бледа и Аттила. Первый, более старший по возрасту, очевидно, унаследовал восточную часть государства, тогда как Аттила — его западные земли, где ранее управлял Уптар. Когда в 30-е гг. V в. жившие на Рейне бургунды попытались расширить свои владения за счет римской провинции Бельгики, то западноримский полководец Аэций призвал на помощь гуннов и с их помощью разбил бургундов (437 н. э.), причем тогда погибло великое множество людей из этого германского племени, включая короля Гундахара. Это страшное событие легло в основу созданного позже древнегерманского эпического цикла под названием «Песни о Нибелунгах» — предания о войнах между бургундами и гуннами. Так Аттила сумел почитаться за гибель своего дяди Уптара и его воинов от рук тех же бургундов примерно 7 годами раньше.

В 444 или 445 г. Аттила убил Бледу и сделался единовластным государем, не только самым известным в гуннской истории, но и одним из известнейших персонажей в истории всего человечества. До нас дошло описание его личностных качеств и внешности:

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он

был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения.

(Jordan. *Get.* 182—183)

К сожалению, до нашего времени не дошло ни одного прижизненного портрета Аттилы (впрочем, как и ни одного достоверного изображения гунна вообще). Правда, нумизматы предполагают, что аллегорический образ Аттилы — в виде дракона с человеческой головой, попираемого победоносным императором, — присутствует на римских монетах периода серьезных военных неудач гуннского правителя в 451 и 452 гг.⁵⁶ (рис. 30, 1). Зато образ «бича Божьего» (лат. *flagellum Dei*), как нарекли Аттилу в христианской традиции⁵⁷, будоражил воображение многих художников на протяжении позднего Средневековья и Нового времени⁵⁸ (рис. 30, 2, 31—33).

При Аттиле держава европейских гуннов особенно усилилась и значительно увеличилась в размерах. В Северном Причерноморье Аттила подчинил себе сильное гуннское племя акациров, что имело чрезвычайно важное военно-стратегическое значение. Главой над акацирами и соседними народами он назначил сво-

⁵⁶ Babelon, 1914. P. 300—314.

⁵⁷ Daim, Kaus, Tomka, 1996. S. 166.

⁵⁸ См.: Bäuml, Birnbaum, 1993; Daim, Kaus, Tomka, 1996.

Рис. 30. «Образ» Атиллы в представлении его современников и последующих поколений:

1 — изображение на монете западноримского императора Валентиниана III, выпущенной в честь военных неудач Атиллы в 451 и 452 гг.: император попирает ногой дракона с человеческой головой, символизирующей, скорее всего, самого Атиллу; 2 — Атилла, стилизованный под Пана, рогатое лесное божество, на скульптурном медальоне первой трети XVI в., высеченном на фасаде собора в Павии (Италия); 3 — медаль XVI в. с изображениями знаменитого гуннского правителя на обеих сторонах [Babelon, 1914]

ATTILA FRANGENS VES.

Рис. 31. Аттила на гравюре середины XVII в.
[Daim, Kaus, Tomka, 1996]

его сына Эллака (449 н. э.). Затем Аттила обратил свои взоры на запад с явным намерением получать дань и от Западной Римской империи. Он выступил в поход

Рис. 32. Атилла. Литография XVII в.
[Daim, Kaus, Tomka, 1996]

**Рис. 33. Атилла. Гравюра,
опубликованная в 1810 г. в Лондоне
[Howarth, 1994]**

из Паннонии, где находилась его ставка, в начале 451 г. Его огромная армия, насчитывавшая примерно 100 000 воинов (см. главу 12), состояла из собственно гуннов, а также из остроготов, гепидов, герулов, рейнских франков, ругиев, скиров и представителей других народов, подвластных Атилле. Объектом своего вторжения гуннский царь избрал провинцию Галлию. Он перешел Рейн, разрушил и разграбил много галльских городов и подошел к Орлеану на Луаре, но захватить его не смог. Затем, когда на пути воинства Атиллы оказался город Труа, только заступничество местного епископа, святого Лупа, спасло его от разорения (рис. 34).

Защита Галлии была поручена выдающемуся политику и военачальнику Аэцию (рис. 35; см. также рис. 49, 1), очень хорошо знавшему как самого Аттилу, так и гуннов, поскольку в молодости ему пришлось провести некоторое время у них в плену в качестве заложника, да и в дальнейшем он активно поддерживал с ними отношения (см. главу 14, раздел Б). В качестве своих союзников Аэций привлек везеготов, франков, саксов, аланов, армориканцев и др. Ему удалось отогнать гуннов от Орлеана, и вскоре обе армии встретились на Каталаунских полях (см. главу 14, раздел Б). В этой «битве народов», в которой, по сути, решалась судьба позднеантичной цивилизации, Аттила потерпел поражение. В самый критический момент этого сражения Аттила принял решение отступить в свой защищенный повозками лагерь-табор (см. главу 14, раздел Г). Осаждаемый врагами и опасаясь попасть к ним в плен живым, он приказал своим воинам сложить

Рис. 34. Святой Луп просит Атилу пощадить город Труа в Галлии. С картины XVII в. [Бувье-Ажан, 2003]

Рис. 35. Портрет Азия на гравюре XVII в. [Бувье-Ажан, 2003]

костер из их седел и был готов зажечь его и сам прыгнуть в огонь (Iord. *Get.* 210—213). Этот драматический эпизод нашел отражение во многих произведениях изобразительного искусства Нового времени (рис. 36—38, 1). Однако Аттила сумел сохранить значительную часть своих войск, причем не без вмешательства Аэция (который явно опасался усиления своих главных союзников — везеготов — в случае полного разгрома гуннов), и получил возможность уйти восвояси, хотя и потерял при этом часть добычи.

Воспользовавшись возникшим напряжением в отношениях между вчерашними союзниками, римлянами в лице Аэция и везеготами, весной 452 г. Аттила совершил поход в Северную Италию. Сохранился интересный рассказ Иордана о том, как гунны овладели городом Аквилеей:

После долгой и усиленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проникновенен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: «Посмотрите, — сказал он, — на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в

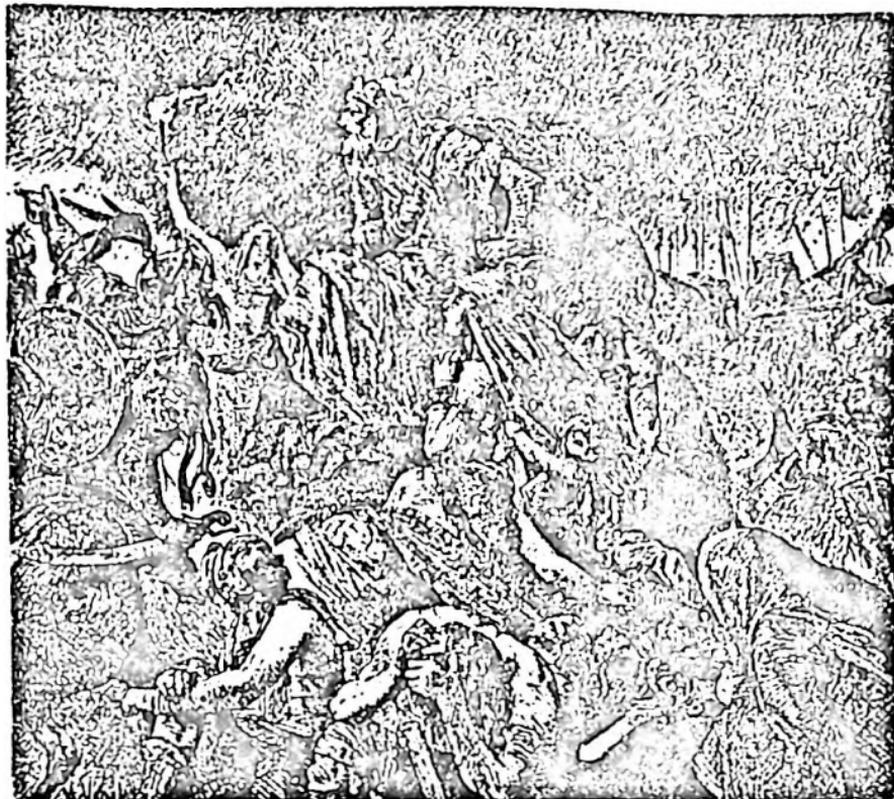

Рис. 36. Аттила в битве на Каталаунских полях в 451 г.
Гравюра из Mansell Collection [Howarth, 1994]

предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки». Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих [воинов] на завоевание Аквилеи. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедленно врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов.

(*Iord. Get.* 220—221)

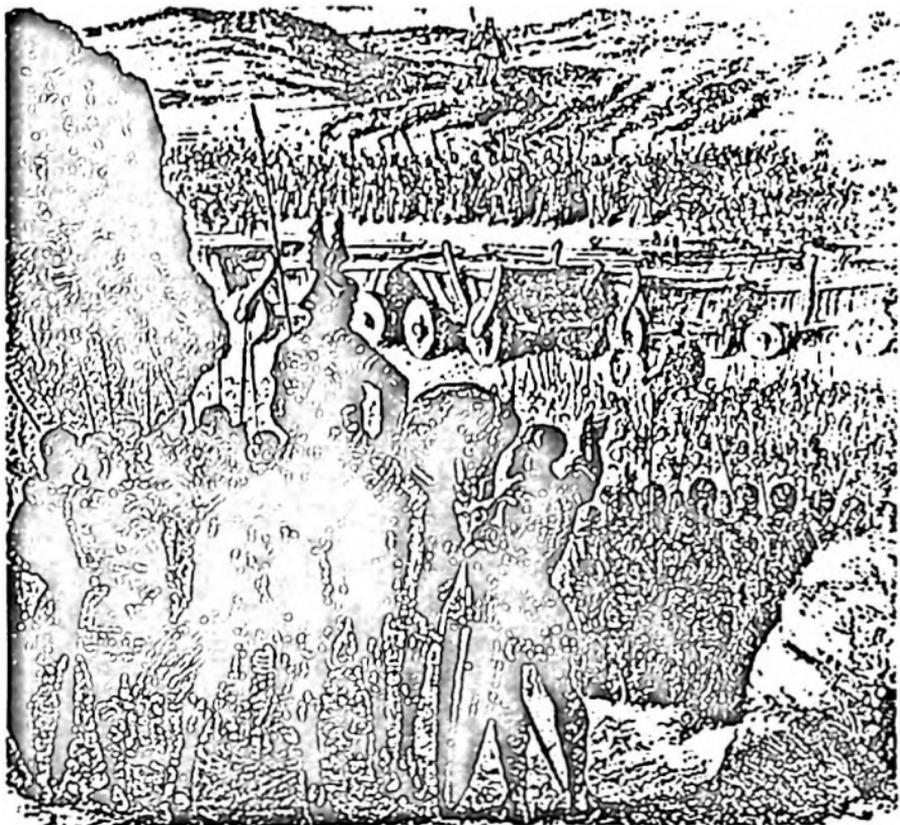

Рис. 37. Эпизод сражения на Каталаунских полях, воспроизведенный во французском издании «Cents Recits de l'Histoire de France» (1878): римляне и их союзники перед укрепленным лагерем-табором гуннов, в центре которого возвышается готовый к самосожжению Атилл
[Howarth, 1994]

Эта история также произвела большое впечатление не только на современников, но и на их далеких потомков (рис. 38, 2; 39; 40).

После взятия Аквилеи гунны захватили и разорили Медиолан (Милан) и Тицин. Положение для запад-

1

2

Рис. 38. Гравюры из немецкой книги по всемирной истории, вышедшей в 1722 г. в Нюрнберге:

1 — Атила восседает на сложенных для костра седлах гуннских всадников в своем лагере на Каталаунских полях; 2 — осада Аквилеи гуннами в 452 г. [Daim, Kaus, Томка, 1996]

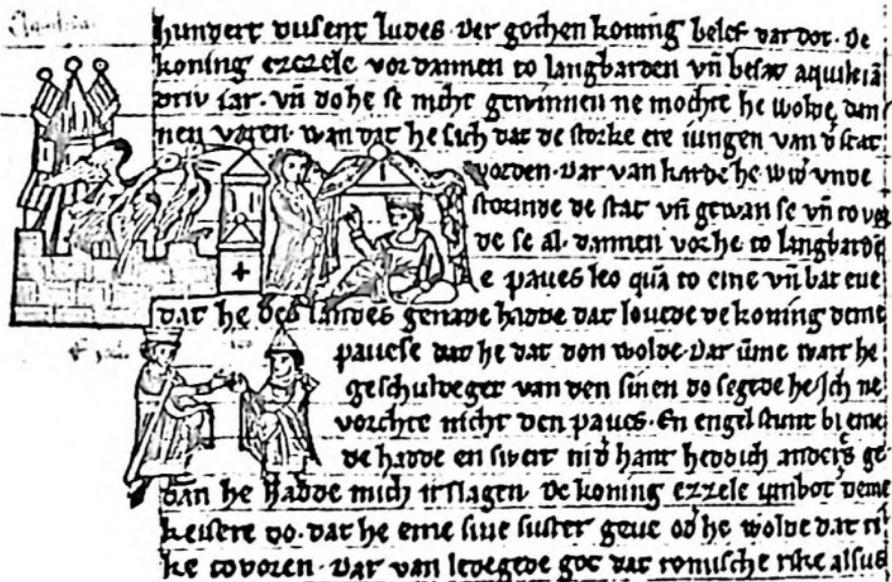

Рис. 39. Миниатюра XIII в. из «Саксонской всемирной хроники», изображающая эпизоды похода гуннов в Италию в 452 г.: Атиллы у стен Аквилеи (вверху) и перед римским папой Львом (внизу) [Thompson, 1999]

норимского правительства стало столь опасным, что Аэций даже рекомендовал императору Валентиану III бежать из Италии. Вот что пишет далее Иордан:

Но когда возникло у Атиллы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому, что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего царя, ибо тот после взятия Рима жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Атиллы колебался относительно этого опасного дела — идти

Рис. 40. Итальянская памятная медаль начала XVI в., изображающая Аттилу в образе рогатого сатира и город Аквилею [Babelon, 1914]

или не идти — и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбурейское поле в провинции Венетий, там, где река Минций пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий (Дунай), обещая соблюдать мир.

(*Iord. Get.* 222—223)

Встреча и переговоры грозного гуннского воителя с римским папой Львом I, которые в результате принесли избавление измученной и разгромленной Италии, вдохновляли творческих людей последующих поколений (рис. 39; 41; 42).

Гунны оставили Апеннинский полуостров, где свирепствовал голод и началась эпидемия, и вернулись

в Паннонию. Обе кампании — галльская и итальянская — явно не удались Аттиле, который, несомненно, рассчитывал на более благоприятный для себя их исход. Согласно Иордану, царь гуннов совершил после этого еще один неудачный поход в Галлию, желая подчинить себе аланов, осевших за рекой Лигер (Луарой). Однако в результате он был отогнан везеготским правителем Торисмундом, своевременно приведшим свое войско на выручку аланам (*Iord. Get.* 226—228). Впрочем, некоторые историки не без оснований сомневаются в достоверности этого рассказа⁵⁹. Как бы там ни было, серьезные военные неудачи не могли не сказаться на моральном и физическом состоянии Аттилы, и в 453 г. он умер. Иордан так описывает это событие, имевшее поистине эпохальное значение для судеб позднеантичной цивилизации:

Ко времени своей кончины он (Аттила), как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдикю. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах царю. На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после

⁵⁹ См.: *Wachrach*, 1973. P. 66—68.

Рис. 41. Встреча Аттилы с римским папой Львом в ходе гуннского вторжения в Италию. Гравюра с фрески Рафаэля в Ватиканском дворце, созданной в 1512—1514 гг.
[Daim, Kaus, Tomka, 1996]

самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Аттилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от изливания крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей. В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало — как раз в ту самую ночь — сломанный лук Аттилы... Историк Приск говорит, что может подтвердить это [яв-

Рис. 42. Та же сцена на немецкой гравюре XIX в.
[Daim, Kaus, Tomka, 1996]

ление божества] истинным свидетельством. Настолько страшен был Атилл для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим.

(Ibid. 254—255)

Конец жизненного пути великого гунна в качестве сюжета нашел свое отображение в Атилиане Нового времени (рис. 43).

Атилл был похоронен с великими почестями, и здесь опять-таки предоставим слово Иордану:

Не преминем сказать — хоть немного из многого — о том, чем [гуннское] племя почтило его останки.

Рис. 43. Смерть Аттилы. Литография второй половины XIX в.
[Daim, Kaus, Tomka, 1996]

Среди степей в шелковом шатре поместили труп его (Аттилы), и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: «Великий царь гуннов Аттила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, которой с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, — дабы не было отдано и остальное на разграбление, — умиловленный молениями, принял ежегодную дань. И со счастливым исходом со-

вершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?» После того как был он оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные [чувства], выражают они похоронную скорбь, смешанную с ликованием. Ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба — первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо — потому что он покорил племена, золото и серебро — потому что он принял орнат (царственный наряд?) обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного.

(*Iord. Get.* 256—258)

Вскоре после смерти Аттилы созданная им держава распалась. Против его сыновей восстали еще недавно лояльные грозному гунну племена, прежде всего гепиды во главе с Ардарихом. В битве на реке Недао (где-то в Паннонии) в 454 г. гунны были разбиты

армией мятежной коалиции, причем в бою пал старший сын Атиллы Эллак. После этого одни из уцелевших гуннов во главе с младшим сыном Атиллы Эрнаком (Ирником) ушли в Северное Причерноморье, остальные же влились в орды других сыновей Атиллы, которые предпочли остаться на Нижнем Дунае, — Динтцика (Денгизиха), утвердившегося в Добрудже, и Эмнетцура и Ултциндур, обосновавшихся в Дакии Прибрежной. Некоторые из придунайских гуннов превратились со временем в федератов Византийской империи. Динтцик (по-видимому, наиболее деятельный и энергичный из всех остававшихся в живых отпрысков Атиллы) еще пытался добиться успеха в борьбе с остроготами в Паннонии и с восточноримскими властями, но в основном терпел неудачи. В конечном итоге он погиб во Фракии в 469 г., а его голова была доставлена в Константинополь для всеобщего обозрения. Никто из братьев не пришел Динтцику на помощь, хотя Эрнак, судя по всему, не смог этого сделать из-за нашествия сарагуров — народа азиатского происхождения, который около 463 г. вторгся в причерноморские степи и после тяжелой затяжной войны подчинил себе акациров и другие обитавшие там племена.

Последнее упоминание в древней письменной традиции о набеге европейских гуннов на восточноримские владения относится к самому началу правления византийского императора Зенона (474—491): гунны, переправившись через Истр (Дунай), напали на Фракию (Evagr. III, 2). Впрочем, подобные грабительские вторжения гуннов носили уже рядовой характер и ни в коей мере не свидетельствовали об их военной силе.

Недолгая, хотя и насыщенная яркими и драматическими событиями эпоха гуннского господства в Юго-Восточной Европе безвозвратно закончилась двадцатью годами раньше, со смертью великого Аттилы. На смену гуннам из глубин Азии в степи Северного Причерноморья одно за другим пришли новые воинственные кочевые племена — уже упомянутые выше саргуры, а также уроги, оногуры, савиры, авары и др. Оставшееся там гуннское население частью было ими истреблено, а частью растворилось в их среде. Интересно, что очень часто в раннесредневековых европейских источниках эти новые пришельцы с Востока именуется «гуннами» — своего рода «дань памяти» некогда грозному и беспощадному народу, который заставил трепетать перед собой весь цивилизованный греко-римский мир.

Б. «СОЛДАТЫ УДАЧИ»: ГУННЫ В РОЛИ НАЕМНИКОВ

История наемничества среди гуннов представляет особую страницу их военно-политической истории. Гуннские воины за плату очень охотно служили иноплеменникам, причем часто обеим враждующим сторонам одновременно. В частности, в 370-е гг. гуннский отряд был нанят остроготским вождем Витимиром против союзных гуннам же аланов (Аmm. Marc. XXXI, 3, 3). В 408 г. по призыву Алариха, воевавшего в Италии, везготский вождь Атаульф повел туда из Верхней Паннонии войско, состоявшее из готов и гуннов (Zosim. V, 37, 1), тогда как противостоявшие

ему римляне также использовали гуннские контингенты (Zosim. V, 45, 6; ср.: V, 50, 1).

Но особую известность гуннские наемники получили именно на римской службе. Еще в 380 г. некоторые группы гуннов, аланов и готов получили право поселиться в Восточной Паннонии на правах римских союзников-федератов⁶⁰. Призванные оттуда гуннские отряды в 384 г. сражались на стороне Рима против ютунгов в Реции. Разбив последних, они вместе с аланами подошли к границам Галлии явно с целью грабежа, но вовремя получили от римских властей вознаграждение и повернули назад (Ambros. Ep. 24, 8). В 388 и 394 гг. гунны оказали поддержку Феодосию I в борьбе против претендовавших на римский трон узурпаторов — Максима (Pacat. 32, 4) и Евгения (Joan. Ant. fr. 187).

В 406 г. утвердившийся в Нижнем Подунавье гуннский вождь Ульдин откликнулся на призыв западноримского главнокомандующего Стилихона и привел в Италию ему на подмогу воинский контингент (Zosim. V, 26, 4—5), который под личным командованием самого Ульдина принял активное участие в разгроме при Фьезоле армии готского вождя Радагайса (Chron. Gall. P. 652, 52; Oros. VII, 37, 12—13; Marcell. s. a. 406, 3; Iord. Rom. 321; Paul. Diac. HR XII, 12; Land. Sag. XIII, 193). Известно, что гунны служили и в гвардии самого Стилихона — до тех пор, пока все они не были вероломно уничтожены другим военачальником Стилихона, готом Саром (Zosim. V, 34, 1). Гуннские воины

⁶⁰ Sinor, 1990. P. 181.

входили также в личную охрану большого недруга Стилихона Руфина, бывшего в 392—395 гг. преторианским префектом восточноримской имперской администрации (*Chron Gall.* P. 650, 34). Уже после низложения и казни Стилихона (408 н. э.) еще один элитный гуннский корпус, насчитывавший 300 воинов, был расквартирован в Равенне, и император Гонорий передал его своему министру Олимпию специально для ведения кампании против войск Атаульфа, вторгнувшегося в Италию на подмогу Алариху. В 409 г. этот контингент провел успешную атаку на готов близ Пизы, убив в результате 1100 врагов и потеряв только 17 человек; затем, опасаясь быть окруженными превосходящими силами противника, гунны сумели благополучно уйти назад в Равенну (*Zosim.* V, 45, 6). Можно предположить, что служившие Стилихону и Олимпию гунны остались в Италии не без ведома самого Ульдина.

В 409 г. Гонорий призвал 10 000 гуннских воинов в качестве союзников для участия в войне против везеготского вождя Алариха, а для их содержания он распорядился доставить в Италию из Далмации зерно и скот (*Zosim.* V, 50, 1). Впрочем, остается не до конца ясным, прибыла ли столь внушительная вооруженная сила на Апеннины вообще: если да, то как объяснить тот факт, что уже в следующем году везеготы захватили Рим? Или, быть может, число нанятых Гонорием гуннов, приведенное Зосимом, слишком завышено?

Царь гуннов Руга заключил в 433 г. договор о дружбе и военной помощи с влиятельнейшим политиком равеннского двора Аэцием, который тогда осо-

бенно нуждался в военной поддержке (*Prosp. Chron.* 1310; *Chron. Gall.* P. 658, 112; 659, 587; *Paul. Diac. HR XIII*, 11). Примечательно, что еще в 425 г. Аэций по приказу узурпатора Иоанна набрал у того же Руги наемников, предназначенных для борьбы с войсками, которые послал в Италию глава Восточной империи Феодосий II (*Philostorg. XII*, 14; *Greg. Tur. HF II*, 8; *Socr. Schol. VII*, 23, 8, ср.: 43, 1; *Prosp. Chron.* 1288; *Cassiod. Chron.* 1211; *Paul. Diac. HR XIII*, 9). В результате договора 433 г. на службу к Аэцию поступили гуннские отряды, которые он ввел в состав своей армии, действовавшей в Галлии. В рядах римских войск гунны сражались как союзники, нанятые за плату, по всей очевидности, в качестве *comitatenses* — солдат полевой армии⁶¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что активные союзнические отношения правители гуннов поддерживали только с Западной империей, военачальники которой возлагали на гуннские контингенты особенно большие надежды (*Salv. GD VII*, 39). Те с чисто военной точки зрения по большей части эти надежды оправдывали: именно при помощи гуннских наемников полководец Аэция Литорий одержал победы над багаудами и везеготами в Галлии в 435—438 гг. С Византией же гуннские государи, как правило, заключали только мирные соглашения, не содержавшие какие-либо пункты о военном сотрудничестве (*Zosim. V*, 22, 3; *Prisc. fr.* 2; 5; 6; 8; 13; 14 D = 6, 1; 9, 3; 10; 11, 2; 15, 3; 4 B). Объясняет этот факт, очевидно, не

⁶¹ См.: Elton, 1997. P. 89—97.

столько какая-то особая враждебность гуннов по отношению к Восточной империи, сколько боязнь властей самой Византии, придунайские области которой были постоянным объектом набегов этих грозных варваров, принимать их на своей территории в качестве федератов или хотя бы наемников. Причиной этого были такие характерные особенности поведения гуннов, как непостоянство и склонность к нарушению уже заключенных договоренностей, а также свирепая и неуемная страсть к грабежу. Подобные опасения были справедливыми, ибо, по свидетельствам современников, гуннские наемники вели себя в Галлии, входившей в состав союзной им Западной империи, как в завоеванной стране, творя там всевозможные бесчинства (Sidon. *Carm.* VII, 248—250; Paulin. Petric. *VM* VI, 218—223; ср.: Ibid. VI, 93—94; Salv. *GD* IV, 67; 68).

Впрочем, восточные римляне не желали использовать гуннов в качестве союзников только в северных, балканских провинциях своей империи, где те, учитывая близость кочевий и становищ их соплеменников, могли бы стать дополнительным фактором дестабилизации, в особенности после образования мощной державы Атиллы с центром в Подунавье. Другое дело отдаленные, заморские владения правителей Византии. И в этой связи чрезвычайно важно отметить, что небольшая по численности элитная кавалерийская часть, *στρατιῶται Οὐννιγάρδοι* ('воины-уннигарды'), в самом начале второй декады V в. располагалась в Ливии Пентаполис, африканской провинции Восточно-Римской империи. Судя по названию, ее бойцами были гунны. Согласно Синезию Киренскому, единствен-

ному автору, который писал об уннигардах, причем как очевидец, они находились на службе военного наместника Ливии в качестве «римского войска», т. е. на регулярной основе, в рамках союзного договора. Сообщается также, что эти воины получали пополнение конского состава, воинское снаряжение и плату непосредственно от самого императора Византии. Они подчинялись непосредственно военному наместнику Анисию, который лично возглавлял их во время боевых операций против нападавших на Киренаику соседних племен (Synes. *Ep.* 78; *Catast.* I, 2; *Catast.* II, 2). Уннигарды, сражавшиеся в соответствии с присущими им особенностями военного дела (подобно остальным гуннским воинам, они были конными лучниками), побеждали очень небольшим отрядом (всего 40 человек!) гораздо более многочисленных врагов⁶². Необходимо подчеркнуть, что корпус уннигардов не только был лучшим среди всех войск провинции, но и занимал самостоятельное место в их структуре, не смешиваясь с другими частями в одном боевом строю (Synes. *Catast.* II, 2), что, очевидно, было необходимо с точки зрения исполнения ими на поле сражения своих собственных, сугубо специфических тактических приемов.

Не исключено, что упомянутые Синезием гунны оказались в Ливии в результате неудачной кампании Ульдина во Фракии в 409 г., когда часть его собственно гуннского воинства перешла на сторону Византии

⁶² См.: Maenchen-Helfen, 1973. P. 255; Roques, 1987. P. 68, 77, 165, 236, 237, 240, 244, 245, 247—250, 256, 262, 264, 270, 282, 289—292; Elton, 1997. P. 92—95, 107.

(Sozom. IX, 5, 4). Кого-то из них могли затем принять на военную службу с условием прохождения ее в столь отдаленном от Балкан месте. При этом следует учесть, что все произведения Синезия, в которых он говорит об уннигардах, были написаны в течение всего лишь нескольких месяцев — с февраля/марта по июнь 411 г.⁶³, т. е. вскоре после поражения Ульдина. Дальнейшая судьба этого малочисленного гуннского контингента неизвестна.

Ситуация с привлечением гуннов на римскую службу стала другой в 439 г., когда везеготы наголову разгромили гуннское войско Литория у Тулузы, после чего правившие тогда гуннами Бледа и Аттила, судя по всему, отказались от практики посылки своих воинов к западным римлянам. Более того, как это можно предположить из сообщения Приска (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B), Аттила, став единоличным повелителем гуннской державы и, очевидно, держа в уме планы широкого наступления на обе империи, вообще запретил кому-либо из своих соплеменников (которых он называл не иначе, как «своими собственными слугами») воевать против него, а требование к римлянам о выдаче гуннам перебежчиков вообще стало одним из его основных условий при заключении мирных договоров. По всей видимости, Аттила (как и другие правители гуннов до него) старался по возможности контролировать процесс вербовки наемников из гуннской среды.

Такое положение изменилось только после битвы при реке Недао в 454 г. Теперь, после окончательного

⁶³ Roques, 1987. P. 247—250.

развала империи, созданной Аттилой, инициативу в найме гуннских воинов перехватили константинопольские власти, которые перешли к политике защиты своей границы по Дунаю от набегов разрозненных гуннских орд с помощью их же соплеменников, но воюющих уже на стороне Византии. Так, некоторым из гуннов было разрешено поселиться близ города Лагерь Марса (совр. Кула в Болгарии); то же самое было сделано и в отношении других гуннов, сумевших силой прорваться на территорию Восточной империи, причем к этим последним Иордан возводит происхождение сакромонтизов и фоссатизиев, служивших в его время в армии императора Юстиниана (*Iord. Get.* 265—266). По-видимому, все переселившиеся в пределы Византии гунны взамен обязательства охранять приграничные укрепления получили земли под необходимые им пастбища.

В период после Аттилы в восточноримской армии начинают появляться офицеры гуннского происхождения. Известно, что около 467 г. под началом влиятельнейшего византийского полководца Аспара в должности помощника командира легиона состоял гунн по имени Хелхал (*Prisc. fr.* 39 D = 49 B).

ГУННСКОЕ ВОЕННОЕ ОРУЖИЕ

А. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Иордан прямо утверждает, что гунны «хорошо обучены и лукам и стрелам» и что «этот народ придает очень большое значение данному оружию» (*Iord. Get.* 128; 255). Сидоний говорит о «тщательно отделанных» луках и стрелах гуннов как о предметах их особой страсти (*Sidon. Carm.* II, 266). Гунны, в том числе и их вожди, славились своим непревзойденным искусством в стрельбе из лука (*Olymp. fr.* 18 D = *fr.* 19 B; *Zosim.* IV, 20, 4; *Sidon. Carm.* II, 266—269; *Iord. Get.* 128; *Land. Sag.* XII, 187; ср.: *Greg. Tur. HF* II, 8; *Sidon. Carm.* VII, 230—231; *Prisc. fr.* 1b D = 6, 2 B; *Proc. Bell.* V, 27, 27; VI, 1, 9—10). Лук гуннов по своей конструкции был сложносоставным (рис. 44). Его основа (кибить) в виде двух дуг-плеч (часто снабженных короткими, отогнутыми наружу концами-«рогами»), соединенных прямой рукоятью-перехватом, была составлена из нескольких кусков дерева (иногда разных пород). Для придания всей конструкции большей гибкости к

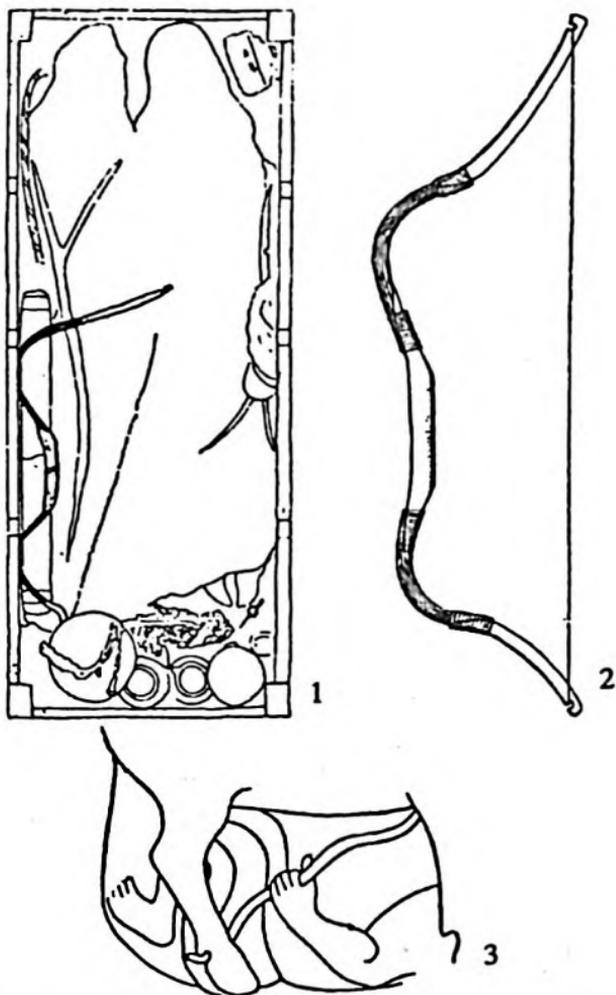

Рис. 44. Сложносоставные луки хунну и гуннов:

1 — лук, положенный в могилу позднехуннского времени, раскопанную в Восточном (Китайском) Туркестане; 2 — современная реконструкция асимметричного лука «гуннского» типа; 3 — фрагмент сцены, вырезанной на барельефе погребального комплекса китайского полководца Хо Цюйбина (ум. 117 до н. э.), с изображением поверженного воина-хунну, вооруженного луком (1, 2 — [Вбпа, 1991]; 3 — [Takács, 1938])

кибители приклеивались сухожилия, а ее концы и рукоять усиливались костяными и роговыми накладками. Этот вид стрелкового оружия, получивший в науке условное наименование «гуннский лук», сформировался в последние века до нашей эры у кочевников восточной части Центральной Азии и затем постепенно распространился вплоть до Западной Европы, причем в этом процессе гунны сыграли очень важную роль.

Костяные детали луков происходят из гуннских погребений⁶⁴ (рис. 45, 1, 11—17). Средняя длина «гуннских» луков обычно определяется в 120—150 см. Что же касается их фактической и прицельной дальности, то здесь многое зависело от размеров и веса каждого конкретного лука, особенностей его конструкции, габаритов стрелы и т. п. Существует мнение, что максимальная дальность древних сложносоставных луков находилась в пределах 165—230 м, а эффективная — между 50—150 м⁶⁵. Также предполагается, что луки гуннов могли пронзать доспехи с расстояния в 100 м⁶⁶. Отметим, что некоторые сведения из средневековой мусульманской письменной традиции позволяют предполагать, что фигурирующие в ней луки сложносоставной конструкции попадали в цель с расстояния примерно в 250 ярдов (= 229 м), а со 100 ярдов (= 91 м) пущенная из них стрела пробивала серьезные доспехи⁶⁷. Плотный же обстрел из та-

⁶⁴ Засецкая, 1994. С. 35—36; Werner, 1956. S. 46—50; Bóna, 1991. S. 167—174.

⁶⁵ Stephenson, 2001. P. 81.

⁶⁶ Laing, 2000. P. 130.

⁶⁷ Bivar, 1972. P. 283.

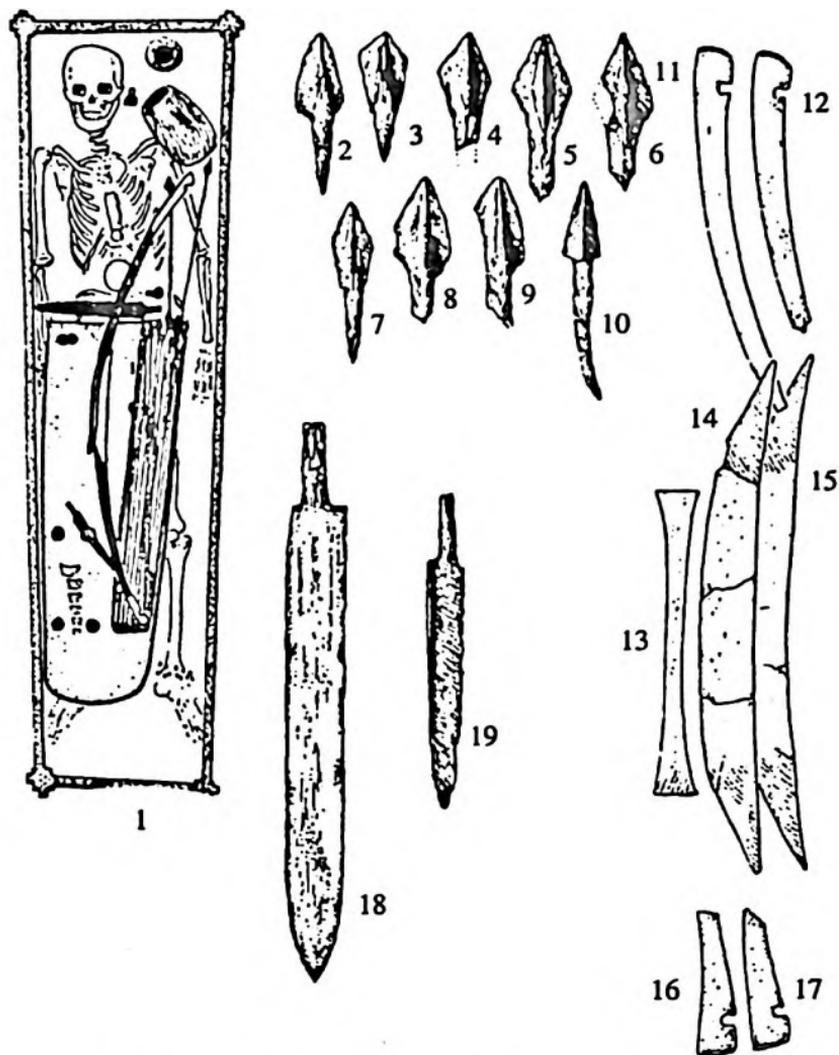

Рис. 45. Гуннское (?) захоронение с оружием конца IV—начала V в. н. э. на поселении Ак Тобе 2 в Южном Казахстане:

1 — общий вид могилы; 2—10 — железные наконечники стрел; 11—17 — костяные накладки на концы (11, 12, 16, 17) и рукоять (13—15) сложносоставного лука; 18 — железный двулезвийный кинжал; 19 — железный однолезвийный нож [В6па, 1991]

ких луков в исполнении большой компактной группы стрелков был эффективен на расстоянии до 400 ярдов (= 365 м), хотя их реальная прицельная дальнобойность была значительно короче⁶⁸. В контексте этой информации кажется уместным указать на интересный современный эксперимент, проведенный на базе баллистической лаборатории армии США с целью определения защитных свойств чешуйчатых панцирных доспехов. Вот его описание в той части, которая интересна для нас в первую очередь:

Для имитации отряда неприятеля была установлена специально изготовленная мишень. В вертикальную мишень размером 45 м по фронту и 18 м глубиной при высоте в человеческий рост опытный стрелок из сложносоставного лука добивается сто-процентного попадания на расстоянии 90—270 м, а на дистанции 300 м и выше попадание составляет лишь 50 %⁶⁹.

Большие и мощные рефлексирующие луки «гуннского» типа благодаря своей дальнобойности и высокой пробивной способности содействовали становлению тактики дистанционного боя, чрезвычайно эффективно применявшейся как центральноазиатскими хунну, так и генетически связанными с ними европейскими гуннами.

Необходимо также отметить, что в среде высшей гуннской знати бытовали золотые модели этого ору-

⁶⁸ Nyland, 1996. P. 120.

⁶⁹ Литвинский, 2001. С. 345.

жия (так называемые «золотые луки»), золотые накладки от которых были найдены в княжеских погребениях в Якушовицах (рис. 46, б), Печ-Усёге и Бата-секе. Это, в свою очередь, определенно указывает на то, что лук у гуннов был не просто оружием — он рассматривался еще и в качестве очень престижного символа власти ⁷⁰.

В сообщениях древних писателей о вооружении гуннов фигурируют не только сами луки, но и стрелы (Amm. Marc. XXXI, 2, 9; Prisc. fr. 1b D = 6, 2 B; Hier. Ep. 60, 17; Iord. Get. 128; 249; 261; Land. Sag. XII, 187; Malal. 358, 21; Sidon. Carm. II, 266; Sidon. Carm. VII, 236; tela: Merob. Pan. II, 80; Iord. Get. 206) и даже «позолоченные колчаны» (Merob. Pan. II, 80). Точная длина гуннских стрел в источниках не указана, но представить их размеры позволяет находка колчанного набора в воинском погребении, раскопанном в помещении 7 на поселении Ак Тобе 2 в Южном Казахстане (рис. 45, 1). В этом захоронении, связанном с гуннскими миграциями в конце IV—начале V в. в пределах Семиречья, был обнаружен практически полный набор стрелкового снаряжения, включая сложносоставной лук «гуннского» типа длиной 120 см и берестяной колчан длиной 77 см и шириной 11 см, хранивший более двадцати стрел с железными наконечниками, камышовые древки которых имели длину 70—75 см ⁷¹ (рис. 45, 1—10). Примечательно, что эти колчан и лук были помещены в

⁷⁰ László, 1951; Harmatta, 1951.

⁷¹ Максимова, Мерциев, Вайнберг, Левина, 1968. С. 74—77, рис. 31—33; Bóna, 1991. S. 172, Abb. 3.

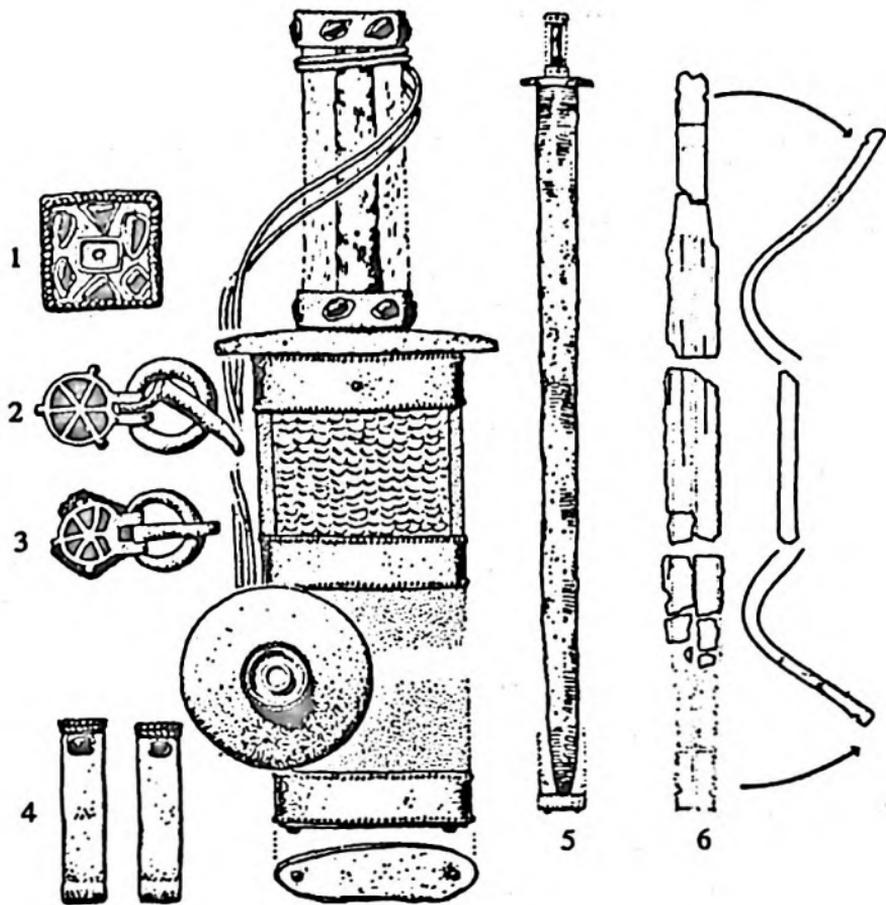

Рис. 46. Снаряжение из гуннского княжеского погребения V в. в Якушовице (Южная Польша):

1—4 — принадлежности воинского костюма; 5 — длинный (95 см) железный двулезвийный меч; 6 — золотые обкладки церемониальной модели лука — символа власти [Вбпа, 1991]

большой берестяной футляр-горит, который был предназначен для транспортировки стрелкового оружия на марше — это, в частности, подтверждается и тем фак-

том, что на луке тетива не была натянута, т. е. он находился в небоевом положении. Большие сложносоставные луки действительно имели один серьезный недостаток: при длительном нахождении с надетой тетивой они утрачивали свою гибкость. Поэтому уже с эпохи поздней античности применялись два способа их ношения — боевой и повседневный. Перед началом сражения на лук устанавливалась тетива, и он помещался в горит крупных размеров, прикрепленный к седлу, как это показано на пластине из датируемого первыми веками нашей эры кургана 2, который был раскопан в Орлатском могильнике близ Самарканда (рис. 22)⁷². По окончании боевых действий воины спускали тетиву, после чего луки укладывали в мягкие длинные и узкие налучья. На упомянутой выше пластине из Орлатского могильника футляр для натянутого лука соединен в один набор с колчаном и налучьем; у всадников-охотников, изображенных на другой пластине из этого же захоронения, налучье, судя по всему, скомбинировано с колчаном⁷³. Такие гориты были снабжены клапаном и подвешивались к седлу или поясу всадника.

По всей очевидности, гуннские воины всегда имели при себе не один, а несколько луков. Косвенно это подтверждается тем фактом, что древнетюркские всадники возили с собой «два или три лука и тетивы в соответствующем числе»⁷⁴.

⁷² Никонов, Худяков, 1999. С. 144, рис. 3/1, 4/2.

⁷³ Там же. С. 144, рис. 6.

⁷⁴ Мандельштам, 1956. С. 231.

Согласно данным письменной традиции, на Востоке в древности и Средневековье стандартный колчаный набор насчитывал 30 стрел⁷⁵, хотя, конечно же, в отдельных случаях он мог быть меньшим или большим. Но в любом случае 30 или даже несколько больше стрел в одном колчанном наборе было явно недостаточно для серьезного сражения, поэтому стрелки должны были в ходе боя быстро пополнять свои опустевшие колчаны из специальных запасов и продолжать обстрел врага.

Что же касается скорострельности древних лучников, то даже по весьма приблизительным оценкам, основанным лишь на косвенных данных, она была, несомненно, высокой. К примеру, в XVII—XVIII вв. турецкие и татарские лучники были способны выпускать до 25 стрел в минуту⁷⁶. Уже в наши дни экспериментальным путем было установлено, что «тренированный стрелок может опустошить колчан с 15 стрелами за три минуты, а со 150 стрелами — за 30 минут»⁷⁷.

Интересно, что Аммиан Марцеллин, говоря о гуннских стрелах, упоминает только те из них, которые были снабжены костяными наконечниками, с большим искусством соединенными с древками и разнообразно изготовленными (Аmm. Marc. XXXI, 2, 9), что объясняется, конечно же, его особым интересом именно к этой, довольно экзотической, их разновидности. Такие наконечники, как правило, делались вручную: с по-

⁷⁵ Обельченко, 1992. С. 174—175.

⁷⁶ Lebedynsky, 2001. P. 177.

⁷⁷ Литвинский, 2001. С. 116.

мощью ножа они вырезались из толстых костей животных, а их поверхность затем тщательно полировалась; для скрепления с древком в них высверливалась втулка. Следует иметь в виду то обстоятельство, что по причине несложной технологии их изготовления костяные наконечники стрел для кочевников, особенно рядовых, действительно «являлись наиболее доступным, достаточно эффективным и распространенным средством поражения незащищенного противника в дистанционном бою»⁷⁸. Но, несомненно, у гуннов времени Аммиана Марцеллина были и металлические (железные) наконечники, которые хорошо известны по находкам в археологических комплексах гуннского времени на территории Юго-Восточной Европы. Примечательно, что костяные наконечники стрел в них, наоборот, пока не обнаружены, но это вовсе не означает, что сообщение Аммиана не заслуживает доверия. В частности, оно подтверждается тем фактом, что костяные наконечники стрел достаточно широко представлены в вещественных материалах культуры центральноазиатских хунну⁷⁹. Находились они и на вооружении сарматов, германцев и некоторых других населявших Европу народов. Другое дело, что такие боеголовки были предназначены для поражения не прикрытого доспехами неприятеля, и поэтому, когда гунны столкнулись в Европе с войсками, применявшими серьезную панцирную защиту, прежде всего римскими, они

⁷⁸ Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995. С. 67.

⁷⁹ Худяков, 1986. С. 34—37, 39—42, 214—216; Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995. С. 67. См. также главу 1.

были вынуждены в значительной степени ограничить использование наконечников из кости (по крайней мере в боевых условиях), предпочтя им железные.

Согласно имеющимся археологическим находкам, гунны принесли с собой в Европу новые типы железных наконечников стрел, характерные для региона Центральной Азии⁸⁰ (рис. 45, 2—10; 47, 2—11), — это еще один аргумент в пользу восточного происхождения основного ядра гуннского племенного объединения.

Гунны, безусловно, оказали очень сильное воздействие на римско-византийскую практику стрельбы из лука, особенно на комплекс снаряжения стрелков. В нем, прежде всего, появилось чрезвычайно грозное оружие — большой сложносоставной лук «гуннского» типа.

Оружием ближнего боя гуннам служили мечи, хорошо известные по находкам в погребальных памятниках гуннской эпохи (рис. 45, 1; 46, 5; 47, 1, 15; 48; 49) и по упоминаниям в письменной традиции (Аmm. Marc. XXXI, 2, 9; Prisc. fr. 8 D = 13, 1; 15, 1 B; fr 8 D = 12, 1 B; Мероб. Pan. II, 83; ср.: Sidon. Carm. II, 298; VII, 249; Iord. Get. 183; Greg. Tur. HF II, 6). В качестве дополнения к тому немногому, что известно о гуннских мечах в письменной традиции, можно привести некоторые данные из «Вальтария» — латинского переложения X в. утраченной древнегерманской героической песни, связанной с эпическим циклом о Нибелунгах. В этом произведении, приписываемом монаху из Сент-Галленского монастыря в Швейцарии по имени

⁸⁰ Засецкая, 1994. С. 36—39, 208—209.

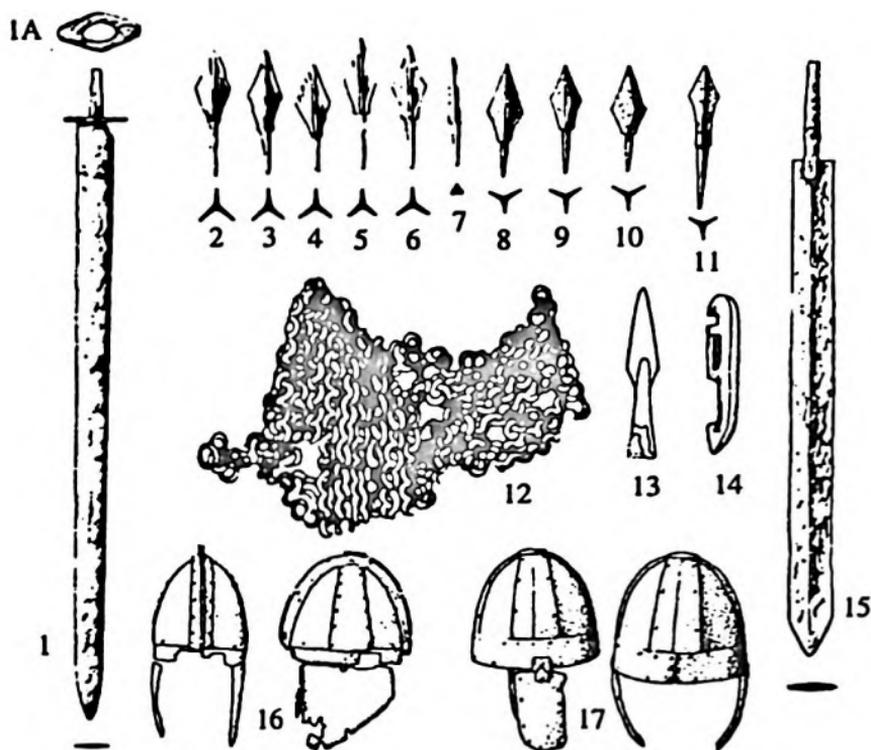

Рис. 47. Вооружение гуннской эпохи из погребальных памятников Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья (1—16):

1, 15 — железные двулезвийные мечи (1А — ромбовидное перекрестие); 2—11 — железные наконечники стрел; 12 — железная кольчуга; 13 — железный наконечник копья; 14 — нефритовая скоба-пронизка для подвешивания ножен меча к поясу; 16 — железный шлем, покрытый листовым серебром, с серебряными нащечниками; 17 — позднеримский шлем типа Spangenhelm, найденный в Египте (1—15 — [Засецкая, 1994]; 16, 17 — [James, 1986])

Эккехарт, рассказывается история трех заложников при дворе гуннского царя Этцеля (исторического Аттилы): везеготского принца Вальтера Аквитанского, бур-

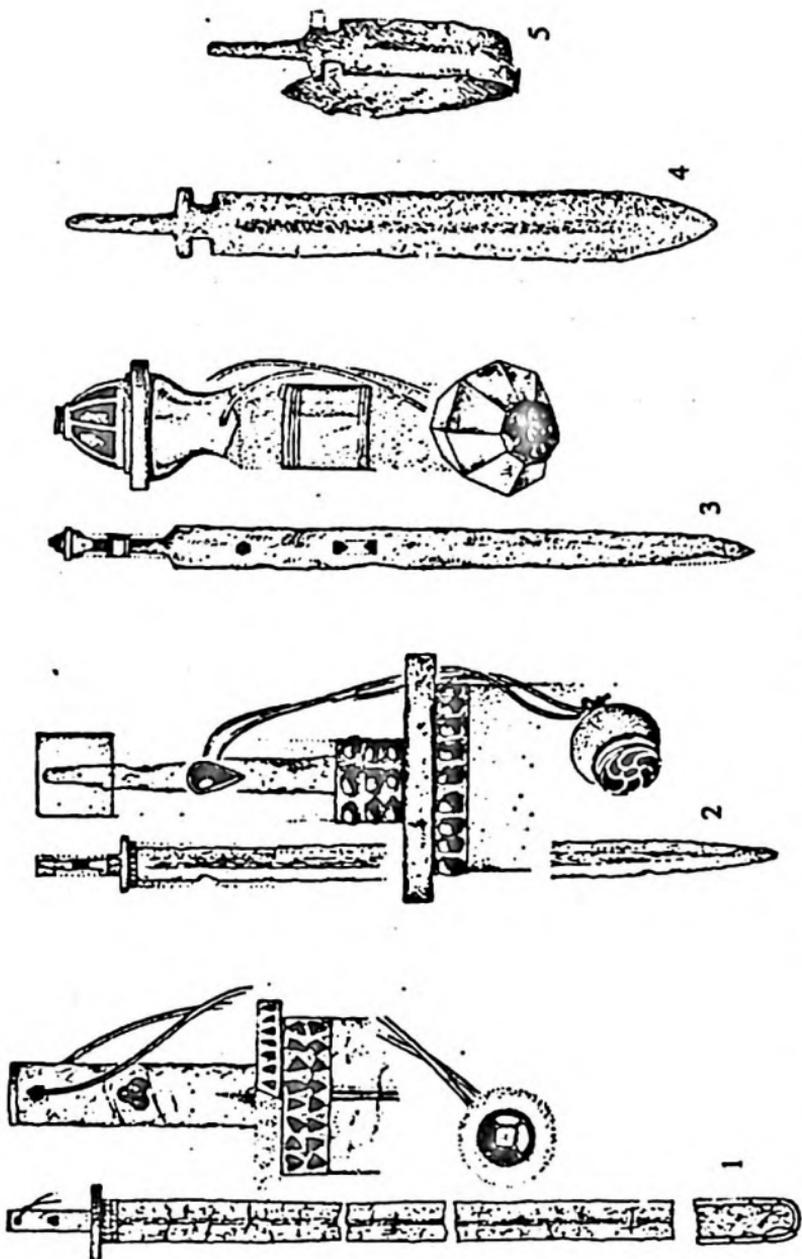

Рис. 48. Длинные (1—3) и короткие (4, 5) железные мечи гуннского времени с территории Венгрии (1, 2, 4, 5) и из Восточного Крыма (3) [Вόла, 1991]

Рис. 49. Деталь (1) диптиха из слоновой кости первой половины V в. н. э. с изображением западноримского главнокомандующего (предполагается, что это Стилихон или Аэций); ножны (2) его меча, подвешенные к поясу на восточный манер при помощи скобы-пронизки, украшены вставками (в реальности цветными) в соответствии с гуннским полихромным стилем [В6па, 1991]

гундской принцессы Хильдегунд и знатного франкского юноши Хагена. В частности, сообщается, что, готовясь к побегу из ставки гуннов, Вальтер подпоясывается «по обычаю паннонцев (= гуннов)» двумя мечами — длинным двулезвийным с левого бока и коротким однолезвийным — с правого. Впоследствии, в бою с нападшими на него франкскими витязями, Вальтер действует сначала длинным мечом, а затем, когда тот ломается, и коротким. Можно предположить, что гунны действительно могли использовать такой набор из двух мечей⁸¹. Следует иметь в виду, что в основе героических преданий эпоса о Нибелунгах действительно лежит исторический факт — разгром гуннами германского племени бургундов в 437 г., поэтому некоторые военные реалии, описанные в «Вальтарии», вполне могли восходить к гуннскому времени. В этой связи примечательно, что, согласно археологическим данным, на вооружении гуннов были как мечи с длинными (до 90 см) прямыми двулезвийными клинками, так и прямые однолезвийные палаши (или тесаки; по-франкски «скрамасаксы») с клинками покороче (50—60 см). Считается, что последние появились в Восточной Европе вместе с гуннами⁸².

Как и лук, меч считался у гуннов сакральным объектом: они поклонялись ему как богу войны. Историк Иордан со ссылкой на Приска Панийского сообщает по этому поводу, что царь гуннов Аттила «по природе

⁸¹ Nickel, 1973.

⁸² Werner, 1956. S. 38—46; Засецкая, 1994. С. 23—34; В6на, 1991. С. 175—176.

своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах» (Iord. *Get.* 183; Prisc. *fr.* 8 D = 1 B)⁸³.

Сохранилось упоминание о гуннском тяжелом поясе, украшенном золотом (Merob. *Pan.* II, 79—80), к которому, надо полагать, подвешивался не менее богато убранный меч.

Важно отметить, что ни один из письменных источников не называет в комплексе вооружения европейских гуннов ни дротики, ни какие-либо другие разновидности копья. Данное обстоятельство, а также тот факт, что в Северном Причерноморье из памятников гуннской эпохи происходит только одна находка

⁸³ См. также: Maenchen-Helfen, 1973. P. 278—280. Культ меча как символа власти и военной мощи хорошо засвидетельствован и у древних народов. В частности, сообщается, что аланы не имеют «ни храмов, ни святилищ... но они втыкают в землю, по варварскому обычаю, обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют» (Amm. Marc. XXXI, 2, 23).

наконечника копья (рис. 47, 13), позволяют согласиться с выводом, что «этот вид оружия не был распространен в гуннском войске»⁸⁴. Конечно же, речь не идет о полном отрицании самой возможности использования копий гуннами вообще. Тот факт, что гунны практически мало использовали копья, может быть объяснен единственно их приверженностью к тактике преимущественно дистанционного боя.

Подобно другим кочевым народам Евразии, гунны использовали в боевых действиях аркан (лассо). По словам Аммиана Марцеллина, гунны «опутывают врагов брошенными с размаха арканами, чтобы, обвязав члены сопротивляющихся, лишить их возможности усидеть верхом или уйти пешком» (Amm. Marc. XXXI, 2, 9). Другой древний автор (Sozom. VII, 26, 8) указывает, что гунны, приготовив лассо, бросали его поднятой правой рукой, опираясь при этом на свой щит, с намерением утащить попавшую в петлю жертву к себе и своим соплеменникам. Необходимой составляющей техники владения лассо было умение захватить неприятеля врасплох, не позволяя ему предпринять какие-либо контрмеры. Конь же самого метателя лассо был приучен быстро останавливаться.

Арканы крепились к седлу или же к поясу самого всадника — в последнем случае при помощи специального блока-грузила. Из могилы хуннского времени в Ильмовой пади (Забайкалье) происходит костяной предмет, представляющий собой, возможно, блок от аркана, а в одном из древнетюркских захоронений мо-

⁸⁴ Засецкая, 1994. С. 35.

гильника Кудыргэ на Алтае был обнаружен его аналог из камня, подвешенный к поясу погребенного. Вот описание кудэргинского блока:

Прямое основание, округлая головка и два отверстия для продевания ремня, закрепленного, судя по сношенности, узлом в большом отверстии... обычная форма подобных блоков⁸⁵.

Для темы боевого применения лассо гуннами представляет интерес один из сохранившихся пассажей из «Истории» Олимпиодора, повествующий о том, что готский военачальник Сар был взят в плен воинами везеготского вождя Атаульфа при помощи арканов (Olymp. fr. 17 D = 18 B). Учитывая, что в армии Атаульфа находились гунны (Zosim. V, 37, 1), можно предположить, что Сара захватили, скорее, именно они. Также обращает на себя внимание один описанный в «Хронографии» Иоанна Малалы эпизод из римско-персидской войны 421—422 гг. В нем рассказывается, как воевавший в рядах имперских войск гот Ареобинд встретился в поединке с персидским витязем Ардазаном. Ареобинд «имел при себе лассо, по готскому обычаю», и когда перс атаковал его с пикой наперевес, то, увернувшись вправо, он набросил на того аркан, стащил с коня и заколол (Malal. 364, 14—17). Присутствующее в этой истории выражение «по готскому обычаю» едва ли следует воспринимать буквально, поскольку сами готы в лучшем случае могли только позаимствовать

⁸⁵ Гаврилова, 1965. С. 31, табл. XVII/3; Хазанов, 1971. С. 51.

лассо — это типичное оружие номадов — и технику обращения с ним у гуннов или аланов.

Б. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Доспехи не были широко представлены в комплексе вооружения гуннов, что полностью соответствовало их тактике (см. главу 14, раздел Б). Сообщается, в частности, что они употребляли щит. Это следует из рассказа Созомена о попытке одного из гуннских воинов во время набега на Мезию пленить при помощи лассо Феотима, епископа города Томы: для того чтобы метнуть аркан, гунн «оперся на щит, как это обыкновенно делал, вступая в сношения с врагами» (Sozom. VII, 26, 8). Этот гуннский щит представлял собой, вероятнее всего, сравнительно небольшой и легкий деревянный щит, обтянутый кожей и потому вполне пригодный для применения в кавалерии. Подобный небольшой щит круглой формы фактически защищал только верхнюю часть туловища конного бойца от ударов вражеского оружия, тогда как его нижнюю часть в какой-то мере прикрывала высокая передняя лука седла жесткой конструкции, которую поэтому при нападении стремились разрубить⁸⁶.

В нашем распоряжении имеются два конкретных упоминания о металлических шлемах у гуннов. В одном случае головной гуннский доспех фигурирует как позолоченный (Megeb. *Pan.* II, 83). В другом Сидоний Аполлинарий говорит о гуннской практике намерен-

⁸⁶ Липец, 1984. С. 68.

ного обезображивания лиц гуннов-мужчин еще в детстве для большего соответствия их нуждам войны: «Затем, для того чтобы над щеками не выдавалась двойная трубка [носа], обвязанный вокруг [головы] бинт сдавливает нежные ноздри, чтобы они входили под шлемы» (Sidon. *Carm.* II, 253—255). Возможно, эти шлемы были снабжены наносниками и относились к известному позднеримскому типу Spangenhelm (нем.), который характеризовался конусовидной формой каркаса, обычно состоявшего из четырех (иногда больше) направленных вверх металлических полос (рис. 47, 17)⁸⁷. Впрочем, упомянутые Сидонием боевые наголовья могли принадлежать к шлемам другого, так называемого «конькового» (англ. ridge) типа, которые в IV—начале V в. существенно преобладали среди других видов римских головных доспехов. Конструктивно они состояли из двух металлических скорлупообразных половин, причем каждая из них, в свою очередь, была либо цельной, либо набранной из нескольких (трех) пластин, и в том или ином виде обе половины скреплялись между собой продольной металлической полосой, своего рода «коньком». Эти шлемы дополнительно снабжались наносником, нащечниками и пластиной для защиты шеи. В качестве их непосредственного прототипа справедливо рассматривается ранне-сасанидский железный шлем, который был найден в Дура-Европос в исключительно драматическом археологическом контексте, имеющем самое прямое отно-

⁸⁷ James, 1986. P. 113—117, 128—134; Bishop, Coulston, 1993. P. 172; Southern, Dixon, 1996. P. 95—96.

шение к осаде этой римской крепости на берегу Евфрата персидскими войсками в 250-е гг. Таким образом, для римских шлемов рассматриваемого типа достаточно надежно установлено восточное происхождение⁸⁸.

С точки зрения попытки атрибуции гуннских боевых наголовий, фигурирующих в тексте Сидония, особый интерес представляет тот факт, что железный, покрытый листовым серебром, шлем «конькового» типа был обнаружен в 1812 г. у с. Концешты (Молдавия) в погребении так называемого «гуннского князя», датированном временем около 400 г. (рис. 47, 16)⁸⁹. Впрочем, несмотря на восточное происхождение головных доспехов этого типа, нет никаких оснований думать, что сами гунны принесли с собой из Центральной Азии как этот, так и другие металлические шлемы. Скорее всего, они заимствовали их из римского комплекса защитного вооружения.

Само собой разумеется, что дорогостоящие металлические шлемы носили только представители гуннской знати, тогда как простые воины имели изогнутые меховые шапки (Аmm. Marc. XXXI, 2, 6; ср.: Hier. Ep. 60, 17), которые служили им и как средство защиты в бою.

Одно из немногих достоверных сообщений в классической нарративной традиции о гуннских панцирях принадлежит Сидонию Аполлинарию в его описании конного поединка Авита, будущего западноримского императора, с гуннским наемником из армии римско-

⁸⁸ James, 1986; Bishop, Coulston, 1993. P. 167, 169—172; Southern, Dixon, 1996. P. 92—95.

⁸⁹ Засецкая, 1994. С. 175, табл. 20/4.

го полководца Литория, воевавшего в 430-х гг. в Галлии (*Sidon. Carr.* VII, 289—294): в финале этого единоборства, уже в третьей своей атаке, римлянин пронзил копьем противника насквозь — так, что панцирь последнего оказался пробитым спереди и сзади. Таким образом, этот доспех защищал не только грудь, но и спину. Возможно, он представлял собой кольчугу — сплошную панцирную рубаху из сплетенных между собой металлических колец. Это предположение в известной степени подкрепляется двумя фактами: во-первых, две кольчуги, одна целая и одна во фрагментах, были найдены в погребальных комплексах гуннского времени на юге России — сегодня это единственные материальные свидетельства применения панцирной защиты гуннским воинством (рис. 47, 12)⁹⁰; во-вторых, к IV в. н. э. кольчуга стала стандартным нательным доспехом для Римской империи и сасанидского Востока, продемонстрировав на практике некоторые преимущества перед остальными видами брони⁹¹. Этот тип панцирной брони был пригоден для использования в кавалерии.

Нательный доспех носил безымянный гуннский (?) правитель, который около 400 г. осуществлял контроль над одной из областей Северопонтийского региона. Наш источник, епископ Амазеи Астерий указывает, что это был «воинский панцирь, усыпанный сокровищами (поскольку вооружение варваров хвастливо и чванливо)» (*Aster. Hom.* 9). Сохранился рассказ При-

⁹⁰ Засецкая, 1994. С. 39.

⁹¹ Bivar, 1972. P. 276—278.

ска Панийского о Зерконе, мавре по происхождению, который, попав в плен к гуннам, стал шутом их правителя Бледы, брата Атиллы. Зеркон повсюду сопровождал своего повелителя, в том числе и в военных походах, облачаясь при этом в специально изготовленный для него — с той целью, чтобы больше забавлять окружающих, — полный панцирный доспех (*Prisc. fr. 11 D = 13,2 B [= Suid. s. v. Ζέρκων]*).

Не вызывает сомнения тот факт, что защитное снаряжение не получило широкого распространения среди основной массы гуннского войска, представлявшей собой легковооруженных конных стрелков. Ношение тяжелых и зачастую богато украшенных доспехов было прерогативой представителей гуннской аристократии и их дружинников, которые делали это, видимо, под римским влиянием.

Говоря о вооружении гуннов, следует иметь в виду то обстоятельство, что они, так же как аланы и готы, после побед над римлянами собирали и затем использовали их оружие (*Oros. VII, 34, 5; Paul. Diac. HR XI, 15; Land. Sag. XII, 188*).

В. КОНСКОЕ И ВСАДНИЧЕСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

В 451 г. во время битвы на Каталаунских полях, после того как гунны были вынуждены укрыться в своем укрепленном лагере, Атила приказал соорудить внутри его костер из конских седел, в который он намеревался броситься, дабы не попасть живым в руки врагов (*Iord. Get. 213; Paul. Diac. HR XIV, 7*). Каркас этих седел, несомненно, был сделан из дерева, иначе

они были бы совершенно непригодны в качестве топлива для костра. На использование гуннами седел жесткой деревянной конструкции, снабженных передними и задними выступами-«луками», определенно указывают находки в погребальных памятниках гуннской эпохи металлических (золотых и серебряных) и костяных обкладок для ленчиков и передней луки⁹² (рис. 50, 2—10). Заметим, что не позднее конца III в. до н. э. деревянные седла применялись центральноазиатскими хунну, которые при необходимости могли сооружать из них временные наземные укрепления, ставя седла друг на друга на большую высоту⁹³ (рис. 50, 1).

Жесткие седла с передней и задней высокими луками арочной формы широко распространились в Восточной Европе именно с приходом гуннов. Такие седла, появившиеся на востоке Центральной Азии еще задолго до гуннской экспансии в западном направлении, давали конным лучниками достаточно надежную опору при скачке и стрельбе даже при отсутствии стремян. Кстати, о последних. Совершенно неприемлемым представляется встречающееся порой в научной литературе утверждение о том, что гуннские воины использовали стремяна. Попытка же обосновать саму возможность использования гуннами стремян тем, что они изготовлялись из органических материалов, которые не сохраняются в погребениях, — не более чем

⁹² Werner, 1956. S. 50—53; Дмитриев, 1979; Засецкая, 1994. С. 45—50; Bóna, 1991. S. 68, 177, 179; Lebedynsky, 2001. P. 197—199.

⁹³ Кызласов, 1973. С. 26—27.

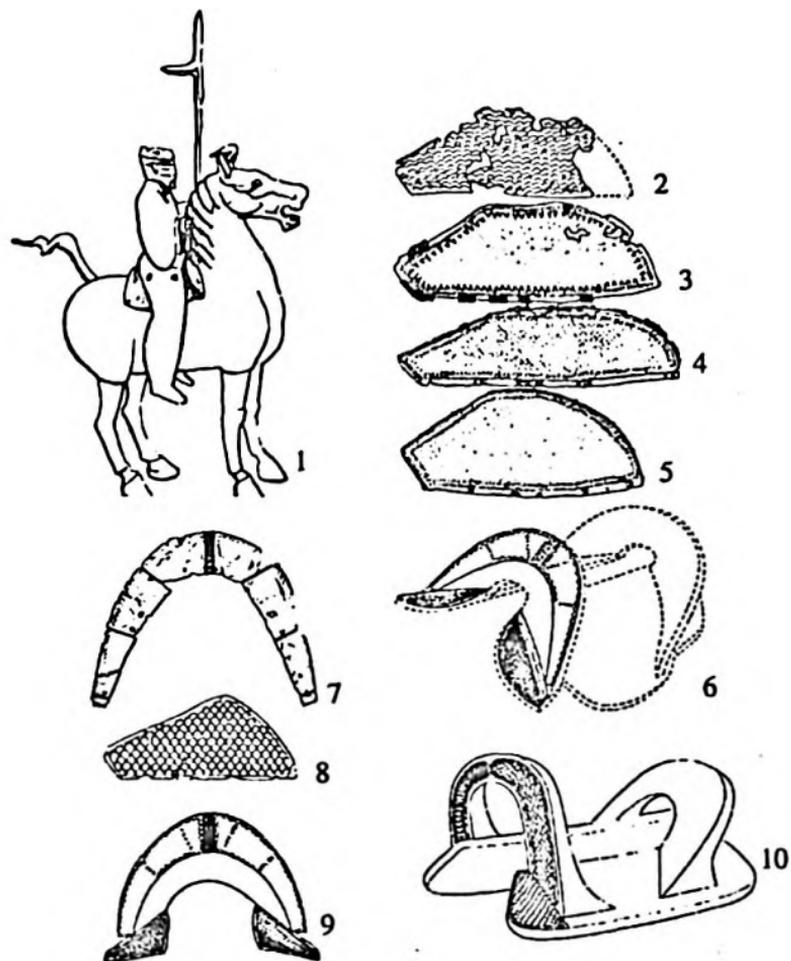

Рис. 50. Хунно-гуннские седла:

1 — бронзовая статуэтка китайского всадника эпохи Хань, жесткое седло под которым имеет жесткую конструкцию и явно появилось в древнекитайской кавалерии под влиянием хунну; 2—5, 7, 8 — сохранившиеся детали жестких седел (металлические облицовки выступающих частей ленчика и передней луки) из захоронений V в. н. э., раскопанных, соответственно, под Новороссийском и в Запорожской области; 6, 9, 10 — реконструкции внешнего вида гуннских седел (1 — [Попов, 2001]; 2—6 — [Дмитриев, 1979]; 7—9 — [Засецкая, 1994]; 10 — [Вбпа, 1991])

гипотеза, требующая более строгих доказательств, нежели чисто логические рассуждения. Вообще же реальные стремена, сначала деревянные, окованные листовым металлом, а потом и цельнометаллические, появились в странах Дальнего Востока в IV—V вв. н. э. Не позднее середины I тысячелетия н. э. железные стремена попали оттуда в Центральную Азию и Южную Сибирь, а затем, при посредстве аваров, двинувшихся в то время на запад, они были занесены в Европу⁹⁴, где их применение не фиксируется ранее конца VI в.

Гунны же стремян, естественно, еще не знали, да, собственно говоря, для умелого использования своих луков и тактики они в этом новшестве особенно и не нуждались. Для этого им было вполне достаточно иметь под собой жесткое седло с высокими передней и задней вертикальными луками, которые давали им надежную опору при ведении эффективной стрельбы вперед и с оборотом назад⁹⁵.

Из элементов конской сбруи у гуннов источниками упоминаются уздечка (*Prisc. fr.* 8 D = 13, 1 B), покрытые листовым золотом крюкообразные удила (*Мегр. Рав.* II, 81) — скорее всего, мундштучного (строгого) типа, нащечная часть которых имела форму изогнутых стержней-«рычагов», а также нагрудные фалары, украшенные драгоценными камнями (*Iord. Get.* 258). Детали украшения уздечек и простые биметаллические двусоставные удила были обнаружены при рас-

⁹⁴ Bivar, 1972. P. 287.

⁹⁵ Никоноров, 2003.

копках памятников гуннского времени на юге Восточной Европы (рис. 51).

Из всаднических принадлежностей у гуннов древние авторы называют плети-нагайки (Callin. *VH VI*, 2), известные также по находкам их деталей в погребениях гуннского времени⁹⁶. Важно отметить, что этот обязательный для каждого конного воина-кочевника предмет снаряжения, часто отделанный металлическими деталями, мог использоваться не только как средство управления конем, но и в качестве оружия ближнего боя. Еще одной функцией нагаек была передача условных тактических сигналов во время боевых действий (Callin. *VH VI*, 2; Veget. *ERM III*, 5). Добавим, что, как показывают дошедшие до нашего времени изобразительные и материальные свидетельства, у всаднических и коневодческих народов нагайка служила символом высокого социального положения и власти⁹⁷.

В древней литературной традиции особенно оттеняется любовь гуннов к украшению своего оружия и конского снаряжения золотом и драгоценными камнями (Prisc. *fr.* 8 D = 13, 1 B⁹⁸; Aster. *Hom.* 9; Merob. *Pan.* II, 79—83; Iord. *Get.* 258). В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что именно в гуннскую

⁹⁶ Werner, 1956. S. 54; Lebedynsky, 2001. P. 200—201.

⁹⁷ Harper, 1982.

⁹⁸ Говоря об этом как очевидец, Приск Панийский тем не менее отмечает очень скромное оформление меча, обуви и конской уздечки, которыми пользовался сам Атила, что, очевидно, было отнюдь не характерно для других представителей гуннского нобилитета.

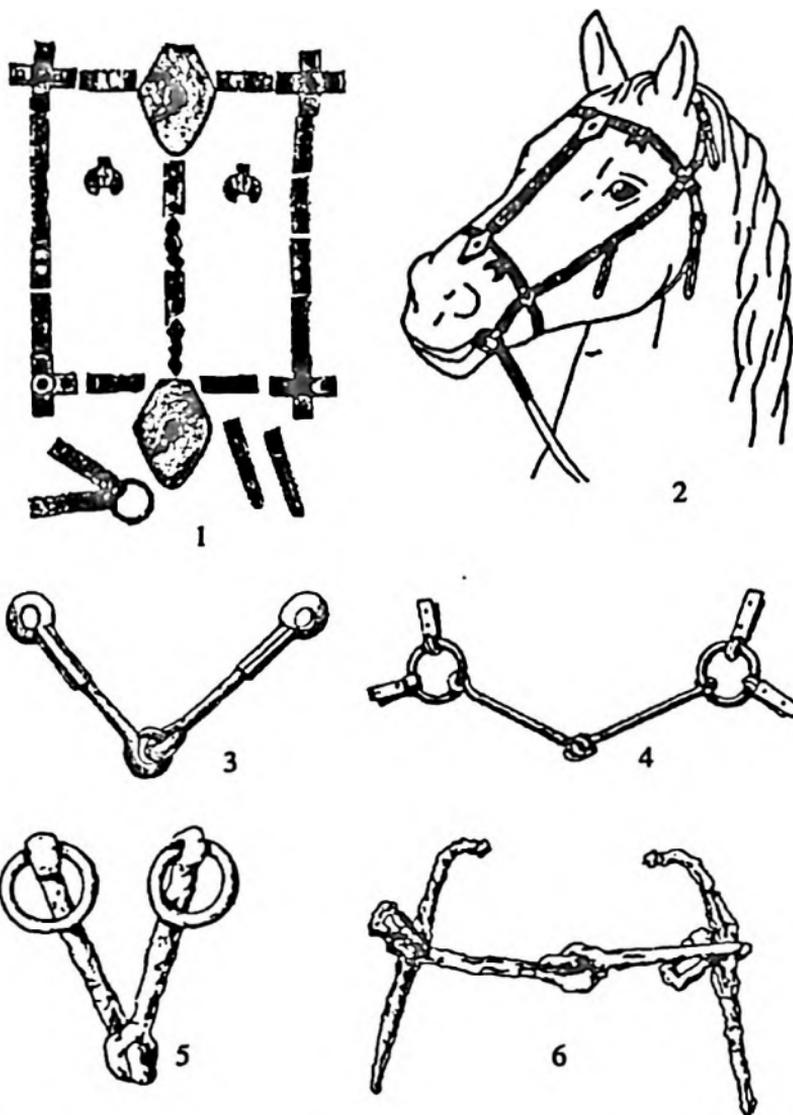

Рис. 51. Конская узда у гуннов по находкам из погребений Северного Причерноморья и Поволжья:

1, 2 — набор украшений уздечного набора (золото, сердолик, алмадины) и его реконструкция; 3—6 — металлические двусоставные удила (1 — [Засецкая, 2002]; 2—6 — [Засецкая, 1994])

эпоху в ювелирном искусстве Юго-Восточной Европы сложился так называемый полихромный стиль, т. е. техника орнаментирования сделанных из золота и серебра или же покрытых золотой фольгой украшений и декоративных элементов предметов быта, включая оружие и конское убранство, вставками из цветного стекла и полудрагоценных камней (рис. 46, 1—4; 48, 1—3; 49, 2; 51, 1—2)⁹⁹.

⁹⁹ Засецкая, 1975; 1994. С. 50—97.

ВОЕННАЯ ИЕРАРХИЯ ГУННОВ

Социально-политическая организация у европейских гуннов всегда была сугубо военизированной, поскольку материальной основой их общества служила добыча, захваченная в ходе грабительских набегов и войн. В соответствии с развитием гуннской государственности менялся и характер власти военных лидеров гуннов. На самом раннем этапе их завоеваний в роли военачальников выступали старейшины (лат. *prīmates* — 'знатные', 'влиятельные'), избираемые из представителей родовой аристократии (*Аmm. Marc. XXXI, 2, 7*). При необходимости, например, для ведения боевых действий против серьезного противника отдельные гуннские племена объединялись в союз, а из числа их старейшин назначался главнокомандующий союзными силами — в качестве такового и надо рассматривать Баламбера, который под титулом «царь» (гex) в 370-е гг. возглавил войну против причерноморской готской державы (*Iord. Get. 130; 248; 249*). Возможно, что именно Баламбер и являлся тем безымянным гуннским правителем (*ὁ κρατῶν*), который, по со-

общению церковного историка Созомена, первым напал на приазовских готов. Правда, только после того, как первоначальный натиск гуннов небольшими отрядами не увенчался успехом, они, собрав большие силы, победили готов (Sozom. VI, 37, 4—5). Впрочем, лидерство Баламбера было, скорее всего, временным, и он, по-видимому, сложил свои полномочия сразу же после успешного завершения готской кампании. По крайней мере, когда в 394 г. римский император Феодосий I выступил против узурпатора Евгения, то он привлек в свою армию «многих из фракийских (т. е. кочевавших по левому берегу Дуная напротив Фракии. — В. Н.) гуннов с сопровождающими [их] *филлархами*» (Joan. Ant. fr. 187). Очевидно, что под *филлархами* (греч. φύλαρχοι — 'главы племен') здесь необходимо понимать вождей отдельных гуннских племен, каждый из которых вел свои ополчения самостоятельно.

Следующий временный союз гуннских племен сложился в Северном Причерноморье под угрозой голода в 395 г. Во главе его встали два вождя, «мужи из царских скифов [= гуннов], командующие большим числом [войск]» — Басих и Курсих, под руководством которых гуннские орды вторглись на Ближний Восток. Позднее эти же правители вели переговоры с Римом (Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B).

Около 400 г. в письменных источниках упоминается еще один, правда безымянный, гуннский (?) вождь, правивший где-то в Северопонтийском регионе, причем он называется не иначе как «предводитель и царь», а его статус военного лидера отчасти подтверждается

фактом ношения им воинского панциря (*Aster. Nom.* 9). Впрочем, остается неизвестным, был ли он главой отдельного племени или же ему подчинялась племенная конфедерация.

На рубеже IV и V вв. среди вождей гуннских племен, обитавших к северу от Дуная, выдвинулся Ульдин. Он получил особую известность как опытный военачальник, победивший мятежного восточноримского военачальника Гайну, гота по происхождению, когда тот в 400 г. попытался укрыться от преследования со стороны константинопольских властей за Дунаем. В качестве союзника западноримского главнокомандующего — вандала Стилихона Ульдин принял участие в разгроме войска готского вождя Радагайса при Фьезоле (в Италии) в 406 г. В 408/409 г. он совершил широкомасштабное, но неудачное вторжение в римскую провинцию Фракию, после которого навсегда исчез с исторической арены.

Около 412 г. в поле зрения письменных источников попадает гуннский правитель по имени Харатон, названный римским историком Олимпиодором «первым среди вождей» (ὁ τῶν ῥῆγῶν πρῶτος: *Olymp. fr.* 18 D = 19 B), — его титул, несомненно, указывает на то, что он возглавлял союз гуннских племен, каждое из которых управлялось вождем (ῥῆγ). Олимпиодор особо отмечает высокое искусство этих вождей в стрельбе из лука, лишней раз подчеркивая военизированный характер их власти. Правда, власть Харатона как «первого среди вождей», скорее всего, не была единоличной, и он являлся только «первым среди равных». На уровне возглавляемого им союза гунн-

ских племен он был наделен, прежде всего, функциями верховного главнокомандующего.

Военными лидерами были и все без исключения последующие гуннские правители. В этой связи примечательно, как особо подчеркивается в наших источниках значение одного из них — Уптара (Октара) — в качестве верховного главнокомандующего. Когда он умер во время похода против бургундов (около 430 г.), то его 10-тысячное войско, неожиданно оставшись без полководца, оказалось настолько деморализованным, что было разгромлено врагами, значительно уступавшими им в численности, — бургундов было всего три тысячи (Socr. Schol. VII, 30, 6; Cassiod. *Hist.* XII, 4).

Эволюция власти военных лидеров гуннов нашла свое логическое завершение в лице Аттилы, являвшегося монархом, по сути, с неограниченной властью. Не случайно некоторые ученые называют Аттилу «главой крупного объединения государственного типа», причем величина и мощь последнего «позволяют называть его империей»³⁷, а сам он рассматривается в качестве основателя «варварского» государства нового типа — предвестника степных империй средневековой эпохи³⁸.

Правители гуннов (они же и верховные главнокомандующие) происходили из особого клана, определяемого Приском как «царский род» (Prisc. *fr.* 1 D = 2 B) или «царские скифы [= гунны]» (Ibid. *fr.* 1; 5; 8; 14 D = 2; 9, 3; 11, 2; 13, 2; 15, 4 B). Судя по тому, что

³⁷ Плетнева, 1982. С. 45.

³⁸ Wirth, 1967.

к этому клану принадлежали упомянутые выше Басих и Курсих, он должен был выделиться из остальных гуннских родов не позднее конца IV в. В него, наряду с правящими монархами и их семьями, входили и другие их родственники, среди которых могут быть упомянуты Мундзук (Мундиух), отец Бледы и Аттилы, и его брат Оербасий. В своем послании к восточноримскому императору Феодосию II Аттила специально подчеркивает тот факт, что он унаследовал от своего отца «благородное происхождение», т. е. достоинство правящего рода (Ibid. *fr.* 12 D = 15, 2 B). При Бледе и Аттиле царские сородичи, в частности, возглавляли посольства на переговорах с римлянами, причем та контрибуция, которая выплачивалась последними по условиям заключенных договоров, поступала в распоряжение самих «царских гуннов» (Ibid. *fr.* 1 D = 2 B). Принимали они участие и в военных кампаниях. Верховная власть над гуннами передавалась только внутри царского рода, а принцы становились правителями важных областей государства, как это было в случае с назначением Аттилой его старшего сына главой над акацирами и другими племенами, жившими в степях Северного Причерноморья (Ibid. *fr.* 8 D = 11, 2 B).

Для времени Аттилы сообщается, что следующее за царем место в военно-политической иерархии гуннов занимали так называемые *логеды* (греч. λογάδες — 'избранные', 'отборные'). Наиболее подходящее значение для этого термина — «военная элита». Приск Панийский конкретно упоминает нескольких логедов из числа приближенных гуннского царя (Prisc. *fr.* 7; 8 D = 11, 1; 2; 13, 1; 14 B): это Онегисий — второй по

значению человек в государстве после Аттилы; брат Онегисия Скотта, который наравне с ним мог говорить и действовать перед Аттилой; Эдикон — человек, снискавший себе особую славу своими ратными успехами; Берих — лицо знатного происхождения и начальник многих селений в гуннской державе; Орест — римлянин (!) из Паннонии, слуга и личный секретарь самого Аттилы³⁹. Уже из одного только этого списка видно, что состав логодов формировался на самых разных основаниях (знатность рода, имущественное положение, боевые заслуги и т. п.) с обязательным соблюдением принципа личной преданности государю. Различным было и влияние на государственные дела, как и участие в них, отдельных представителей этой элитарной группы. Так, особо подчеркивается, что положение Ореста было не столь высоким и важным в сравнении с Эдиконом. Не все (к примеру, все тот же Орест), но, по крайней мере, наиболее могущественные из логодов выполняли важные военные функции.

³⁹ Орест присоединился к Аттиле во время визита последнего в Италию (Ехс. Vales. 38). Впоследствии, уже после смерти Аттилы, Орест вернулся в Италию, добился звания патриция и даже посадил на престол своего сына Ромула Августула — последнего правителя Западной Римской империи, который в 476 г. был свергнут вождем скиров Одоакром, убившим в ходе своего вторжения в Италию самого Ореста (Ibid. 36—38). Любопытно, что, согласно имеющимся данным, Одоакр был сыном Эдикона, т. е. другого высокопоставленного приближенного Аттилы, который после развала гуннской державы стал одним из вождей племени скиров — давних подданных и союзников гуннов.

В круг их обязанностей входил, в частности, дележ добычи, включая пленных, причем сами они претендовали на лучшую, по сравнению со своими подчиненными, часть из захваченного, уступая это право только самому Аттиле. Главную же роль в военных мероприятиях Аттилы играли, судя по всему, Эдикон и Онегисий, названные его «ближайшими сподвижниками». Они, вне всякого сомнения, входили в число упомянутых Приском (*Ibid. fr. 5 D = 9, 3 B*) «полководцев, имевших величайшую славу у скифов [= гуннов]». Добавим, что Эдикон был одним из тех логодов, что были отобраны для несения караульной службы при особе государя и в определенные дни по очереди приходили вооруженными его охранять. На логодов могли возлагаться поручения дипломатического характера. Формировали они также и некое подобие совета при царе, на котором им оставалось, по сути, лишь прорабатывать решения, уже принятые тем единолично.

Помимо логодов, в ближайшее окружение Аттилы входили также правители подвластных ему восточногерманских народов — Ардарих, вождь гепидов, и Валамир, вождь остроготов. Они были исключительно преданы своему суверену и — единственные из всех других иноплеменных царьков — пользовались его любовью и доверием (*Iord. Get. 199—200*). К тому же находившиеся под командованием Ардариха и Валамира вооруженные силы составляли важную часть гуннской армии, и потому их реальное влияние на военную политику Аттилы было достаточно весомым.

Некоторые данные о структуре военной организации европейских гуннов в начале V в. содержатся в

рассказе Созомена о вторжении гуннского правителя Ульдина во Фракию (408/409 н. э.). Согласно нашему источнику, войско гуннов состояло из «родственников» (οἰκεῖοι), «командиров» (λοχαγοί), а также «их подчиненных» (ὕπ' αὐτοῦς τεταγμένοι) (Sozom. IX, 5, 4). Не подлежит сомнению то, что под последними следует понимать основную массу гуннских воинов незнатного происхождения, а также союзников Ульдина из германского племени скиров, принимавших участие в этом походе (Ibid. IX, 5, 5; CTh V, 6, 3). Первые же «родственники», возможно, были сородичи главнокомандующего (что-то вроде упомянутых выше членов «царского рода» или «царских скифов/гуннов» Приска Панийского), которые стояли во главе ополчений подвластных Ульдину гуннских племен. Вторые, «командиры» (лохаги), судя по всему, командовали отдельными отрядами в составе этих ополчений. Точная численность вверенных лохагам подразделений неизвестна, но можно предположить, что каждое из них насчитывало 100 воинов и представляло собой, таким образом, организационную единицу так называемой «азиатской десятичной системы», характерной для конных армий древних и средневековых центральноазиатских кочевников.

«Десятичная система», т. е. деление войска на отряды, сформированные по десяткам, сотням, тысячам и десяткам тысяч воинов, определенно существовала у хунну (см. главу 2), поэтому неудивительно, что она имела место и в воинской среде европейских гуннов. Подтверждение этому содержится в «Сказании о битве готов с гуннами», сохранившемся в древнесканди-

навском литературном памятнике «*Heiðvararsaga*» и отражающем историческую реальность — военный конфликт между готами и гуннами в последней трети IV или же во второй половине V в. Из текста «Сказания» следует, что боевой порядок гуннского войска был построен по сотням и тысячам воинов, т. е., другими словами, в соответствии с традиционной для Центральной Азии «десятичной системой»⁴⁰.

Знатнейшие и влиятельнейшие гунны имели свои дружины. Приск приводит рассказ о своей встрече в ставке Атиллы с неким греком из Мезии, который попал в плен к гуннам и при дележе добычи отошел к Онегисию, а затем боевыми подвигами и — что обязательно требовалось гуннским законом — захваченной добычей выкупил себе свободу у своего господина. Однако он не пожелал вернуться домой и остался на службе у Онегисия как его «сотрапезник» (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B), т. е., скорее всего, воин с привилегированным статусом. При описании его внешнего вида наш источник подчеркивает, что он походил на «скифа» (= гунна), живущего в роскоши, был хорошо одет, а его голова была пострижена «в кружок». По-видимому, он входил в круг тех ближайших сподвижников Онегисия, которые имели такую весьма существенную привилегию, как право помыться в каменной бане своего предводителя (*Ibid.*). В качестве дружинников, очевидно, должны рассматриваться и упомянутые все тем же Приском «те, [кто] вокруг Эдикона» (*Ibid.*).

⁴⁰ Wolfram, 1993. P. 13; Вольфрам, 2003. С. 147.

Собственная дружина была, несомненно, и у самого Аттилы. Сообщается, что его шатер охранялся кольцом многочисленной стражи, а в его дворце находились стражники и слуги свиты (букв.: «сопровождающие») (Ibid.). В битве на Каталаунских полях Аттила находился в центре боевого порядка своей армии вместе с храбрейшими воинами (Iord. *Get.* 198), а в церемонии его похорон приняли участие «отборнейшие всадники из всего гуннского народа» (Ibid. 256): в тех и других можно видеть, в том числе, и бойцов его личной дружины.

ГЛАВА 13

ГУННСКОЕ ВОЙСКО

А. Конница

Костяк армии у гуннов составляла кавалерия, бойцы которой были вооружены мощным сложносоставным луком, длинным мечом и арканом (рис. 52). Только знатные воины могли иметь какие-либо виды металлических доспехов (рис. 53) (см. главу 11, разделы А и Б). Гунны были «очень сильны в верховой езде» (*Iord. Get.* 128), становясь прекрасными наездниками благодаря обучению с раннего детства, и в этом они походили на аланов (*Amm. Marc.* XXXI, 2, 20; 21) — кочевой народ сарматского происхождения. Не случайно Вегетий, автор военно-теоретического труда «Краткое изложение военного дела», созданного где-то между 383 и 450 гг., пытаясь в порыве восторга отметить высокое искусство римского императора как кавалериста, не нашел для сравнения лучшего примера, чем мастерское владение конем у гуннов и аланов (*Veget. ERM* III, 26).

Рис. 52. Рядовой гуннский кавалерист конца IV—середины V в.
Реконструкция А. В. Сильнова

Рис. 53. Знатный гуннский воин середины V в.
Реконструкция А. В. Сильнова

В следующей главе мы подробно остановимся на тактике гуннской конницы, сейчас же только отметим, что конные отряды из числа аланов и других сарматских племен, зависимых от гуннов или же союзных им, присоединялись к их кавалерии для проведения совместных акций — главным образом грабительских набегов (Amm. Marc. XXXI, 3, 1; 3; 8, 4; 16, 3; Ps.-Aug. Vict. XLVII, 3; Auson. VIII, 1, 31; ср.: Auson. XXVI, 26, 8–9; Pacat. 11, 4), увеличивая тем самым мощь натиска гуннской орды. Правда, в комплексе вооружения аланов лук не играл столь важной роли, как у гуннов, тогда как рукопашный бой занимал в аланской тактике гораздо более серьезное место. Хотя Аммиан Марцелин и утверждает, что аланы, подобно гуннам, отличались быстротой из-за легкости своего вооружения (Amm. Marc. XXXI, 2, 21), они, по-видимому, располагали также и тяжеловооруженной конницей (рис. 54). Так, при описании битвы при Недао (454 н. э.) Иордан упоминает «алана, строящего ряды с тяжелым... вооружением» (Iord. Get. 261)⁴¹.

Говоря о коннице гуннов, необходимо упомянуть их коней, вообще игравших огромную роль в повседневной жизни этого народа. Письменные источники утверждают, что гунны все делали, сидя верхом: сражались, заключали всякого рода сделки, совещались друг с другом, ели и пили и даже спали (Amm. Marc.

⁴¹ В целом о характере военного дела сарматов, в том числе аланов, см.: Хазанов, 1971; Нефёдкин, 2003; Simonenko, 2001; Bachrach, 1973: 23–24, 85–93; Lebedynsky, 2001: 40–49.

Рис. 54. Аланский тяжелооруженный всадник V в. Реконструкция А. В. Сильнова

XXXI, 2, 6—7; Zosim. IV, 20, 4; ср.: Prisc. *fr.* 1; 8 D = 2; 11, 2 B; Iord. *Get.* 128; Mauric. XI, 2, 19 M = XI, 2, 68 D). Латинские писатели, современники вторжений гуннов, сравнивали их с полулюдьми-полуконями — кентаврами (Claud. III, 329—330; Sidon. *Carm.* II, 262—266; ср.: Amm. Marc. XXXI, 2, 6). Было также распространено мнение, что гунны с трудом ходили пешком (Amm. Marc. XXXI, 2, 6; Zosim. IV, 20, 4; Hier. *Ep.* 60, 17; Suid. s. v. Ἀκροσφαλεῖς; ср.: Mauric. XI, 2, 19 M = XI, 2, 68—70 D). Впрочем, оно основывалось исключительно на некоторой неуклюжести их походки, свойственной всем другим кочевым народам, для которых конь был главным средством передвижения⁴².

Аммиан Марцеллин называет гуннских коней внешне уродливыми, но выносливыми (Amm. Marc. XXXI, 2, 6), тогда как св. Иероним противопоставляет гуннских кляч (*caballi*) римским скакунам (*equi*) (Hier. *Ep.* 60, 17), однако он же отмечает стремительность первых (*Ibid.* 77, 8). Но наиболее полную информацию о гуннских лошадях дает уже упоминавшийся выше Вегетий во втором своем труде — руководстве по ветеринарии. В нем он, в частности, указывает, что кони гуннов более других пригодны для использования на войне благодаря их высокой выносливости, работоспособности и стойкости к холоду и голоду (*Veget. DAM* III, 6, 2). Он особо отмечает исключительную приспособленность гуннских коней к зимним пастбищам, воспитываемую с младенчества, их стойкость по отношению к морозам и снегу (*Ibid.* II pr. 1—2).

⁴² Maenchen-Helfen, 1973. P. 207.

В другом месте своего руководства Вегеций подробно описывает их внешний вид:

У гуннских [коней] большая и крюкообразная голова; выпуклые глаза; узкие ноздри; широкие челюсти; мощная и твердая шея; гривы, свисающие ниже колен; большие ребра; изогнутый хребет; густой хвост; очень крепкие берцовые кости; короткие ноги; плотные и широкие копыта; впалая брюшная полость и целиком костлявое тело; нет никакого жира в ягодицах, никаких выпуклостей в мускулах; стан более склонен к длине, чем высоте; тощий живот; прочные кости; их худоба привлекательна, и в самой уродливости обнаруживается красота; [у них] сдержанная, разумная и переносящая раны натура.

(Ibid. III, 6, 5)

Все эти данные авторитетного римского специалиста в вопросах военной и ветеринарной служб очень важны для нас еще и как ценное свидетельство современника о высоких природных и боевых качествах гуннских скакунов. Особо в источниках подчеркивается их долголетие, превышающее 50 лет (Isid. *Etym.* XII, 1, 44; Veget. *DAM* III, 7, 1). По всей видимости, именно такого чрезвычайно приспособленного к военному делу коня с массивной «крюкообразной» головой, длинным корпусом и густым хвостом можно видеть на бронзовой бляхе из Ордоса, где изображен, скорее всего, хуннский всадник (рис. 7, 3, 5). Отличительными чертами гуннских, да и всех прочих лошадей степного центральноазиатского происхождения, рождавшихся и воспитывавшихся в довольно суровых кли-

матических условиях на основе круглогодичного пастбищного табунного содержания на подножном корме, всегда были исключительная выносливость, неприхотливость и достаточно высокая скорость. Все это делало их грозным фактором военной мощи древних и средневековых кочевников, орды которых периодически и со всеокрушающей силой накатывались на Европу.

Данные об использовании гуннами их коней могут быть дополнены интересными сведениями о кочевниках-тюрьках из арабской литературной традиции IX в., где говорится следующее:

Тюрок садится верхом на жеребца или кобылу и выезжает в набег, в путешествие, удаляясь в поисках дичи или же по иной причине, — а за ним следуют кобыла и ее жеребята. Если он не в состоянии охотиться за людьми, то охотится на диких зверей; если он терпит в этом неудачу и нуждается в пище, то режет одну из своих лошадей, а если испытывает жажду, то доит одну из своих кобыл. Если он дает отдых одной [лошади], то пересаживается на другую без того, чтобы сойти на землю⁴³.

Очевидно, во многом такая практика была характерна и для гуннов, вышедших из той же самой природно-географической среды Центральной Азии, что и тюрьки. Более того, относительно гуннов утверждается, что если их настигал голод, а это бывало довольно часто, особенно во время военных действий, то они

⁴³ Мандельштам, 1956. С. 231.

не останавливались даже перед тем, чтобы вскрыть вены своим коням и питаться их кровью (Isid. *HG* 29).

Согласно данным из средневековых мусульманских источников, кобылы были наиболее пригодны для быстрых экспедиций и ночных атак, жеребцы — для открытых битв и длительных походов, а кастрированные самцы (мерины) — для засад и патрулей⁴⁴. В античной литературе подчеркивается, что использование коней-самцов в военном деле обязательно предполагало их выхолащивание, ибо в противном случае они, особенно при виде кобыл, могли вести себя чрезвычайно несдержанно и вообще выйти из-под контроля, что во время боевых действий было недопустимо. Известно, что жеребцов кастрировали скифы и сарматы, а также германцы-квады (Strabo VII, 4, 8; Amm. Marc. XVII, 12, 2). Добавим к этому, что все лошади, которые были обнаружены в знаменитых пазырыкских погребениях, устроенных в слое вечной мерзлоты на Алтае, были меринами. Выхолащивание вообще является необходимым элементом практики степного коневодства, и центральноазиатские кочевники, включая хунну и гуннов, несомненно, ездили верхом в основном на меринах⁴⁵.

Следует особо отметить, что конь занимал очень значительное место в культовой обрядности гуннов. На это, прежде всего, указывает тот факт, что в погребениях гуннской эпохи, раскопанных на юге России и в Казахстане, наряду с предметами конского снаряже-

⁴⁴ Hyland, 1998. P. 127.

⁴⁵ Maenchen-Helfen, 1973. P. 213—214.

ния, иногда встречаются захоронения шкур и отдельных костей скелетов коней и даже целых скакунов⁴⁶.

Использование гуннами лошадей не ограничивалось верховой ездой — они также запрягались в их кибитки (Amm. Marc. XXXI, 2, 10; Iord. *Get.* 211; Max. Tur. *Hom.* 94; Iord. *Get.* 210; Paul. Diac. *HR* XIV, 7), которые служили в качестве транспортного средства для членов семей гуннских воинов, их жен и детей, а также для перевозки имущества и добычи. В своих набегах на балканские провинции гунны переправлялись через замерзший Дунай в том числе и «на колесах», т. е. в кибитках (Claud. V, 26—28; Sidon. *Carm.* II, 269—270). Вместе с телегами для перевозки понтонов (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B), кибитки также могли использоваться для создания укрепленного лагеря (см. главу 14, раздел Г).

Б. ПЕХОТА

Как уже отмечалось выше, древние авторы утверждали, будто сами гунны не могли быть хорошими пешими воинами, поскольку плохо передвигались по земле на своих собственных ногах. Само собой разумеется, что эта якобы физическая неспособность гуннов нормально ходить пешком — не более чем преувеличение, однако правда и то, что такие прекрасные природные наездники-воины, как гунны, были далеко не столь эффективны в пешем бою. Как наглядно демонстрирует нам неудачная осада гуннским отрядом

⁴⁶ Засецкая, 1994. С. 12—23.

укрепленного монастыря во Фракии в 395 г. (Callin. *VH VI*, 1—2), спешившиеся гуннские всадники были не способны самостоятельно взять фортификационные сооружения. Военная мощь гуннов покоилась единственно на их коннице. В то же время, пешие подразделения, несомненно, были крайне необходимы гуннской армии, в первую очередь, при ведении осадных операций, а также для действий на территории, труднодоступной для кавалерии (в лесных массивах, горных и холмистых местностях и т. п.). На самой ранней стадии своего пребывания в Европе (370—380-е гг.), когда их главные становища располагались еще в степях Северного Причерноморья, гунны совершали вторжения в Подунавье лишь сравнительно небольшими мобильными отрядами, часто действовавшими в союзе как с сармато-аланами, так и с готами (Amm. Marc. XXXI, 8, 4; 16, 3; Ps.-Aug. Vict. XLVII, 3; XLVIII, 5; ср.: Pocat. 11, 4), скирами и карподаками (Zosim. IV, 34, 6). В отличие от кочевников-аланов, искушенных во всадническом искусстве, готы, скиры и карподаки при проведении боевых операций, как это было типично для оседлых народов так называемой варварской Европы, полагались только на пешее войско, и потому конники-гунны, принимавшие тогда участие в совместных с ними набегах, получили первый опыт взаимодействия с пехотой.

Впрочем, твердо обосновавшись в первой половине V в. на берегах Дуная и начав активные военные действия на Западе, гунны уже не могли обойтись без значительных контингентов пехоты. С этого времени их правители начали придавать процессу вербовки пе-

ших бойцов из среды подвластных им племен, прежде всего германских, гораздо более регулярный и организованный характер. Так, в войске Ульдина в начале V в. находились скиры (Sozom. IX, 5, 5; CTh V, 6, 3), а остроготы и гепиды формировали при Атилле цвет союзного гуннам воинства и сражались в составе его армии на Каталаунских полях в 451 г. (Iord. *Get.* 199; 200; 209; 217).

В рассматриваемое время главной силой войск остроготов, как и других германских народов, была пехота. Правда, согласно сообщению Вегеция, римская кавалерия улучшила свое вооружение по примеру *готов* (курсив мой. — В. Н.), аланов и гуннов (Veget. *ERM* I, 20), и это определенно свидетельствует в пользу того, что готы располагали достаточно боеспособной конницей. Действительно, можно допустить, что, начиная с последней четверти IV в., под гуннским и аланским влиянием кавалерия начинает играть в тактике восточных готов довольно значительную роль. Так, атака конного отряда, ведомого остроготскими военачальниками Алафеем и Сафраком, оказала очень серьезное воздействие на исход битвы при Адрианополе в 378 г. (Amm. Marc. XXXI, 8, 10; 12, 12; 17; Oros. VII, 33, 14). Впрочем, судя по всему, основу кавалерии Алафея и Сафрака составляли аланы и гунны, тогда как ее готская часть была представлена лишь небольшим числом воинов знатного происхождения⁴⁷. В любом случае, не стоит переоценивать значение кон-

⁴⁷ Burns, 1984. P. 189.

ницы в военной практике восточных готов до VI в.⁴⁸ В качестве наступательного оружия готы использовали копья и мечи, для защиты они использовали щиты, а также шлемы, последние носили в основном представители готской военной знати (рис. 55; 56).

В. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЧАСТИ

В гуннской армии, по крайней мере в правление Атиллы, существовала очень хорошо организованная инженерно-техническая служба. В ее состав входило специальное подразделение, обслуживавшее при осадах вражеских укреплений метательные машины (см. главу 14, раздел В), персонал которых, за исключением лучников, набирался из пленных и дезертиров, но никак не из числа самих гуннов.

Задачей другой инженерной части было наведение мостов через водные преграды и заболоченные местности, для чего она была оснащена плотами-понтонами, которые перевозились на специальных телегах (*Prisc. fr. 8 D = 11, 2 B*). В планировании и проведении кампаний ей отводилась существенная роль. Так, в 442 г., приступая к осаде города Наисса на Дунае, гунны первым делом навели через реку мост, благодаря которому они сумели подтащить осадные орудия прямо к его стенам (*Prisc. fr. 1b D = 6, 2 B*). Для преодоления водных препятствий, наряду с понтонными, использовались также лодки-однодеревки, обслуживание которых производилось специальными перевозчиками (*Prisc.*

⁴⁸ См.: Thompson, 1965. P. 116—118.

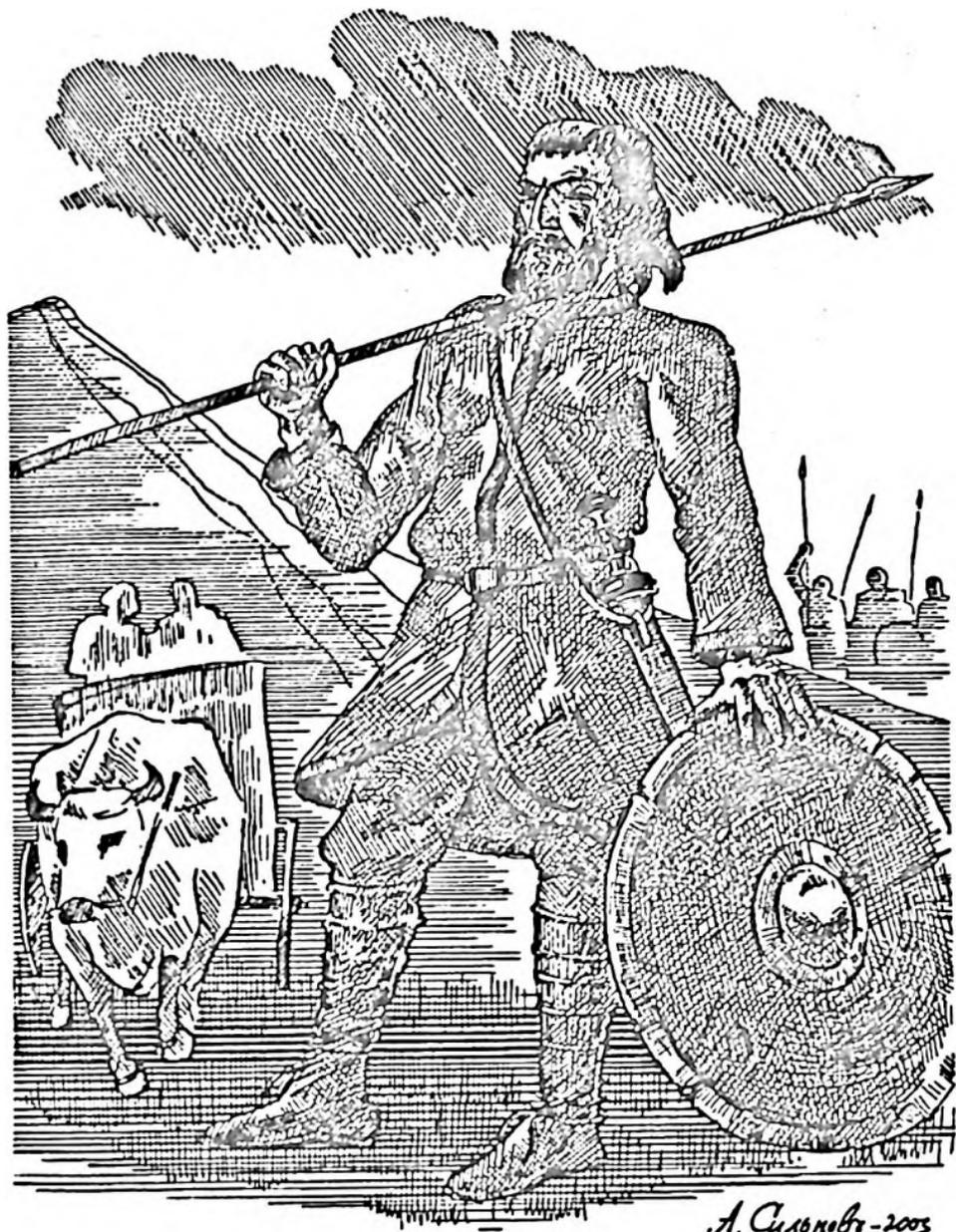

Рис. 55. Пеший воин-острогот конца IV—V в.
Реконструкция А. В. Сильнова

Рис. 56. Знатный остроготский всадник конца IV—V в.
Реконструкция А. В. Сильнова

fr. 8 D = 11, 2 B). Интересно, что Вегеций в своем трактате о военном деле настоятельно рекомендует войскам иметь в обозе широкие и легкие челноки-однодеревки, перевозимые на телегах, а также специально заготовленные доски, железные гвозди и канаты. При переправе через реку эти лодки связывают между собой и прокладывают по ним настил из досок: так быстро строится мост (Veget. *ERM* III, 7). Данная рекомендация, таким образом, отражает военную практику, близкую ко времени походов Аттилы, в армии которого военно-инженерная служба была во многом организована по римскому образцу и наверняка при активном участии самих римлян.

Несколько слов следует сказать по поводу сведений древних писателей об общей численности гуннских армий. Зосим, в частности, говорит об очень небольшом (в 300 бойцов) элитном подразделении гуннов на службе западноримского императора Гонория (Zosim. V, 45, 6). Далее он сообщает, что в 409 г. Гонорий нанял 10 000 гуннских воинов для войны против везеготов в Италии (Ibid. V, 50, 1), но это число, вполне возможно, завышено. И уж точно нереальна цифра 60 000 (!) гуннских наемников, которых, согласно Филосторгию, Аэций привел в Италию в 425 г. на подмогу узурпатору Иоанну (Philostorg. XII, 14), — по-видимому, она должна быть уменьшена в 10 раз⁴⁹. Больше заслуживает доверия сообщаемое церковными историками количество воинов — 10 000 — у гуннского царя Уптара, который около 430 г. воевал с бургунда-

⁴⁹ Thompson, 1948. P. 49; 1999. P. 55.

ми на Рейне (Socr. Schol. VII, 30, 6; Cassiod. *Hist.* XII, 4). Напротив, кажется явно преувеличенной численность войск Атиллы в его галльской кампании (451 н. э.) по данным Иордана и его источников — 500 000 человек (Iord. *Get.* 182). В то же время не следует и преуменьшать возможность правителя державы гуннов собрать очень значительные для того времени силы. По подсчетам некоторых исследователей, одни только союзные гуннам германские народы в лице остроготов и гепидов могли поставить в армию Атиллы, по меньшей мере, 50 000 бойцов, не говоря уже о его собственно гуннском воинстве, количественный состав которого не мог быть значительно меньшим⁵⁰. Поэтому численность вооруженных сил, которые находились под командованием Атиллы в Галлии к моменту начала Каталаунской битвы, примерно в 100 000 человек кажется вполне допустимой.

Известно, что в 454 г. в битве при Недао гунны и их союзники потеряли приблизительно 30 000 убитыми (Iord. *Get.* 262), но это было, скорее всего, не поголовное истребление их сил, и к моменту начала сражения они насчитывали в своих рядах, наверное, в 1,5—2,0 раза больше воинов.

Чтобы яснее представить себе возможную численность собственно гуннских (в этническом смысле) войск, обратимся к косвенным свидетельствам, касающимся количественного состава экспедиционных сил кутригуров — «гуннского» (т. е. центральноазиатского по своему происхождению) племени, обитавше-

⁵⁰ Bachrach, 1994. P. 63—67.

го в степях Северного Причерноморья в VI в. Наши источники утверждают, что они были в состоянии выставить на помощь гепидам против лангобардов 12 000 воинов (Proc. *Bell.* VIII, 18, 15). Когда же зимой 558/559 г. вождь кутригуров Заберган двинулся в поход на Византию, он имел с собой «множество всадников», из которых 7000 он лично повел на Константинополь, а другую часть отправил против Херсонеса (Agath. V, 11, 6; 12, 5). Конечно же, эти примеры показывают мобилизационные возможности только одного из «гуннских» племен, тогда как численность этнических гуннов в армии Аттилы, который осуществлял контроль над кочевыми и полукочевыми народами всей Юго-Восточной Европы, должна была быть гораздо большей.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ГУННОВ

А. СТРАТЕГИЯ

Войны и набеги являлись для всех без исключения древних кочевых племен Евразии одним из важнейших способов добывания средств к существованию. Главная отрасль их экономики — кочевое скотоводство не могло полностью обеспечить их повседневные потребности. Пользуясь своим превосходством в военном искусстве над оседло-земледельческими народами, номады вторгались на их территорию и силой захватывали материальные ценности и пленников.

Естественно, что для европейских гуннов организация набегов на соседей с целью их ограбления являлась одним из двух главных стимулов для разработки концепции военной стратегии. В качестве второго стимула следует назвать постоянную необходимость в захвате чужой территории под пастбища и становища, особенно на раннем этапе истории гуннов, когда они постоянно и всей своей массой перемещались по степным просторам Евразии. Если они шли на врага, то в

это движение были вовлечены как сами воины-всадники, так и кибитки с их женами и детьми, а также следовавшие за ними табуны лошадей и стада скота. После прихода в Восточную Европу и закрепления на определенной территории гунны переходили к практике рейдов в соседние, а зачастую и в отдаленные земли за добычей. Организация таких набегов была существенно затруднена весной, когда кони кочевников были сильно ослаблены скудными зимовочными рационами и требовалось время, чтобы откормить их весенними травами. Да и сами воины для улучшения своего физического состояния после не самого сытного зимнего периода также нуждались в более обильном питании, для чего необходимо было дожидаться окота овец и другого скота и весенней рыбной путины. Наконец, выступить в поход мешали и весенние паводки. Объективно лучшими сезонами для набегов являлись лето и осень. Впрочем, такая «сезонная» модель была, очевидно, более характерна для бескрайних степных просторов Центральной Азии и — в значительной мере — для Северопонтийского региона, тогда как ситуация в областях с более ограниченными пастбищными ресурсами, таких как Великая Венгерская равнина (т. е. территория, ставшая при Аттиле ядром гуннской державы), была иной. Известно, что поселившиеся там позднее гуннов венгерские (мадьярские) кочевые племена предпринимали свои военные походы уже в конце зимы или ранней весной, в том числе и с целью пополнения запасов фуража⁵¹.

⁵¹ Sinor, 1972. P. 181—183.

Для вторжения в пределы Восточной империи удобным временем года являлась зима, когда Дунай покрывался льдом, достаточно крепким, чтобы выдерживать переправлявшееся через него войско и, таким образом, переставал быть надежной естественной защитой византийских земель от набегов с севера. Тогда гунны переходили по льду не только на лошадях, но и «на колесах», т. е. в кибитках (Claud. V, 26—28; Sidon. Carm. II, 269—270; Philostorg. XI, 2).

Исключительно важная роль в гуннской стратегии отводилась фактору внезапности нападения. Гунны обрушивались на врагов «подобно какому-то смерчу народов» (Iord. Get. 126). Благодаря скорости своих коней, они совершали разбойничьи налеты стремительно, обгоняя даже слух о своем приближении (Hier. Ep. 77, 8; Amm. Marc. XXXI, 2, 8; ср.: XXXI, 2, 21). В качестве близкого примера уместно привести данные о скорости передвижения монгольских всадников в XIII в.: по одним оценкам, за обычный дневной переход ими покрывалось 50 км, тогда как авангард их войска был в состоянии преодолеть за три дня почти 300 км⁵², согласно другим — они могли проходить до 200 км в день со скоростью 12—15 км в час⁵³.

Помимо высочайшей скорости передвижения современники гуннов подчеркивают их свирепость и безжалостность. По словам одного из них, «этот подвижный и неукротимый народ» вторгся на территорию аланов, «воспламененный дикой жаждой грабежа, дви-

⁵² Худяков, 1991. С. 160.

⁵³ Dąbrowski, Nagrodzka-Majchrzyk, Tryjarski, 1975. S. 109.

гаясь вперед среди грабежей и убийств» (Аmm. Marc. XXXI, 2, 12).

Не гнушались гунны и вероломства, нападая, например, на ничего не подозревающих римлян во время ярмарки, как это имело место в правление Аттилы где-то на Дунае (Prisc. fr. 2 D = 6, 1 B).

Гуннские набеги, как правило, не были хаотичными, а четко планировались на основе получения разведывательной информации. Как показывает один из эпизодов войны между гуннами и готами-тервингами в 370-х гг., первые были способны оперативно собрать и правильно оценить сведения о местах расположения отрядов противника с тем, чтобы обойти выставленные им впереди дозоры и неожиданно напасть на его главные силы (Аmm. Marc. XXXI, 3, 6).

После того как часть гуннов закрепилась на территории римской провинции Паннония, расположившаяся там группировка гуннских войск получила возможность значительно улучшить свои стратегические возможности. Теперь она могла использовать построенные там римлянами дороги, которые обеспечивали очень быстрое продвижение конных отрядов при проведении набегов и прочих военных акций.

Впрочем, при Аттиле, армия которого, как уже отмечалось выше, включала в себя значительные контингенты пехоты, в основном восточногерманской, и потому в немалой степени потеряла свою тактическую быстроту и гибкость (см. ниже, раздел Б), стратегическая оперативность гуннов начала давать сбои. В частности, в 452 г., когда Аттила вторгся в Италию, он позволил себе надолго завязнуть в осаде Аквилеи

(Iord. *Get.* 219—221; Proc. *Bell.* III, 4, 29—35 [= Prisc. *fr.* 22, 1—2 B]), что, наверняка, сильно повлияло на результаты кампании в целом. В былые годы гуннское войско просто обошло бы столь неуступчивую твердыню и довольствовалось бы разорением и ограблением более доступных мест. Кстати, что-то похожее случилось с полководцами Атиллы в 447 г., когда они настойчиво пытались овладеть римской крепостью Асем, располагавшейся в Нижней Мезии, у одноименной реки (совр. Осым в Болгарии), но в результате были вынуждены уйти. Более того, отступающие гунны были неожиданно атакованы защитниками крепости, понесли серьезные потери в личном составе и вдобавок лишились награбленной до этого добычи (Prisc. *fr.* 5 D = 9, 3 B).

Ближе к концу своей истории гунны полностью отошли от практики долговременных территориальных завоеваний. Прочно завладев при Атилле такими важными в коневодческом плане областями Юго-Восточной Европы, как Северное Причерноморье и Подунавье, включая Великую Венгерскую равнину (Альфёльд), они уже больше не стремились к присоединению новых земель. Последние крупные наступательные операции Атиллы — против Галлии (451) и Италии (452), т. е. стран, которые не обладали достаточными природными ресурсами для поддержания многочисленной гуннской кавалерии в течение скольконибудь длительного времени, — преследовали цель захвата добычи и получения в будущем в случае победы большой дани от западных римлян (какую гуннам выплачивали власти Византии). Впрочем, эти по-

ходы Аттилы не были успешными, и, следовательно, его замыслы так и не были реализованы.

Гунны, несомненно, были мастерами психологической подготовки войны. Особенно в этом деле преуспел Аттила. Желая, к примеру, добиться от византийцев выполнения своих условий, он мог устроить внушительную демонстрацию силы, перейдя с войском на их территорию якобы с целью поохотиться (Prisc. fr. 8 D = 11,2 B). Он же большое внимание уделял и дипломатической подготовке намеченных кампаний. Так, собираясь начать большую войну против западных римлян и намереваясь разрушить их вероятный союз с везеготами, Аттила направил посольства к обеим сторонам с целью поссорить их друг с другом (Iord. Get. 185—186).

Во время походов, как и в своей повседневной жизни, гунны были очень неприхотливы в еде, питаясь кореньями полевых трав и полусырым мясом, чуть подвяленным самым незатейливым образом — они клали его под свои ноги на спины коней (Amm. Marc. XXXI, 2, 3). По крайней мере, те из них, кто находились на римской службе, могли перевозить с собой в качестве дорожной провизии и другие продукты, например пшеницу. Известно, что римский полководец Литорий в ходе кампании против везеготов в Галлии в 436 г., готовясь к освобождению от врага города Нарбонны, приказал каждому из своих солдат, которые в большинстве были гуннскими наемниками, взять с собой по два модия обмолоченной пшеницы (чуть больше 17,5 л) для того, чтобы накормить его голодающих жителей (Prosp. Chron. 1324). Указанный объем этого

продукта, очевидно, значительно превышал потребности самих воинов на время данной боевой операции.

В голодное время дело могло дойти даже до того, что гунны убивали некоторых из своих коней и насыщались их плотью и кровью (Isid. *HG* 29).

Б. ТАКТИКА

Как уже отмечалось выше, благодаря хорошо налаженной службе разведки гунны могли неожиданно обрушиваться на основные силы врага (Амм. Марс. XXXI, 3, 5—6). Они предпочитали атаковать первыми, считая, что «всегда отважнее те, кто начинают битву» (Iord. *Get.* 204), и делали это стремительно, без задержки, желая добыть себе в сражении быструю победу (Ibid. 205). При этом гунны никогда не бросались вперед сломя голову, поскольку их военачальники тщательно готовили план боевых действий. Иордан специально подчеркивает, что Аттила «был более чем превосходен в замыслах ратных дел», продумывая даже час начала битвы, чтобы иметь возможность спасения в случае неудачи (Ibid. 196). Оставлял он себе и такой путь отступления, как уход при неблагоприятном течении боя в свой укрепленный телегами и повозками лагерь (Ibid. 210).

Сообщается, что гунны шли в атаку *cuneatim* (букв.: 'клинообразно') (Амм. Марс. XXXI, 2, 8). Очевидно, этот латинский термин подразумевает боевое построение, которое римляне применительно к варварским, прежде всего германским, народам называли *cuneus* ('клин'), хотя на практике оно представляло собой не настоя-

щий тесно сплоченный клинообразный порядок, а неправильный (с римской точки зрения), глубокий и беспорядочный (рассыпной) строй, атаку которого возглавляли только немногие воины, превосходящие других своим вооружением, знатностью и храбростью⁵⁴. В военном лексиконе поздней Римской империи, начиная, по крайней мере, с IV в., реальное клинообразное построение называлось «голова свиньи» (*caput porci*: Амт. Марс. XVII, 13, 9, или *caput porcium*: Veget. ERM III, 19), причем этот термин прикладывался только к пехотному порядку. Слово *cuneus* обозначало тогда, прежде всего, тип конного подразделения римской армии⁵⁵, атакующее построение которого вовсе не обязательно имело форму клина.

По всей видимости, термин *cuneatim* у Аммиана Марцеллина соответствует греческому выражению «[атаковать] по клиньям, то есть рассредоточенными отрядами», в «Стратегиконе» Маврикия, византийском военном трактате VI в., как обозначению боевого построения «гуннских» (в широком значении этого этнического определения) народов (Маурис. XI, 2, 15 M = XI, 2, 54 D). Присутствующее здесь слово *куна* (κοῦνα), которое представляет собой несомненную кальку с лат. *cuneus*, можно понять как обозначение отдельного отряда, сформированного по кровнородственному (племенному или клановому) принципу, подобно отрядам-куням у древних германцев. В свою очередь, каждый

⁵⁴ Ferrill, 1991. P. 30; Goldsworthy, 1998. P. 50, 194.

⁵⁵ Nicasio, 1998. P. 63—64, 110—112; Southern, Dixon, 1996. P. 34—35, 57, 187, s. v.

такой гуннский отряд, с одной стороны, состоял из более мелких подразделений, а с другой стороны, мог входить в состав более крупных тактических соединений, причем численность и тех и других более или менее должна была соответствовать нормам «азиатской десятичной системы».

Аммиан Марцеллин, современник вторжения гуннов в степи Юго-Восточной Европы, приводит детальное описание их действий на поле боя:

И [гунны] сражаются, будучи подчас раздраженными, но вступая в битвы клином [под аккомпанемент] разнообразных страшно звучащих криков. И так же как при [их] проворстве они стремительны и неожиданны [в своем появлении], так и, внезапно [и] намеренно рассеявшись, они рассредоточиваются и не соблюдают боевой строй. С ненасытной жаждой убийства несутся они в разные стороны, и из-за [их] чрезмерной быстроты не приходится видеть их атакующими укрепления или грабящими вражеский лагерь. И ты охотно назовешь их самыми неукротимыми воинами из всех [других], потому что издали они [бьются] метательными снарядами с заостренными костями в качестве наконечника стрел, которые с удивительным искусством соединены [с древками] и разнообразно сделаны... а [сойдясь] вплотную, сражаются мечом без оглядки и, уклоняясь от вреда [неприятельских] острий, опутывают врагов брошенными с размаха арканами, чтобы, обвязав члены сопротивляющихся, лишить их возможности усидеть верхом или уйти пешком.

(Амм. Марс. XXXI, 2, 8—9)

Из этого сообщения можно выделить две основные фазы тактики гуннов, характерные, по крайней мере, для раннего этапа их завоеваний:

1) начальная атака глубокой рассыпной лавиной («клинообразно», см. также: Claud. III, 330—331: «беспорядочно») с массированным обстрелом неприятельских рядов из луков на значительном расстоянии;

2) рукопашный бой, когда гунны, быстро перемещаясь по всему полю сражения, рубились мечами, а при удобном случае накидывали на своих противников лассо.

Другие древние авторы говорят о таком весьма важном тактическом маневре гуннов, как притворное бегство с последующим внезапным возвращением в бой (Claud. III, 331; Zosim. IV, 20, 4; ср.: Hier. Ep. 77, 8; Agath. I, 22, 1). Эта военная хитрость, вообще весьма характерная для евразийских кочевников, в исполнении гуннов была чрезвычайно эффективной. Во время притворного отступления они метко стреляли с поворотом назад — т. е. использовали прием, известный под названием «парфянская стрела», и не ожидавшие этого враги, уверенные в скорой победе и поэтому ослабившие свое внимание, несли очень значительные потери. В качестве еще одного излюбленного тактического действия гуннов наши источники называют окружение вражеского боевого порядка (Zosim. IV, 20, 4; Chron. Gall. P. 652, 52; ср.: Agath. V, 19, 8).

Гунны также активно практиковали устройство засад (Iord. Get. 188; Prisc. fr. 2 D = 6, 1 B; ср.: Claud. V, 270; Agath. III, 18, 4—9; V, 18, 10), которые они вообще предпочитали открытому сражению. Последнее

замечание, вложенное Иорданом в уста послов западноримского императора Валентиниана III к везеготам (*Iord. Get.* 188), достойно самого пристального внимания. Действительно, гунны не стремились в бою к близкому контакту с неприятелем. Неслучайно один из наших источников даже утверждает, что они были совершенно не способны к ведению рукопашной схватки (*Zosim. IV, 20, 4*). Стихией гуннов была стрельба по противнику из луков с более или менее прицельной дистанции, в которой они были чрезвычайно сильны. Это полностью соответствовало их менталитету, сформированному под влиянием условий их кочевого бытия. Основу своего материального благосостояния мужчина-гунн создавал за счет добычи, захваченной в ходе разбойничьих набегов. Подстерегающие на этом пути серьезные опасности требовали от него самого пристального внимания к собственной безопасности. Поскольку успех набега зависел, прежде всего, от мобильности его участников, использование ими серьезного (и, естественно, тяжелого) защитного снаряжения было максимально ограничено. Полагаться оставалось только на главное наступательное оружие — сложносоставной дальнобойный лук, умелое употребление которого позволяло избежать близкого и потому крайне рискованного контакта с противником. Прекрасно обученные с детства владеть таким оружием с коня, да еще и на полном скаку, гуннские воины довели до совершенства приемы применения легкой конницы, оснащенной луками, — так в Европу вместе с гуннами пришла тактика эффективного боя на дистанции, унаследованная ими от их предков-хунну и использовав-

шаяся позднее племенами тюркского и монгольского происхождения. Ее важной составной частью было изматывание противника, когда гунны, умышленно избегая рукопашной схватки, в то же время не покидали поле сражения, а постоянно кружили вокруг вражеских боевых порядков и засыпали их тучами стрел.

Именно такую тактику имеет в виду Иордан, когда говорит, что гунны «подчинили аланов, равных им в бою... обессилив частыми стычками» (*Iord. Get.* 126). Тактика избегания ближнего боя и изматывания противника позволила гуннам одержать верх не только над аланами, но и над «скифами» (= готами), с которыми они, согласно Зосиму, воевали опять-таки «непрерывно» (*Zosim. IV, 20, 4—5*). Готы тем более не могли противостоять гуннам, поскольку вплоть до VI в. они не располагали сколько-нибудь многочисленной кавалерией, а, сражаясь преимущественно в пешем строю, явно мало и недостаточно умело использовали луки и стрелы, чтобы представлять серьезную угрозу для мобильной гуннской кавалерии.

С другой стороны, лишь с целью довершить то, чего не сделали на поле брани их стрелы, гунны выхватывали мечи и сходились с противником лицом к лицу, не забывая, однако, при удобном случае набросить на неприятельского солдата аркан и, если повезет, быстро ускакать прочь, увлекая его за собой. Впрочем, наверное, будет даже правильнее сказать, что аркан скорее служил гуннам оружием среднего действия, и, вопреки сообщению Аммиана Марцеллина, они должны были попытаться воспользоваться им еще до

того, как схватиться с противником врукопашную. В самом деле, гуннский прием с применением лассо в ходе рубки на мечах, как он описан римским историком (Атт. Марс. XXXI, 2, 9), подходит больше для индивидуального поединка, когда имеются все возможности для маневра, чем для настоящего, коллективного сражения, в котором индивидуальное маневрирование как раз сильно затруднено.

Впрочем, рукопашная схватка применялась гуннами в случае крайней необходимости, да и то в основном только после нанесения врагу действительно серьезного урона в результате обстрела с дистанции. Если же неприятель оставался несломленным, то гунны сами рисковали понести большие потери в ближнем бою, поскольку в большинстве своем не имели серьезного защитного снаряжения (см. главу 11, раздел Б). В таких случаях они могли, например, применить описанное выше притворное отступление со стрельбой из луков назад.

Благодаря своему тактическому искусству, помноженному на непревзойденное мастерство во владении луком, гунны долгое время оставались непобедимыми, будучи в состоянии успешно сражаться и против численно превосходящего их неприятеля. В 406 г. гуннские союзники способствовали победе Стилихона над вождем готов Радагайсом, в ходе боя при Фьезоле окружив третью часть армии последнего (Chron. Gall. P. 652, 52). Три года спустя немногочисленный (300 воинов), но очень боеспособный гуннский корпус, находившийся на службе у западноримского императора Гонория, атаковал близ Пизы готское войско, возглав-

ляемое Атаульфом, и, уничтожив 1100 врагов, а потеряв только 17 человек, сумел затем благополучно уйти восвояси (Zosim. V, 45, 6). Вспомним также насчитывавший всего 40 бойцов отряд уннигардов (см. главу 10, раздел Б), который побеждал в Ливии Пентаполис гораздо более многочисленного противника (Synes. *Ep.* 78; *Catast.* I, 2). Все эти примеры говорят о том, что гунны и на чужбине были верны своей тактике, основанной на высочайшей мобильности и маневренности и метком обстреле противника со значительного расстояния, ибо в ближнем бою при своей малочисленности они не имели бы шансов на успех.

Однако тактические методы гуннского воинства претерпели существенное изменение в период правления Атиллы, как это видно на примере знаменитой битвы на Каталаунских полях (451 н. э.), наиболее детально описанной Иорданом (*Iord. Get.* 192—218). К тому времени в гуннском войске уже значительное место занимали пехотные контингенты, набранные среди подвластных Атилле германских племен. Как отмечает готский историк, это сражение было открытым, без применения хитростей. В нем прежде всего противоборствовали пешие войска, и в данных условиях гуннская конница не смогла использовать в полном объеме такие свои обычные тактические хитрости, как засады и притворное отступление. К тому же, что немаловажно, возглавлявший тогда антигуннскую коалицию Аэций, прошедший в молодости какое-то время в качестве заложника у гуннов и прекрасно усвоивший их военную науку (*Greg. Tur. HF* II, 8; *Sidon. Carm.* VII, 230—231), был очень хорошо осведомлен

об особенностях их тактики. Другими словами, гунны утратили свое тактическое преимущество, позволявшее им ранее сокрушать любого противника. К этому следует добавить и неблагоприятное для них начало битвы: попытавшись овладеть господствовавшим над окружающей местностью высоким холмом, чтобы получить исключительно выгодную позицию для обстрела противника из луков, они были отброшены совместными усилиями везеготов Торисмунда и римлян Аэция.

В 1981 г. с оригинальной теорией о кардинальной трансформации гуннской армии и ее тактики выступил Р. П. Линднер. По его мнению, гунны, пришедшие во второй половине IV в. в Европу, действительно в своем большинстве могли быть конными воинами. Но с течением времени, прежде всего под влиянием причин чисто природного характера, а именно невозможности поддерживать необходимое для военного дела поголовье лошадей на ограниченной, по сравнению со степными азиатскими просторами, территории Великой Венгерской равнины (Альфёльда), войско гуннов к середине V в., по сути, превратилось из конного преимущественно в пешее, мало чем отличающееся от армии тогдашнего Рима. В подтверждение своей теории этот исследователь привлек данные письменных источников и археологии, математические расчеты по пастбищным ресурсам Альфёльда и т. д.⁵⁶

Впрочем, полностью согласиться с этой теорией, несмотря на внешнюю логичность и привлекательность доводов в ее поддержку, все же трудно. Во-первых, ка-

⁵⁶ Lindner, 1981.

жется излишне прямолинейным проведенный Р. П. Линднером анализ сообщений письменной традиции о военных акциях с участием гуннов: поскольку там они во многих случаях не упоминаются в качестве всадников, то, заключает исследователь, они таковыми, скорее всего, и не были. Однако с методологической точки зрения вряд ли правильно обосновывать превращение конного воинства гуннов в пешее простым отсутствием в источниках прямых указаний на наличие у них коней, не говоря уже о том, что любой аргумент *ex silentio* ('из умолчания') более чем сомнителен, отметим: эти же источники вовсе не утверждают, что гунны были пехотинцами! Скорее всего, конный характер военного дела гуннов был настолько очевиден для наших информаторов, что они не считали нужным лишний раз это подчеркивать⁵⁷.

⁵⁷ Отметим также, что Р. П. Линднер, в частности, рассматривает известный эпизод из «Церковной истории» Созомена о попытке пленения гуннами епископа Феотима (Sozom. VII, 26, 8) как дополнительное свидетельство в пользу своей концепции. Дело в том, что, поскольку в этом пассаже Созомена действительно специально не оговаривается, был ли гуннский воин конным или нет, О. Менхен-Хельфен, решив, что тот в момент броска стоял на земле, пришел к выводу, которому затем последовал и Р. П. Линднер, что данный щит был слишком велик для использования его верхом (Maenchen-Helfen, 1973. P. 254; Lindner, 1981. P. 8). Впрочем, подобная интерпретация этого пассажа более чем уязвима и не может быть принята. Лассо было оружием именно всадника, поскольку составной частью техники владения им было использование силы тяги скакуна с

К тому же, не стоит оставлять без внимания информацию о том, что для костра из седел (!), который Аттила приказал соорудить после неудачи в сражении на Каталаунских полях, потребовалось много седел, а следовательно, расстаться с ними должно было значительное число конников. Вспомним и упомянутых Иорданом «отборнейших всадников из всего гуннского народа», принявших участие в похоронах Атиллы (*Iord. Get.* 256), которые, надо полагать, были лучшими на фоне прочих, наверняка весьма и весьма многочисленных гуннских наездников.

Во-вторых, в том, что касается аргумента о невозможности поддержания достаточного поголовья боевых коней для гуннской конницы, обязательно следует иметь в виду то обстоятельство, что землями в междуречье Дуная и Тисы, где действительно располагалась ставка Атиллы, владения последнего вовсе не ограничивались: они охватывали также области к востоку от Карпатских гор, включая, по меньшей мере, Скифию у Понта (= Черного моря), другими словами,

тем, чтобы утащить попавшую в петлю аркана жертву. Да и трудно себе представить, чтобы гунны ходили в разбойничьи набеги (а данный эпизод у Созомена следует рассматривать только в таком контексте) пешком — это, конечно же, нонсенс. Таким образом, упомянутый Созоменом гуннский щит должен был быть сравнительно небольшим и легким, пригодным для использования в коннице (см. главу 11, раздел А). А это, в свою очередь, лишает Р. П. Линднера одного из аргументов (пусть и не самого главного) в пользу его теории о радикальной трансформации войска европейских гуннов.

Северное Причерноморье, где правил старший сын Аттилы (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B)⁵⁸. А в этом случае пастбищные ресурсы на востоке империи гуннов были уже достаточны для содержания большого количества лошадей — необходимого условия для функционирования многочисленной кавалерии. Таким образом, Атилла, намереваясь отправиться в серьезный военный поход, был вполне в состоянии набрать в своих восточных владениях значительное пополнение для своей конницы⁵⁹. Другое дело, что вторжения Аттилы в Галлию в 451 г. и в Италию в 452 г. не могли быть успешными уже по той простой причине, что на их территории не было достаточных природных ресурсов для содержания в течение длительного времени боль-

⁵⁸ По мнению Д. Шинора, основная масса гуннов даже в эпоху Аттилы обитала к востоку от Венгерской равнины [*Sinor, 1990. P. 203*].

⁵⁹ Кстати, некоторый дополнительный свет на мероприятия Аттилы по улучшению условий содержания боевых лошадей проливает такой факт: выступив после удачной войны 447 г. против Византии с претензией на обладание областью по правому, римскому берегу Дуная — от Паннонии до Новы во Фракии, он потребовал от императора, чтобы там было прекращено возделывание земли (*Prisc. fr.* 7 D = 11, 1 B). На деле же это означало полную эвакуацию византийцами всей указанной территории. Такое требование, по всей видимости, преследовало своей целью не только демонтаж имевшейся там линии имперских укреплений, но и использование оставленных земледельцами пахотных земель под пастбища для коней гуннской кавалерии. Впрочем, позднее Атилла отказался от аннексии этой территории (*Ibid. fr.* 14 D = 15, 4 B).

шой орды гуннских воинов и их коней⁶⁰. Возможно, эти кампании длились явно дольше, чем планировал сам Атилл, и проблемы со снабжением армии, усугубленные военными неудачами (как это случилось в 451 г.), вынуждали его уходить восвояси, без достижения поставленных целей.

В-третьих, некоторые сомнения вызывает правильность оценки Р. П. Линднером коневодческих ресурсов Альфёльда. По его мнению, там могли пастись одновременно 150 000 коней, и из расчета 10 скакунов в среднем на одного всадника конное войско гуннов должно было насчитывать только 15 000 бойцов. При этом он проводит сравнение с пастбищными возможностями Монголии, где в средние века воин-кочевник имел до 18 лошадей. Однако тут необходимо принимать во внимание тот факт, что климатические и природные условия Альфёльда гораздо более мягкие и благоприятные для пастбищного коневодства, чем в степях. Благодаря этому жившие на Великой Венгерской равнине гунны могли разводить довольно значительное количество коней и, следовательно, выставить большое конное войско⁶¹. Цифра 10 коней на одного гуннского кавалериста, произвольно высчитанная Р. П. Линднером в качестве заниженной, является, возможно, даже завышенной. Так, например, известно, что в 1914 г. в Венгрии была набрана кавалерия численностью в 29 000 человек, причем из расчета один конь на одного всадника⁶². Конечно же, нам остается

⁶⁰ Bäuml, Birnbaum, 1993. P. 10—11.

⁶¹ Keegan, 1993. P. 187.

⁶² Ibid.

только гадать, каким было подобное соотношение почти за 1500 лет до этого, когда в поход выступала конница Атиллы, но при всех различиях в практике коневодства этих двух эпох вряд ли альфёльдскому воину-гунну в середине V в. требовалось в 10 раз больше скакунов, чем венгерскому кавалеристу в начале XX в.

Следует также учесть и вероятность того, что обосновавшиеся на Великой Венгерской равнине гунны могли под римским влиянием перевести, по крайней мере, какую-то часть своих табунов на стойловое содержание с подкормкой в зимний период, а это, в свою очередь, должно было благоприятно отразиться на состоянии их конских ресурсов. Наконец, немаловажным являлось и то обстоятельство, что, помимо разведения собственного конского поголовья, гунны использовали лошадей, захваченных ими у римлян (Oros. VII, 34, 5; Paul. Diac. *HR* XI, 15; Land. Sag. XII, 188).

Подводя итог этой (согласитесь, весьма принципиальной) дискуссии, следует сказать, что армия Атиллы действительно отличалась по своей организационной структуре от поголовно конного войска гуннов периода их ранних завоеваний в Европе. Можно даже говорить об определенной деградации гуннского военного дела в целом, на что очень существенно повлияло включение в состав армии Атиллы большого числа германских воинов. Кроме того, гунны могли испытывать серьезные проблемы как с поддержанием конского состава на западе своих владений, так и с подготовкой фуража для своей конницы на территории неприятеля в ходе боевых операций. Все это должно было негативно отразиться на эффективности гунн-

ской военной машины. Но в то же время едва ли имеются веские основания утверждать, что собственно гуннская часть армии Аттилы превратилась в своем большинстве в пехоту — помимо всего прочего, это явно противоречило воинскому менталитету гуннов.

К тактике гуннов самое прямое отношение имели и применявшиеся ими меры психологического воздействия на неприятеля. Среди них особое место занимал присущий гуннам от природы и непривычный для обитателей Европы внешний облик, сам по себе наводивший ужас на очевидцев (Amm. Marc. XXXI, 2, 2—3; Claud. III, 325—326; V, 270; Hier. *Comm. in Is.* III, 7; Sidon. *Carm.* II, 245—257; Hier. *Ep.* 60, 17; Iord. *Get.* 127—128; 206; Land. *Sag.* XII, 187). Неслучайно Аттила, обращаясь к своему воинству, вопрошал:

Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Меотидам?.. Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество.

(Iord. *Get.* 206)

Особенно большое внимание древние авторы обращали на существовавший у гуннов обычай уже при рождении расцарапывать железом лица представителей мужского пола, и без того, по их мнению, безобразные (Amm. Marc. XXXI, 2, 2; Claud. III, 327; Hier. *Comm. in Is.* III, 7; Iord. *Get.* 127; 128; Land. *Sag.* XII, 187). Впрочем, одно из приводимых ими объяснений этого изуверского обряда — не дать произрасти волосам на щеках — едва ли может быть принято, поскольку у мужчин-монголоидов (какими по своему проис-

хождению и являлись этнические гунны), как известно, на лице отсутствует какая-либо пышная растительность, и именно эта физиологическая особенность гуннов могла внушить нашим информаторам подобную мысль. Более вероятны две другие причины. Первая — это испытание младенцев, будущих воинов, болью раны еще до кормления их материнским молоком (Iord. *Get.* 127; Land. *Sag.* XII, 187). Вторая, чисто ритуального свойства, — это почтить память умершего повелителя не воплями и слезами женщин, а кровью, стекающей с порезанных лиц скорбящих о нем мужчин (Iord. *Get.* 255).

В качестве важного инструмента для устрашения врага (и одновременно для собственного воодушевления) гуннам служили шумовые эффекты, для создания которых на поле битвы они дули в трубы (Iord. *Get.* 212; Paul. *Diac.* *HR* XIV, 7), а также испускали голосом грозный боевой клич — по определению Аммиана Марцеллина, «разнообразные, страшно звучащие крики» (Amm. *Marc.* XXXI, 2, 8; ср.: Paul. *Diac.* *HR* XIV, 7; Paulin. *Petric.* *VM* VI, 93—94; Hier. *Comm. in Is.* III, 7). Во время сражений трубами у гуннов также воспроизводились и различного рода сигналы, передающие команды военачальников⁶³.

⁶³ Ими применялись и другие условные сигналы. Так, потерпев неудачу при осаде укрепленного монастыря во Фракии, гуннские воины подали друг другу условный знак помахиванием нагаек, сели на коней и удалились (Callin. *VH* VI, 2). Интересно, что Вегеций среди других рекомендуемых им для использования в бою так называемых «немых»

Характерной особенностью гуннской военной практики в плане психологической подготовки было выполнение перед сражением языческих обрядов и гадание относительно его исхода (*Prosp. Chron.* 1335; *Isid. HG* 24; *Paul. Diac. HR* XIII, 13; *Iord. Get.* 195—196; 209; ср.: *Prisc. fr.* 8 D = 13, 3 B). До нас дошел интересный факт, что перед битвой с везеготами у Тулузы в 439 г. римский полководец Литорий доверился ответам гадателей и наставлениям демонов, т. е., будучи, по сути, христианином, исполнил языческие ритуалы. Однако это вовсе не было личной инициативой Литория — проведение указанных обрядов было инициировано его гуннскими наемниками⁶⁴. Надо полагать, что в войске гуннов всегда находились шаманы-гадатели, в обязанности которых входило, в том числе, камлание с целью наведения порчи на врагов.

У гуннов, несомненно, был свой кодекс воинской доблести и чести, которому они были готовы следовать на поле боя ценой собственной жизни. На это прямо указывает Иордан в своем рассказе о геройской смерти старшего сына Атиллы Эллака в битве при Недао:

Ведь он (Эллак), как известно, погиб столь мужественно, перебив множество врагов, что [его] отец, будь он жив, пожелал бы [и себе] такой же славной кончины.

(*Iord. Get.* 262)

сигналов упоминает передачу военачальником команд при помощи нагайки, причем этот прием исполнялся «согласно варварскому обычаю» (*Veget. ERM* III, 5).

⁶⁴ Maenchen-Helfen, 1973. P. 267—268.

В их среде также существовал обычай воспевать победы и храбрые подвиги своих правителей. Так, Приск сообщает как очевидец, что на пиру у Аттилы два гунна, встав перед своим повелителем, исполнили ими же написанные песни в его честь (*Prisc. fr.* 8 D = 13, 1 B). Во время же церемонии похорон Аттилы отборнейшие гуннские всадники, объезжая вокруг шелковый шатер, в котором лежало его тело, исполнением погребальной песни вспоминали его деяния (*Iord. Get.* 256—257).

Гуннская орда конных лучников, казалось бы непобедимая, имела, впрочем, и свои слабости. Прежде всего, в бою им было сложно противостоять противнику, который, так же как и они, был мобилен и мог столь же эффективно поражать из луков издали. Таковыми, в частности, были персы, сумевшие в конце IV в. разбить вторгшееся в их пределы гуннское войско, забросав его множеством стрел (*Prisc. fr.* 8 D = 11, 2 B). Немаловажную роль в том поражении сыграла и обремененность гуннов захваченной добычей — этот фактор всегда серьезно ограничивал их мобильность (*Мах. Туг. Нот.* 94), порой заставляя их приостанавливать успешно развивающееся наступление (*Амм. Марс.* XXXI, 3, 8). Более того, гунны, возвращаясь из похода, могли утратить бдительность до такой степени, что при внезапном нападении даже весьма малочисленного противника они не только несли большие потери в живой силе, но и лишались награбленного. Именно это и произошло в начале 440-х гг., когда после неудачной осады гуннами сильной римской приграничной крепости Асем ее защитники решились на преследование

уходящего врага, отягощенного добычей, но при этом абсолютно беспечного (Prisc. *fr.* 5 D = 9, 3 B).

Кстати, недостаточная бдительность гуннов сказывалась и в их пренебрежении к организации караульной службы: так, известно, что гуннские воины, служившие в гвардии западноримского главнокомандующего Стилихона, были предательски перебиты во время сна готом Саром, одним из военачальников все того же Стилихона (Zosim. V, 34, 1). В качестве еще одного примера можно привести разгром гуннов бургунами около 430 г., когда последние в количестве трех тысяч человек в результате внезапного нападения одержали верх над десятитысячным гуннским войском (Socr. Schol. VII, 30, 6; Cassiod. *Hist.* XII, 4).

В. ИСКУССТВО ОСАДЫ ГОРОДОВ (ПОЛИОРКЕТИКА)

Практически ничего не известно о собственно гуннской фортификации в Юго-Восточной Европе. И это вовсе не случайно. Гунны не располагали своими специалистами по каменному строительству и использовали для соответствующих работ римских архитекторов, взятых в плен или нанятых по договору с имперскими властями. Показательно, что в описанной Приском Панийским ставке Атиллы, представлявшей собой не обнесенную никакой оградой большую деревню, дома были деревянными, за исключением бани, построенной для второго по значению в гуннской державе человека — Онегисия — из камня его римским пленником-архитектором (Prisc. *fr.* 8 D = 11, 2 B; Iord. *Get.* 178—179). Сама эта ставка была возведена среди

широкой не покрытой лесом Паннонской равнины. По поводу ее незащищенности справедливы следующие слова британского исследователя Э. А. Томпсона: «Причина эта была военного свойства. Гунны хотели, чтобы их штаб-квартира находилась на ровном месте, где их конница могла свободно маневрировать и где не было шанса для неожиданного нападения...»⁶⁵ К этому необходимо лишь добавить, что Аттила, судя по всему, чувствовал себя в Паннонии в полной безопасности от какой бы то ни было внешней угрозы и поэтому не считал необходимым обнести свою ставку оборонительной стеной.

Вероятно, гунны вообще не строили каких-либо серьезных, т. е. каменных, фортификационных сооружений, а при необходимости могли использовать те, которые им удавалось захватить у неприятеля в более или менее пригодном для последующего применения виде.

Иначе обстояло дело с гуннским искусством осады городов. На самом раннем этапе своего пребывания в Европе гунны предпочитали преодолевать вражеские укрепления за счет неожиданных стремительных нападений, и это дало повод их современнику утверждать, что «из-за чрезмерной быстроты [гуннов] не приходится видеть их атакующими укрепления или грабящими вражеский лагерь» (Аmm. Marc. XXXI, 2, 8). Но в ходе своей экспансии в западном направлении они постепенно развивали навыки регулярной осады фортификационных сооружений в полном соответ-

⁶⁵ Thompson 1947. P. 113.

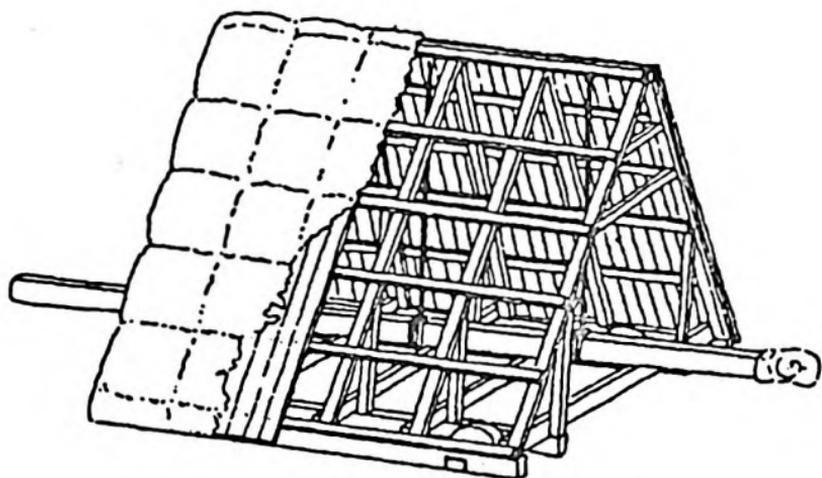
вии с имеющимися в этой области военно-техническими достижениями. Этот процесс нашел классическое завершение в царствование грозного Аттилы, перед которым, в представлении древних, не могло устоять никакое каменное укрепление (Iord. *Get.* 210), не говоря уже об оборонительных объектах, по своей конструкции не рассчитанных на противодействие серьезным осадным операциям (Proc. *De aed.* IV, 5, 2—6). По всей очевидности, Аттила сумел добиться этого путем активного использования на своей военно-инженерной службе пленных и дезертировавших к нему римских военных специалистов, которые соорудили и эксплуатировали разного рода метательные машины, а также тараны, находившиеся, по данным письменных источников, на вооружении его армии (Prisc. *fr.* 1b D = 6, 2 B; Iord. *Get.* 221; Paul. Diac. *HR* XIV, 9; Greg. Tur. *HF* II, 7).

Приск Панийский приводит детальное описание применения, а также конструкции гуннских осадных орудий. В самом начале осадных операций в дело в большом количестве вступали боевые машины (μηχαναί), каждая из которых представляла собой площадку из бревен, поставленную на колеса и укрытую плетнями из прутьев. Поверх плетней были настланы шкуры и кожи для защиты от вражеских снарядов, в том числе огненосных; внутри этого прикрытия находились лучники, которые через проделанные в нем окна стреляли по стоявшим на стенах защитникам укреплений. Эти орудия приводились в движение толчками ног обслуживающих их людей. Задачей таких движущихся защитных навесов было поразить или отогнать неприятеля.

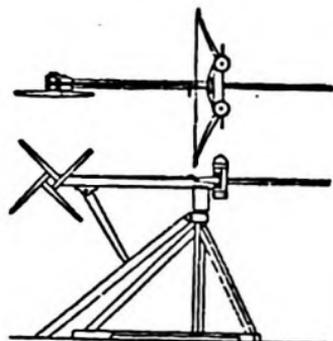
тельских воинов, обороняющих стены. И только когда это в значительной мере удавалось, к укреплениям подводились очень большие тараны (κρούι), имевшие такое же защитное прикрытие, что и *μηχαναί*. Под прикрытием находилось подвешенное на цепях между склоненными брусьями бревно с заостренным концом. Состоявший при таком таране персонал с помощью веревок оттягивал это бревно назад и затем отпускал его, в результате чего на стену обрушивались мощнейшие удары, в конечном итоге ее сокрушавшие. Уцелевшие же участки стен штурмовались при помощи осадных лестниц (Prisc. fr. 1b D = 6, 2 B).

Очень показательны, что *μηχαναί* Приска находят соответствие в своей конструкции с осадными машинами, описанными у Вегеция под названиями *vineae* и *plutei*, они прикрывали продвижение осаждающих к укреплениям; по достижении этой цели при помощи первых производился подкоп под фундамент стен, а под защитой вторых велся обстрел защитников стрелами, камнями и метательными копьями с тем, чтобы согнать их со стен и затем подняться наверх по штурмовым лестницам (Veget. ERM IV, 15). То же самое следует сказать и о *κρούι*, по своему устройству, очевидно, вполне соответствовавших римским таранам, хорошо известным по изображениям на памятниках искусства (рис. 57, 1) и описаниям древних историков⁶⁶.

⁶⁶ Подробно о позднеримских осадных машинах см.: Southern, Dixon, 1996. P. 160—167.

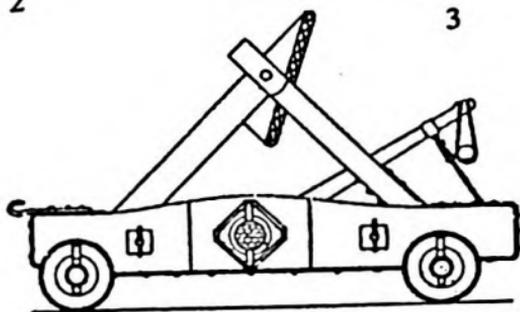
1

2

3

4

Едва ли подлежит сомнению также и то, что «все виды метательных машин» (*omnia genera tormentorum*), которые Аттила применил при осаде Аквилеи в 452 г. (*Iord. Get.* 221), были артиллерийскими орудиями, аналогичными современным им римским. Среди этих последних следует назвать различные виды метательных устройств, таких как катапульты (в римской военной терминологии они, начиная с IV в. н. э. назывались баллистами), а также онагры и др., механизмы пуска снарядов (специальных стрел-болтов и камней разного калибра) из которых действовали на основе скручивания или натяжения⁶⁷ (рис. 57, 2—4). Поэтому в целом можно утверждать, что гуннское осадное оборудование развивалось под сильным влиянием римской военной техники, а имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о том, как европейские гунны штурмовали неприятельские укрепления, позволяют говорить о том, что они владели практически всем репертуаром позднеантичного искусства осады крепостей⁶⁸.

Рис. 57. Римское оборудование для осады укреплений:

1 — таран с металлической ударной частью в виде головы барана и двускатным прикрытием для обслуживающих его солдат, изображение на арке императора Септимия Севера (193—211 гг. н. э.) в Риме; 2 — стрелометное орудие («катапульта»); реконструкция изображения на колонне императора Траяна в Риме, возведенной в 113 г. н. э.; 3 — подвижное стрелометное орудие, так называемая «четырёхколесная баллиста» (*ballista quadrirotis*) на одной из иллюстраций к анонимному латинскому военному трактату второй половины IV в. н. э. «*De rebus bellicis*»; рисунок XVI в., выполненный по иллюстрации рукописи конца IX — начала X в., воспроизводящей, в свою очередь, римский оригинал; 4 — камнеметное орудие («онагр» или «скорпион») IV в. н. э., реконструкция (1, 2, 4 — [Tausend, 1985/1986]; 3 — [De rebus bellicis / Rec. R. I. Ireland. Leipzig, 1984])

⁶⁷ Подробно о позднеримской артиллерии см.: Chevedden, 1995; Southern, Dixon, 1996. P. 152—158.

⁶⁸ Tausend, 1985/1986.

Отметим также еще один применявшийся гуннами метод осады городов, о котором сообщает Иордан в своем рассказе о попытке сына Аттилы Динтцика овладеть Базианом в Паннонии: блокировав этот город со всех сторон, гунны принялись грабить его сельскую округу (Iord. *Get.* 272). По всей очевидности, это была обычная практика, причем родившаяся именно в гуннской кочевой среде, и заключалась она в окружении вражеских укреплений сплошным кольцом кибиток и телег. Важной составляющей этого метода было тотальное ограбление прилегающей к осажденному городу сельской местности, что окончательно лишало его защитников какой-либо надежды на получение продовольственной и любой иной помощи извне.

Г. УКРЕПЛЕННЫЙ ЛАГЕРЬ (ТАБОР)

Гунны создавали укрепленные лагеря, в которых можно было укрыться не только в ночное время суток, но и в случае неудачи в сражении. Для этого они использовали повозки, которые ставили достаточно плотно друг к другу, образуя внешнюю линию обороны (Iord. *Get.* 210; 211; Paul. *Diac. HR XIV*, 7). Для организации такого лагеря применялись, очевидно, уже упоминавшиеся выше телеги для перевозки плотов-понтонных и личные кибитки гуннских семей (рис. 37). Укрывшись за ограждением из своих повозок, гунны очень плотно обстреливали подступы к нему из луков (Iord. *Get.* 213).

Оригинальная идея использования в боевых действиях укрепленного лагеря, безусловно, принадлежала

Рис. 58. Средневековый европейский укрепленный лагерь-табор (нем. Wagenburg). Рисунок неизвестного немецкого художника, выполненный около 1480 г. [Zygulski, 1994]

кочевым народам, в жизни которых повозки занимали чрезвычайно важное место. Такое укрепление могло надежно защитить от врага на открытой местности, причем создавалось оно, в первую очередь, не против пехоты, как раз обученной штурму фортификационных объектов, а для сдерживания атак конницы неприятеля. История устройства лагеря, со всех сторон закрытого телегами и кибитками, в Восточной и Центральной Европе уходит своими корнями еще в скифскую эпоху и прослеживается вплоть до позднего Средневековья. Укрепленный лагерь служил в качестве опорного пункта в бою и убежища на случай поражения, в нем хранились боеприпасы и продовольствие⁶⁹ (рис. 58).

Гунны также использовали свои кибитки и телеги для сплошного окружения осаждаемых ими городов с целью полного их блокирования (см. выше, раздел В).

Приложение 2

Хронология важнейших военно-политических событий истории европейских гуннов

Дата *	Событие
Около 375 г.	Гунны вторгаются из-за Волги в степи Северного Причерноморья, где во главе с вождем Баламбером громят алано-сарматские и готские племена

⁶⁹ Черненко, 1984. С. 64—66; Żygulski, 1994.

* Все даты в этом приложении даются по новой эре.

Дата	Событие
378 г.	В битве при Адрианополе готы и их союзники (включая, по всей вероятности, гуннов) наносят сокрушительное поражение римской армии
380 г.	Некоторые группы гуннов, аланов и готов получают право поселиться в Восточной Паннонии на правах римских союзников-федератов
384 г.	Призванные римлянами гуннские отряды из Паннонии сражаются против ютунгов в Реции, а затем вместе с аланами подходят с целью грабежа к границам Галлии, но, получив от римских властей вознаграждение, уходят обратно
388 г.	Гунны оказывают поддержку римскому императору Феодосию I в борьбе против узурпатора Максима
394 г.	Феодосий I для борьбы против другого узурпатора, Евгения, опять привлекает гуннов в свою армию
Зима 394/395 г.	Гунны разоряют Фракию
395—396 гг.	Под угрозой голода в Северном Причерноморье складывается временный союз гуннских племен во главе с Басихом и Курсихом, которые направляют свои орды через Кавказ на Ближний Восток

Дата	Событие
400 г.	Гуннский вождь Ульдин разбивает за Дунаем бежавшего из Константинополя мятежного военачальника гота Гайну
Около 405—408 гг.	Молодой Аэций, в будущем виднейший западноримский политик и полководец, живет среди гуннов в качестве заложника
406 г.	Войско Ульдина принимает участие на стороне римлян в разгроме готского вождя Радагайса при Фьезоле в Италии
408 г.	Гот Сар, военачальник западноримского главнокомандующего Стилихона, предательски уничтожает гуннскую гвардию своего господина
408/409 г.	Неудачное вторжение Ульдина во Фракию
409 г.	Гуннский корпус на службе западноримского императора Гонория численностью в 300 всадников в бою у Пизы в Италии наносит серьезные потери готскому войску во главе с Атаульфом. Гонорий нанимает 10 000 гуннов в свою армию, чтобы противостоять вождю готов Алариху

Дата	Событие
411 г.	Небольшой контингент гуннов-уннигардов, насчитывавший всего 40 воинов, успешно защищает восточноримскую провинцию Ливию Пентаполис от набегов местных племен
Около 412 г.	Упоминается Харатон, «первый среди вождей» гуннских племен Юго-Восточной Европы
422—434 гг.	Правление Руги, осуществлявшего контроль над восточной, причерноморской частью владений европейских гуннов
422 г.	Вторжение Руги во Фракию, серьезно угрожавшее Константинополю, в результате которого Византия начинает выплачивать гуннам ежегодную дань (350 фунтов золотом)
425 г.	Аэций по приказу узурпатора Иоанна набирает у Руги отряд гуннов-наемников для борьбы с высадившимися в Италии войсками византийского императора Феодосия II
Около 430 г.	Смерть Уптара, соправителя Руги в качестве главы западных владений гуннского союза племен, и разгром его войска во время кампании против германского племени бургундов, жившего на правом берегу Рейна

Дата	Событие
433 г.	Руга заключает с Аэцием договор о дружбе и военной помощи, по условиям которого западные римляне уступают гуннам провинцию Паннонию Первую
434 г.	Смерть Руги. Гуннскими царями-соправителями становятся Бледа и его брат Аттила
435 г.	По договору, заключенному в Марге на Дунае, гунны увеличивают получаемую от Византии ежегодную контрибуцию до 700 фунтов золотом. Поход Аттилы и Бледы в Северное Причерноморье для приведения к покорности местных племен и войны против народа соросгов
435—438 гг.	Западноримский полководец Литорий при помощи гуннских наемников одерживает победы над багаудами и везеготами в Галлии
437 г.	По призыву Аэция гунны во главе с Аттилой громят на Рейне бургундов
439 г.	Везеготы наголову разбивают наемное гуннское войско Литория у Тулузы
441—442 гг.	Наступление гуннов на Византию, сопровождавшееся разрушением многих укрепленных городов на ее дунайской границе

Дата	Событие
444/445 г.	Аттила убил Бледу и сделался единоличным правителем всего гуннского государства
Около 446 г.	Аттила лично провел переговоры с Аэцием в Италии, в результате которых он получил земли вдоль реки Саввы в Паннонии
447 г.	Победоносное наступление Аттилы на Восточноримскую империю, армия которой была разбита недалеко от Константинополя. Византийцы теперь вынуждены погасить задолженность гуннам в 6000 фунтов золотом, а также выплачивать им ежегодную дань в трехкратном размере — 2100 фунтов золотом
448 г.	В Северном Причерноморье Аттила подчиняет себе сильное племя акациров
449 г.	Аттила назначает своего старшего сына Эллака правителем акациров и других племен Северного Причерноморья. Византийская дипломатическая миссия ко двору Аттилы, в которой принял участие ритор Приск Панийский, подробно и достоверно описавший это событие в своей «Истории»
450 г.	Смерть византийского императора Феодосия II и отказ его преемника Маркиа-

Дата	Событие
	на платить гуннам ежегодную контрибуцию. Гонория, сестра западноримского императора Валентиниана III, обращается к Аттиле за помощью. Переориентация внешнеполитической активности Аттилы в сторону Западной Римской империи
451 г.	Аттила вторгается в Галлию. «Битва народов» на Каталаунских полях, неудача Аттилы и его отступление в Паннонию
452 г.	Поход Аттилы в Италию. Гунны захватывают Аквилею, Милан и другие города, но затем уходят восвояси
453 г.	Смерть Аттилы
454 г.	В сражении при Недао антигуннская коалиция во главе с гепидами наносит поражение армии сыновей Аттилы. Эллак пал на поле боя, а его братья уводят остатки гуннов из Паннонии на Нижний Дунай и в Северное Причерноморье
456 г.	Остроготы, осевшие на юге Паннонии, отражают нападение сыновей Аттилы Дингцика и Эрнака
Около 463—466 гг.	Пришедшее с востока племя сарагуров атакует народы, жившие в причерноморских степях, подчиняет себе ака-

Дата	Событие
	циров и вторгается затем через Кавказский хребет в Иберию и Армению
465/466 г.	Нападение гуннского вождя Хормидака на Дакию и его поражение от римлян у Сердики
466 г.	Неудачная попытка Динтцика и Эр-нака заключить соглашения о мире и торговле с византийским императором Львом I
467 г.	Объединенные силы гуннов и готов сражаются с византийскими войсками во Фракии. Последним удалось блокировать союзников и даже поссорить их между собой, однако часть гунно-готского войска сумела вырваться из окружения
468 г.	Динтцик вторгается в Нижнюю Паннонию, где осаждает город Бассианы, но остроготы вытесняют его оттуда
469 г.	Динтцик нападает из-за Дуная на Фракию, но терпит поражение и погибает в сражении с византийскими войсками
Около 475 г.	Последняя известная по письменным источникам акция европейских гуннов: переправившись через Дунай, они совершают набег на Фракию

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце III в. до н. э. хунну создали в восточной части степного пояса Центральной Азии могущественную кочевую державу, ставшую на несколько веков главным противником Китая и подчинившую многочисленные кочевые племена, жившие на обширных степных просторах от Великой Китайской стены до бескрайней сибирской тайги. Все это стало возможным прежде всего благодаря особым достижениям хунну в военном деле. Хотя многие восточные народы еще издревле применяли конный бой со стрельбой из луков, но именно хунну развили его до наиболее оптимальной формы — боя преимущественно на дистанции, когда исход сражения решался не в рукопашной схватке, а в методичном и эффективном обстреле противника издали, т. е. с наименьшими для себя потерями. Появление же такой тактики, в свою очередь, стало возможным только в результате изобретения большого дальнобойного лука сложносоставной конструкции в восточной части центральноазиатских степей в последние века до нашей эры. С помощью такого мощного оружия хунну могли поражать врагов своими пронзительно свистящими в полете стрелами на боль-

шом расстоянии, оставаясь в значительной мере неуязвимыми. В военном отношении хунну очень серьезно повлияли на своих кочевых соседей, а также на китайцев.

Все основные достижения хунну в области военного искусства и техники унаследовали гунны, пришедшие в Европу в последней трети IV в. н. э., основное ядро орды которых было связано своим происхождением с хунну. Гуннское войско состояло из отрядов легкой конницы, вооруженных большими мощными луками в качестве главного оружия, а также мечами (не исключено, что каждый воин, по крайней мере в отдельных случаях, мог иметь два меча — длинный двулезвийный и более короткий однолезвийный) и арканами (лассо). Предпочтение в тактике явно отдавалось бою на дальней дистанции при поддержании постоянной высокой мобильности и маневренности, поэтому защитные доспехи, прежде всего металлические, не получили сколько-нибудь серьезного распространения в среде гуннского воинства, за исключением представителей аристократии. Гуннская конница всегда атаковала первой, действуя в рассыпном строю, и в ходе сражения применяла различные тактические приемы и уловки (окружение неприятеля, притворное отступление, устройство засад), с тем чтобы притупить бдительность и физически измотать неприятеля. Стратегия гуннов основывалась на факторе внезапности нападения и скорости передвижения, при этом они стремились глубоко проникнуть на вражескую территорию. Такие рейды тщательно планировались на основе собранной разведчиками информации.

Благодаря своему превосходству в дальнобойном оружии и тактике, гунны одержали верх над сармато-аланскими и восточногерманскими племенами, превратившись в результате в крупнейшую военно-политическую силу Юго-Восточной и Центральной Европы конца IV—первой половины V в. Впрочем, при грозном Аттиле армия гуннов подверглась серьезной трансформации — в ее состав были включены значительные контингенты пехоты, набранные главным образом из среды зависимых восточногерманских племен, что существенно повлияло на гуннскую тактику, которая прежде базировалась исключительно на использовании кавалерии. Именно это организационно-тактическое изменение явилось одной из причин неудачи войск гуннского правителя в его главной битве — на Каталаунских полях в 451 г. Однако, вопреки завоевавшему популярность мнению Р. П. Линднера, нет и достаточно веских оснований утверждать, что собственно гуннская часть воинства Аттилы превратилась из конницы в пехоту.

На закате своей истории гунны, прочно обосновавшись в столь важных в коневодческом плане областях Юго-Восточной Европы, как Северное Причерноморье и Нижнее и Среднее Подунавье, уже не стремились к новым территориальным приобретениям. Последние крупномасштабные кампании Аттилы — в Галлии и Италии, т. е. в странах, которые не обладали достаточными природными ресурсами для поддержания многочисленной гуннской конницы в течение сколько-нибудь длительного времени, преследовали цель захвата добычи и получения в будущем

большой дани от западных римлян (какую гуннам платили византийцы).

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о том, как европейские гунны штурмовали вражеские укрепления, позволяют утверждать, что они, по крайней мере при Аттиле, обладали всеми необходимыми средствами осадного искусства и поэтому были в состоянии овладевать даже хорошо укрепленными крепостями. По всей видимости, здесь сказалось сильное влияние римской военной техники.

В то же время гунны оказали самое глубокое воздействие на вооружение и тактику не только подвластных им европейских народов, но и — в том числе через институт наемничества — позднеримской и ранневизантийской армий.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Переводы китайских письменных источников

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып. 1: Сюнну. М., 1989.

Watson B. Records of the Grand Historian of China. Vol. II: The Age of Emperor Wu, 140 to circa 100 B.C. New York; London, 1961.

Труды греческих и латинских авторов

Agath. — *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque /* Rec. R. Keydell. Berolini, 1967; Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М., 1996.

Ambros. Ep. — *Sancti Ambrosii Mediolanensis episcopi Epistolae // PL.* T. XVI. 1845.

Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Vol. I—II. Leipzig, 1978; Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского, А. Сонни. СПб., 1994.

Aster. *Hom.* — S. P. N. Asterii Amaseae episcopi Homiliae // PG. T. XL. 1863.

Auson. — Decimi Magni Ausonii Burdigalensis Opuscula / Ed. S. Prete. Leipzig, 1978; Авсоний Магн. Стихотворения / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1993.

Callin. *VH* — Callinicos. Vie d'Hypatios / Introduction, texte critique, traduction et notes par G. J. M. Bartelink. Paris, 1971.

Cassiod. *Chron.* — Cassiodori senatoris Chronica ad a. DXIX / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. 1894.

Cassiod. *Hist.* — M. Aurelii Cassiodori Historia ecclesiastica vocata Tripartita // PL. T. LXIX. 1848.

Chron. Gall. — Chronica Gallica a. CCCCLII et DXI / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. IX. 1892.

Claud. — Claudii Claudiani Carmina / Ed. J. B. Hall. Leipzig, 1985.

CTh — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis / Ed. adsumpto apparatus P. Kruegeri Th. Mommsen. Vol. I/2. Editio tertia. Berolini, 1962.

Evagr. — The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. by J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898; Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги III—IV / Пер. И. В. Кривушина. СПб., 2001.

Exc. Vales. — Excerpta Valesiana / Rec. J. Moreau. Lipsiae, 1961.

Greg. Tur. *HF* — Gregorii episcopi Turonensis Historiarum libri decem / Ed. R. Buchner. Vol. I. Berlin, 1967; Григорий Турский. История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. М., 1987.

Hier. *Comm. in Is.* — S. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Commentariorum in Isaiam prophetam libri duodeviginti // PL. T. XXIV. 1845.

Hier. *Ep.* — Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Epistolae // PL. T. XXII. 1845; Saint Jérôme. *Lettres / Texte établi et traduit par J. Labourt.* T. III—IV. Paris, 1953; 1989.

Iord. *Get.* — Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // MGH AA. T. V/1. 1882; Иордан. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Пер. Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1997.

Iord. *Rom.* — Iordanis De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum (Romana) / Rec. Th. Mommsen // MGH AA. T. V/1. 1882.

Isid. *Ety.* — Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Rec. W. M. Lindsay. T. I—II. Oxonii, 1966.

Isid. *HG* — Isidori iunioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. 1894.

Joan. *Ant. fr.* — Joannis Antiocheni Fragmenta // FHG. Vol. IV. 1868; Vol. V/1. 1870.

Land. *Sag.* — Landolfi Sagacis Additamenta ad Pauli Historiam Romanam / Rec. H. Droysen // MGH AA. T. II. 1879.

Malal. — Ioannis Malalae Chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831.

Marcell. — Marcellini v. c. Comitis Chronicon ad a. DXLVIII / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. XI. 1894; The Chronicle of Marcellinus / A Translation and Commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) by B. Croke. Sydney, 1995.

Mauric. — Mauricius. *Arta militară / Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihăescu.* București, 1970 [M]; *Das Strategikon des Maurikios / Einführung, Edition und Indices von G. T. Dennis; Übersetzung von E. Gamillscheg.* Wien, 1981 [D].

Max. Tur. *Hom.* — Sancti Maximi episcopi Taurinensis Homiliae // PL. T. LVII. 1847.

Merob. *Pan.* II — Fl. Merobaudis Panegyricus II / Ed. F. Vollmer // MGH AA. T. XIV. 1905; Clover F. M. Flavius Merobaudes: A Translation and Historical Commentary. Philadelphia, 1971.

Olymp. *fr.* — Olympiodori Fragmenta // HGM. Vol. I. 1870 [D]; Olympiodorus // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983 [B]; Олимпиодор Фиванский. История / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указ. Е. Ч. Скржинской. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. П. В. Шувалова. СПб., 1999.

Oros. — Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII / Ex rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889; Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. T. III. Paris, 1991; Павел Орозий. История против язычников. Книги VI—VII / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2003.

Pacat. — Panégyrique de Théodose par Pacatus // Panégyriques latins / Texte établi et traduit par E. Galletier. T. III. Paris 1955. P. 47—114 [G]; Panegyricus Latini Pacati Drepani dictus Theodosio // XII Panegyrici Latini / Rec. R. A. B. Mynors. Oxonii, 1973. P. 82—120 [M].

Paul. Diac. *HR* — Pauli [Diaconi] Historiae Romanae libri XI—XVI / Rec. H. Droysen // MGH AA. T. II. 1879.

Paulin. Petric. *VM* — Paulini Petricordiae de vita Sancti Martini episcopi libri VI / Rec. M. Petschenig // CSEL. Vol. XVI. 1888.

Philostorg. — Philostorgius. Kirchengeschichte. Mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. 3., bearbeitete Aufl. von F. Winkelmann. Berlin, 1981.

Prisc. *fr.* — Prisci Fragmenta // HGM. Vol. I. 1870 [D]; Priscus // Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. II: Text, Translation and Historiographical Notes. Liverpool, 1983 [B]; Дестунис Г. С. Сказания Прииска Панийского // Учен. зап. 2-го Отд-ния имп. Академии наук. Кн. VII/1. СПб., 1861.

Proc. *Bell.* — Procopii De bellis libri I—VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I—II / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905; Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. СПб., 1998; Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Proc. *De aed.* — Procopii VI libri de aedificiis // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. III/2 / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1913; Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996.

Prosp. *Chron.* — Prosperi Tironis Epitoma chronicon / Ed. Th. Mommsen // MGH AA. T. IX. 1892.

Ps.-Aur. *Vict.* — Pseudo-Aurélius Victor. Abrégé des Césars / Texte établi, traduit et commenté par M. Festy. Paris, 1999; Аврелий Виктор. Извлечения о жизни и нравах римских императоров / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века. М., 1997.

Salv. *GD* — Salviani De gubernatione Dei libri VIII / Rec. F. Pauly // CSEL. Vol. VIII. 1883. P. 1—200; Salvien de Marseille. Œuvres. T. II: Du gouvernement de Dieu / Introduction, texte critique, traduction et notes par G. Lagarrigue. Paris, 1975.

Sidon. *Carm.* — Gai Sollii Apollinaris Sidonii Carmina // C. Sollius Apollinaris Sidonius / Rec. P. Mohr. Lipsiae, 1895; Sidoine Apollinaire. T. I: Poèmes / Texte établi et traduit par A. Loyen. Paris, 1960.

Socr. *Schol.* — Socratis Scholastici Ecclesiastica historia / Ed. R. Hussey. T. II. Oxonii 1853; Sokrates [Scholastikos].

Kirchengeschichte / Hrsg. von G. Chr. Hansen. Mit Beiträgen von M. Širinjan. Berlin, 1995; Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

Sozom. — Sozomenus. Kirchengeschichte / Hrsg. von J. Bidez. Eingeleitet, zum Druck besorgt und mit Registern versehen von G. Chr. Hansen. 2., durchgesehene Aufl. Berlin, 1995.

Strabo — Strabonis Geographica / Rec. A. Meineke. Vol. II. Lipsiae, 1877; Страбон. География: В 17 кн. М., 1994.

Suid. — Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Pt. I—III. Lipsiae, 1928—1933.

Synes. *Catast.* I — Synesii Catastasis I // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944.

Synes. *Catast.* II — Synesii Catastasis II // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944.

Synes. *Ep.* — Synesii Cyrenensis Epistolae / Rec. A. Garzya. Romae, 1979.

Veget. *DAM* — P. Vegeti Renati Digestorum artis mulomedicinae libri / Ed. E. Lommatzsch. Lipsiae, 1903.

Veget. *ERM* — Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869; Flavius Vegetius Renatus. Epitoma Rei Militaris / Ed. with an English Translation by L. F. Stelten. New York; Bern; Frankfurt am Main; Paris, 1990; Флавий Вегетий Ренат. Краткое изложение военного дела / Пер. С. П. Кондратьева // Греческие полиоркеттики. Флавий Вегетий Ренат. СПб., 1996.

Zosim. — Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887; Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. T. II/2, III/1—2. Paris, 1979—1989.

Научная литература

Артамонов М. И. История хазар. Изд. 2-е. СПб., 2002.

Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Бувье-Ажан М. Аттила: Бич Божий. М., 2003 ⁷⁰.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3.

Ведерников Ю. А., Худяков Ю. С., Омелаев А. И. Баллистика. От стрел до ракет. Новосибирск, 1995.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

Воробьев М. В. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн. 1—2. М., 1998.

Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996.

Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4.

Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. Ч. I. Улан-Батор, 1975.

Заднепровский Ю. А. Опыт региональной классификации памятников кочевников Средней Азии древнего перио-

⁷⁰ Данную книгу можно рекомендовать читателю только как популярно-романтическую версию истории жизни Аттилы, не претендующую на историческую достоверность.

да (II в до н. э.—VI в. н. э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л., 1975.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V в.). СПб., 1994.

Засецкая И. П. Гунны на Западе // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

Кляшторный С. Г. Гуннская держава на востоке (III в до н. э.—IV в. н. э.) // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. [Кн. 3:] Упадок древних обществ. М., 1989.

Кляшторный С. Г. Гунны на Востоке // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. I: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

Ковалев А. А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита, 2002.

Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2002.

Кызласов И. Л. О происхождении стремян // СА. 1973. № 3.

Кызласов И. Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М., 2001.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Максимова А. Г., Мерицьев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.

Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // ТИИАЭ АН КазССР. Т. I. 1965.

Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.

Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.—V в. н. э. СПб., 2004 («*Militaria Antiqua*». Вып. V).

Никоноров В. П. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI). 2002.

Никоноров В. П. К вопросу о роли стремян в развитии военного дела // Степи Евразии в древности и Средневековье. Материалы Международной научной конференции, по-

священной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2003.

Никоноров В. П., Худяков Ю. С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

Обельченко О. В. Культура античного Согда: По археологическим данным VII в. до н. э.—VII в. н. э. М., 1992.

Попов И. М. Армии Древнего Китая III в. до н. э.—III в. н. э. М., 2001.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага, 1930.

Рец К. И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные погребения как памятники местной культуры // СА. Т. XXVI. 1956.

Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознологии Забайкалья. СПб., 1999.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990а.

Худяков Ю. С. Образ таштыкского воина в изобразительном искусстве // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск, 1990б.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991.

Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири II в. до н. э.—V в. н. э. Новосибирск, 1993.

Худяков Ю. С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // ДА. № 4. Горно-Алтайск, 1999.

Худяков Ю. С. Скульптурное изображение поверженно-го хунна на могиле Хоцюйбина // ДА. № 5. Горно-Алтайск, 2000.

Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск, 2002.

Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Опыт выделения археологических комплексов племен дунху // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. Благовещенск, 1999.

Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // ДА. № 5. Горно-Алтайск, 2000.

Черненко Е. В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Babelon E. Attila dans la numismatique // RN. Sér. IV. T. XVIII. 1914.

Bachrach B. S. A History of the Alans in the West: From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis, 1973.

Bachrach B. S. The Hun Army at the Battle of Chalons (451): An Essay in Military Demography // Ethnogenese und Überlieferung. Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung. Wien; München, 1994

Barfield Th. J. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // JAS. Vol. XLI/1. 1981.

Bäuml F. H., Birnbaum M. D. (ed.). *Attila: The Man and His Image*. Budapest, 1993.

Bishop M. C., Coulston J. C. N. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the fall of Rome*. London, 1993.

Bivar A. D. H. *Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // DOP. No. 26*. 1972.

Bóna I. *Das Hunnenreich*. Stuttgart, 1991.

Burns T. S. *A History of the Ostrogoths*. Bloomington, 1984.

Chevedden P. E. *Artillery in Late Antiquity: Prelude to the Middle Ages // The Medieval City under Siege*. Suffolk; Rochester, 1995.

Dąbrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.

Daim F., Kaus K., Tomka P. (ed.). *Reitervölker aus dem Osten. Hunnen + Awaren. Burgenländische Landesausstellung 1996. Schloß Halbturn. 26. April — 31. Oktober 1996. Begleitbuch und Katalog*. Eisenstadt, 1996.

Elton H. *Warfare in Roman Europe, A.D. 350—425*. Oxford, 1997.

Ferrill A. *The Fall of the Roman Empire: the military explanation*. New York, 1991.

Goldsworthy A. K. *The Roman Army at War: 100 B.C. — A.D. 200*. Oxford, 1998.

Harmatta J. *The Golden Bow of the Huns // AArchASH. T. V/1—2*. 1951.

Harper P. O. *Reflections on the Whip in the Pre-Islamic Near East: Questions of Identification and Interpretation // StIr. T. 11*. 1982.

Howarth P. *Attila, King of the Huns: Man and Myth*. London, 1994.

Hyland A. The Medieval Warhorse: From Byzantium to the Crusades / With a Foreword by M. Prestwich. Conshohocken, 1996.

Hyland A. The Warhorse: 1250—1600. Stroud, 1998.

Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V. A Study on the Bone Plates from Orlat // SRAA. 5. 1997/98 (1998).

James S. Evidence from Dura-Europos for the Origins of Late Roman Helmets // Syria. T. LXIII/1—2. Paris, 1986.

Keegan J. A History of Warfare. New York, 1993.

Laing J. Warriors of the Dark Ages. Stroud, 2000.

László Gy. The Significance of the Hun Golden Bow. Contribution to the structure of the Hun Nomad Empire // AArchASH. T. I/1—2. 1951.

Lebedynsky I. Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècle apr. J.-C.). Paris, 2001.

Lindner R. P. Nomadism, Horses and Huns // PPr. No. 92. 1981.

Maenchen-Helfen O. J. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture / Ed. by M. Knight. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.

Nicasie M. J. Twilight of Empire: The Roman Army from the Reign of Diocletian until the Battle of Adrianople. Amsterdam, 1998.

Nickel H. About the Sword of the Huns and the «Urepos» of the Steppes // MMJ. Vol. 7. 1973.

Roques D. Synésios de Cyrène et la Cyrénaïque du Bas-Empire. Paris, 1987.

Simonenko A. V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // EAnt. Bd. 7. 2001.

Sinor D. Horse and pasture in Inner Asian history // OrE. Jg. 19/1—2. 1972.

Sinor 1990: Sinor D. The Hun period // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.

Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army. New Haven; London, 1996.

Stephenson I. P. Roman Infantry equipment: The Later Empire. Stroud, 2001.

Takács Z. de. On the Hsiung-nu Figure at the Tomb of Huo Ch'ü-ping // MS. Vol. III/1. 1938.

Tausend K. Hunnische Poliorketik // GB. Bd. 12/13. 1985/1986.

Thompson E. A. The Camp of Attila // JHS. Vol. LXV B (1945). 1947.

Thompson E. A. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948.

Thompson E. A. The Early Germans. Oxford, 1965.

Thompson E. A. The Huns / Revised and with an afterword by P. Heather. Oxford; Malden, 1999.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Wirth G. Attila und Byzanz: Zur Deutung einer fragwürdigen Priscusstelle // BZ. Bd. 60. 1967.

Wolfram H. L'armée romaine comme modèle pour l'Exercitus Barbarorum // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Condé-sur-Noireau, 1993.

Żygulski Z (Jr.). The Wagon Lager // FAH. Fasc. VII. 1994.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- ДА — Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб
- НС — Новая серия
- СА — Советская археология. М.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТИИАЭ АН КазССР — Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
- AArchASH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. München
- CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. Vindobonae
- DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington
- EAnt — Eurasia Antiqua. Berlin; Mainz
- FAH — Fasciculi Archaeologiae Historicae. Łódź
- FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / Collegit, disposuit, notis et prolegomenis illustravit C. Müllerus. Parisiis
- GB — Grazer Beiträge. Graz; Horn
- HGM — Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae

- JAS — Journal of Asian Studies. Ann Arbor
JHS — The Journal of Hellenic Studies. London
MGH AA — Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. Berolini
MMJ — Metropolitan Museum Journal. New York
MS — Monumenta Serica. Peking
OrE — Oriens Extremus. Wiesbaden
PG — Patrologiae cursus completus: Patrologia Graeca /
Accurante J.-P. Migne. Parisiis
PL — Patrologiae cursus completus: Patrologia Latina /
Accurante J.-P. Migne. Parisiis
PPr — Past and Present. Oxford
RN — Revue Numismatique. Paris
SRAA — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura
StIr — Studia Iranica. Paris

SUMMARY

THE «WHISTLING ARROWS» OF MO-TUN AND THE «MARS SWORD» OF ATILA: ART OF WARFARE OF THE ASIATIC HSIUNG-NU AND THE EUROPEAN HUNS

by Valery P. Nikonorov and Julij S. Khudjakov

The present book has to do with the art of warfare and wars of the Hsiung-nu and the Huns — those nomadic peoples, which ranked among the most militant in the World history. The Hsiung-nu created in the late 3rd century B.C. within the vast steppe area of Central Asia a powerful state that became for several centuries the main enemy of Han China and subdued numerous nomadic tribes living in the vast expanses from the Great Chinese wall to the boundless Siberian taiga. This was due, first, to those peculiar achievements, which the Hsiung-nu contributed to the field of mounted warfare. Although many ancient eastern peoples employed battling on horseback with shooting arrows, the Hsiung-nu were the first who developed horse-archery into the best form. They invented fighting mainly at a long distance, when the outcome of battle was decided not in hand-to-hand-combat, but in methodical and very efficient shooting at the enemy from a

distance, i. e. with the least losses for themselves. The appearance of these tactics became possible only because of the making of the big and powerful compound bow in the eastern part of the Central Asian steppe zone during the last centuries B.C. Such bows helped Hsiung-nu warriors to strike any enemies by their famous «whistling» arrows at a long distance, while they remained invulnerable themselves to a considerable extent. The Hsiung-nu warfare influenced very much their nomadic neighbours, as well as the Chinese.

The Huns, who invaded Europe in the last third of the 4th century A.D. and whose main body seems to have been related to the Hsiung-nu by origin, inherited all of the latter's' principal achievements in the sphere of martial art and techniques. The Hun army consisted of light-armed mounted contingents, equipped with a big powerful bow as the principal weapon, as well as with swords (sometimes each rider could have a double set of bladed arms — a long two-edged sword and a short one-edged broadsword) and a lasso. In tactics, they gave preference to fighting at a long distance with keeping permanent high mobility and manoeuvrability. Because of the tactical reasons, any heavy armour did not spread in the bulk of Hun troops, except for some of the noble warriors who wore costly metal helmets and corselets, doing so rather under Roman inspiration. The rest, rank-and-file men, had curved fur-caps serving them as protectors, as well as not so big round shields made from wood and leather. The Hun cavalry always charged first, riding in loose order, and could use in the course of action various stratagems (feigned retreat, encircling an enemy order, laying ambushes).

Strategy of the Huns was grounded on the factor of surprise, which was achieved at the expense of their extraordinary speed of riding. As a rule, their raids were well planned with the obligatory employment of intelligence information. During their invasions, the Huns aimed at penetrating into the hostile territory as deep as possible.

Owing to their superiority in the long-distance weapons and tactics, the Huns had defeated the Alano-Sarmatian and Eastern Germanic peoples and turned within the late 4th century to 450s into the mightiest power of Southeastern and Central Europe. However, it should be noted that the Hun tactical methods became quite different under the great king Attila. It was caused by those changes, which occurred in the army of the Huns themselves who began to rely not only upon cavalry but also upon infantry recruited from the midst of subdued Eastern Germanic tribes such as the Ostrogoths, the Gepids, the Scyri, and others. These infantry forces were very needful, especially for siege operations, fighting in forests and mountains, etc. Nevertheless, the transition to the wide employment of soldiers on foot marked a decline of the Hun military power. In the open battle on the Catalaunian Fields in 451, when large masses of infantry played a significant role and cavalry was hardly able to make the entire volume of their favourite tactical stratagems (ambushes, simulated retreat, encirclement), the Huns lost their previous advantage before the foes. True, contrary to R. P. Lindner's theory, which is widely accepted at present, it seems that there are no sufficient proofs to state that Attila's properly Hun soldiers were transformed in a considerable degree from cavalymen into combatants on foot.

Closer towards the end of their history the European Huns entirely digressed from the practice of long-term conquests. Having strongly taken possession of so important horse-breeding regions of Southeastern Europe as the Northern Pontic area and the Danube valley, including the Great Hungarian Plain, Attila was no longer aiming at the capture of new territories. His last large-scale campaigns, against Gaul (451) and Italy (452) — i. e. the countries providing no sufficient natural resources to support very numerous mounted hordes of Huns during any long time — were intended to get the plunder, as well as to receive in the future the big tribute from the western Romans to be defeated (like the Huns took from the Byzantines). However, these campaigns of Attila were not successful and, therefore, his plans proved to be unrealizable.

The available testimonies of how the European Huns stormed enemy fortifications allow us to assert that, at least in Attila's days, they had at their disposal practically all the needful means of the contemporary high-developed siege craft and were able so to take even well-fortified strongholds. It was due to Roman military technical influence.

At the same time, the Huns influenced very deeply, by their introduction into European fighting practice of the powerful and long-range bows first and foremost, both offensive armament and tactics not only of the peoples subject to them, but also — through battling against imperial armies and providing them with mercenary forces from their own midst — of the Late Roman and Early Byzantine military.

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИГИ

Валерий Павлович Никоноров родился в 1953 г. в городе Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). В 1983 г. закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1988 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Вооружение и военное дело в Парфии». Работает старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Принимал участие в археологических исследованиях на территории Туркменистана, Узбекистана, России, Украины, Молдавии и Вьетнама. Является автором более чем 50 научных работ, опубликованных в России и за рубежом, в том числе монографии:

The Armies of Bactria, 700 B.C.—450 A.D. Vol. 1—2. Stockport, 1997.

Юлий Сергеевич Худяков родился в 1947 г. в поселке Медвежка Кемеровской области. В 1974 г. закончил Новосибирский государственный университет (НГУ), а в 1977 г. — аспирантуру при НГУ. Доктор исторических наук, профессор, возглавляет кафедру

археологии и этнографии НГУ и одновременно работает главным научным сотрудником Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Является автором 20 монографий, учебников и учебных пособий, а также более чем 600 статей. Научный редактор 10 монографий и научных сборников. Его основные монографии:

Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск, 1980.

Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982.

Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск, 1991.

Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.

Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск, 1997.

Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб.; М., 2003 (Серия «*Militaria Antiqua*». Вып. I).

Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Часть I. «Свистящие стрелы» Маодуня: войны и военное дело хунну	6
Глава I. В глубине веков: хунну в Ордосе	7
Глава 2. Пробуждение хунну. Создание великой военной державы хунну шаньюем Маодунем	19
Глава 3. Роговые луки и свистящие стрелы. Оружие и военное искусство хунну	45
Глава 4. Враги и соперники Хуннской державы в Центральной Азии. Дунху и юэцжи.	70
Глава 5. Хунну в Саяно-Алтае. Вооружение и военное искусство кочевников улуг-хемской, кокэльской, булан-колинской, кок-пашской, айрыдашской и таштыкской культур	82
Глава 6. Хунну в Восточном Туркестане. Военное дело номадов Синьцзяна в хуннское время	97
Глава 7. Хунну после распада единой державы. Хунну и китайцы. Шаньюй Чжичжи против Поднебесной империи	110
Глава 8. Вооружение и военное искусство племен кенкольской культуры	120
Глава 9. Крушение хуннской государственности. Подчинение центральноазиатских номадов	

военной мощи сяньби. Исход орды северных хунну на запад	135
Приложение 1. Хронология важнейших военно-политических событий истории хунну (сюнну) .	147
Часть II. «Марсов меч» Аттилы: военное дело европейских гуннов	152
Глава 10. Гунны на Западе	153
А. Гунны скачут по Европе	153
Б. «Солдаты удачи»: гунны в роли наемников	185
Глава 11. Гуннское военное снаряжение	193
А. Наступательное оружие	193
Б. Защитное вооружение.	211
В. Конское и всадническое снаряжение	215
Глава 12. Военная иерархия гуннов	222
Глава 13. Гуннское войско	232
А. Конница	232
Б. Пехота.	241
В. Военно-технические части.	244
Глава 14. Военное искусство гуннов.	250
А. Стратегия	250
Б. Тактика	256
В. Искусство осады городов (полиоркетика)	274
Г. Укрепленный лагерь (табор)	280
Приложение 2. Хронология важнейших военно-политических событий истории европейских гуннов	282
Заключение	290
Список цитированной и рекомендуемой литературы	294
Список библиографических сокращений.	308
Summary	310
Об авторах этой книги	314

Серия
«*Militaria Antiqua*»

В. П. НИКОНОРОВ, Ю. С. ХУДЯКОВ

«СВИСТЯЩИЕ СТРЕЛЫ» МАОДУНЯ
И «МАРСОВ МЕЧ» АТТИЛЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО АЗИАТСКИХ ХУННУ И ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ

научно-популярное издание

ISBN 5-85803-278-6 («Петербургское Востоковедение»)

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 25.10.2004. Формат 70×100¹/₃₂

Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 1500 экз. Объем 10 печ. л.

Заказ № 3659

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ НАШЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА совместно с издательством «Филоматис»

Новая книжная серия, выпускаемая издательством «Петербургское Востоковедение» в сотрудничестве с московским издательством «Филоматис», называется «Militaria Antiqua» и посвящена истории военного дела народов и государств Евразийского материка в древности и средневековье.

Войны и военное дело играли огромную роль в жизни древних племен и государств, определяли их судьбы, меняли карту мира, поэтому изучение всех этих предметов всегда было важной задачей для историков-профессионалов. Но не менее важно для них другое — донести результаты своих исследований до самой широкой читательской аудитории.

Настоящая серия объединяет в себе ученый профессионализм и популярность изложения. Все книги серии хорошо иллюстрированы.

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 📖 **Ю. С. Худяков.** *Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов*
- 📖 **В. А. Горончаровский.** *Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени*
- 📖 **С. М. Рубцов.** *Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн*
- 📖 **Ю. А. Виноградов.** *«Там закололся Митридат...»: военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху*
- 📖 **А. К. Нефёдкин.** *Военное дело сарматов во II в. до н. э. — V в. н. э.*

В. П. НИКОНОВ
Ю. С. ХУДЯКОВ

«СВИСТЯЩИЕ
СТРЕЛЫ»
МАОДУНЯ И
«МАРСОВ МЕЧ»
АТТИЛЫ

В книге рассматривается военное искусство и вооружение центрально-азиатского кочевого народа хунну (сюнну) - могущественного северного противника Китая начиная с III в. до н. э., а также генетически связанных с хунну европейских гуннов, которые доминировали в степях Юго-Восточной Европы с 370-х до 460-х г. н. э. Повествование построено на использовании данных древней письменной традиции и археологии и содержит большое количество иллюстраций оружия того времени и графических реконструкций облика хуннских и гуннских воинов.

ISBN 5-85803-278-6

9 785858 032786

МИГТАРІА АМТІОУА